

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2019 № 1 (21)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56513 от 24 декабря 2013 г.
- Журнал размещён на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Журнал включен в каталог «Пресса России», подписной индекс 70771
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки))
- Сайт журнала: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2019

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алпатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Беларусь)
А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Канберра, Австралия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
А. П. Сквородников, доктор филол. наук, проф. (Красноярск, Россия)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva, Ph.D, Ass.prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

Vladimir M. Alpatov, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Elena G. Elina, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Stanislaw Gajda, Ph.D, Prof. (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0002-2288-9723>

Olena I. Goroshko, Ph.D, Prof. (Kharkov, Ukraine), <https://orcid.org/0000-0003-0235-6839>

Vladimir I. Karasik, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Robin Lakoff, Ph.D, Prof. (Berkeley, USA)

Tat'yana V. Larina, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Eleonora Lassan, Ph.D, Prof. (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>

Valentina A. Maslova, Ph.D, Prof. (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0002-7856-0396>

Mei Huang, Ph.D, Prof. (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>

Arto Mustajoki, Ph.D, Prof. (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>

Boris Y. Norman, Ph.D, Prof. (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

Natalia V. Orlova, Ph.D, Prof. (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>

Bert Peeters, Ph.D, Prof. (Canberra, Australia), <https://orcid.org/0000-0001-8422-4156>

Valeri V. Prozorov, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Renate Rathmayr, Ph.D, Prof. (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>

Tat'yana V. Shmelyova, Ph.D, Prof. (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>

Vladimir A. Salimovsky, Ph.D, Prof. (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>

Olga B. Sirotina, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>

Alexandr P. Skovorodnikov, Ph.D, Prof. (Krasnoyarsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-0171-596X>

Tat'yana I. Steksova, Ph.D, Prof. (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Zifa K. Temirgazina, Ph.D, Prof. (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Maria Yelenevskaya, Ph.D, Prof. (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

- В. В. Дементьев**
Саратов, Россия
- Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров..... 6

Переводы

- Марина Сантини**
Брайтон, Великобритания
- Веб-страницы, типы текстов и лингвистические характеристики: некоторые вопросы..... 22

Исследования отдельных жанров

- В. В. Прозоров**
Саратов, Россия
- Дневник как лирический речевой жанр 34

- С. В. Волошина**
Томск, Россия
- Концепт «Жизнь» в речевом жанре автобиографического рассказа: константы и трансформация (на материале диалектной речи)..... 42

Интернет-жанры

- В. И. Карасик**
Москва, Россия
Тяньцзинь, Китай
- Жанры сетевого дискурса 49

- Т. В. Дубровская**
Пенза, Россия
- «Любви достойна только мать и Гелендваген 5.5»: пацанская лирика как жанр молодёжного интернет-дискурса 56

Жанры новых культурных сфер

- В. В. Фенина**
Саратов, Россия
- Тотальный диктант: интеллектуальный флешмоб или речевой жанр? 66

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

- Vadim V. Dementyev**   Genres in Changing World: Creationistic Potentials
Saratov, Russia   of Speech Genres and Epistemological Potentials
of the Theory of Speech Genres 6

Translations

- Marina Santini**   Web Pages, Text Types, and Linguistic Features:
Brighton, UK   Some Issues 22

Studies of Individual Genres

- Valery V. Prozorov**   Diary as a Lyrical Speech Genre 34
Saratov, Russia

- Svetlana V. Voloshina**   The "LIFE" Concept in the Speech Genre
Tomsk, Russia   of the Autobiographical Story: Constants
and Transformation (Based on Dialect Speech) 42

Internet Genres

- Vladimir I. Karasik**   Genres of Network Discourse 49
Moscow, Russia
Tianjin, China

- Tatiana V. Dubrovskaya**   "Only Mother and Geländewagen 5.5 Deserve Love":
Penza, Russia   Busters' Lyrics as a Genre of the Youth Internet Discourse 56

Genres of New Cultural Fields

- Viktoriya V. Fenina**   Russian Language Literacy Test: Intellectual Flash Mob
Saratov, Russia   or Speech Genre? 66

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'38

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>**В. В. Дементьев**
Саратов, Россия**Vadim V. Dementyev**
Saratov, Russia**Жанры в меняющемся мире: креационистские
потенции речевых жанров
и эпистемологические потенции теории
речевых жанров****Genres in Changing World: Creationistic
Potentials of Speech Genres and Epistemological
Potentials of the Theory of Speech Genres**

Статья посвящена речезанровым изменениям и речезанровой картине современности. Осмысляются креационистские потенции речевых жанров: как жанры участвуют в создании этой картины в силу своих объективных природы и потенций, которые рассматриваются в статье через оппозиции, образованные парами противоположных взаимосвязанных тенденций: национально-специфическое ~ универсальное; лингвистическое ~ экстралингвистическое; «путь сверху» ~ «путь снизу»; развитие новых явлений на национальной (оригинальной) почве ~ заимствования. Формирование и изменения новых жанров анализируются через различные новые коммуникативные феномены (одни из них заимствуются, другие развиваются и складываются на оригинальной национально-культурной почве): в социальной жизни, институциональной коммуникации, частной жизни, межличностных отношениях, а также в художественном словесном творчестве, жанры которого традиционно наиболее изучены, в том числе со стороны их истории.

В качестве основы методики исследования предлагаются систематизированные положения, разработанные в рамках различных направлений современной теории речевых жанров, и параметры модели, по которой могут быть описаны наиболее критические события речезанровой современности (это становится возможным благодаря эпистемологическим потенциям теории речевых жанров).

Ключевые слова: речевые жанры, теория речевых жанров, речезанровая картина современности, заимствование речевых жанров.

The article is devoted to the changes of speech genres and speech genre picture of modernity. The creationistic potentials of speech genres are conceptualized: how genres are involved in the creation of this picture due to their objective nature and potentials, which are considered in the article through the oppositions formed by pairs of opposing, interconnected tendencies: national-specific ~ universal; linguistic ~ extralinguistic; “way from above” ~ “way from below”; development of new phenomena on the national (original) basis ~ borrowing. The formation and changes of new genres are analyzed through various new communicative phenomena (some of them are borrowed, others are developed and put together on the original national-cultural basis): in social life, institutional communication, private life, interpersonal relations, along with belles-letters, genres of which have been traditionally best studied, from the point of view of their history as well.

As a basis for the research methodology, the author offers systematized statements developed within the framework of various areas of the modern theory of speech genres and the parameters of the model, which can describe the most critical events of the rehearsing modernity (this becomes possible due to the epistemological potentials of the theory of speech genres).

Keywords: speech genres, theory of speech genres, speech genre picture of modernity, borrowing of speech genres.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: dementevvv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

1. Постановка проблемы

Настоящая статья является продолжением статьи автора «Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи» [1], которая была посвящена вопросу, как теория речевых жанров (ТРЖ) помогает описывать речевую картину современности – состояние речи, изменения, тенденции. В центре внимания, таким образом, были не столько жанры речи как таковые, сколько наука о жанрах. Обсуждались и систематизировались методы, используемые в различных направлениях ТРЖ для изучения РЖ разных типов (в том числе традиционных и новых жанров, развивающихся при участии различных факторов, соответствующих общим тенденциям в речи). Эти методы будут в основном использоваться и в настоящем исследовании – ниже они будут приведены в несколько сокращенном и конкретизированном в соответствии с новой задачей виде.

Настоящая статья тоже посвящена речевым изменениям и речевой картине современности, но в центр внимания ставится не наука о РЖ, а сами РЖ: как они в силу своих объективных природы и креационистских потенций участвуют и в этих изменениях, и в создании этой картины.

Для понимания изменений РЖ важно учитывать следующие оппозиции, образованные парами противоположных, но взаимосвязанных тенденций (они во многом близки к факторам языкового филогенеза, хорошо изученным в лингвистике): национально-специфическое ~ универсальное; лингвистическое ~ экстралингвистическое; «путь сверху» ~ «путь снизу»; развитие новых явлений на национальной (оригинальной) почве ~ заимствования.

Начнем с **лингвистического** аспекта. Как мы уже сказали, у изменения / развития системы жанров в речевой культуре есть общее с изменениями / развитием языка, а значит, нам целесообразно опираться на достижения лингвистики в изучении этих изменений / развития: теории диахронических универсалий, теории неологизмов, теории заимствований и лингвистической интерференции и т. п. [2, 3].

При этом могут быть выделены:

1) **«путь снизу»**, который был отмечен еще Соссюром, утверждавшим, что «исторически акт речи предшествует языку» [4: 57]). Для нас важно мнение М. М. Бахтина, которое можно понимать как дополнение к этому положению Соссюра: языковой системности предшествует опыт практической коммуникации, а тем самым – системность речевая, речежанровая: «Ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в

систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки» [5: 165].

И Соссюр, и Бахтин имели в виду развитие речи / языка **на национальной (оригинальной) почве**.

Специалисты по языковым заимствованиям тоже рассматривают со своей точки зрения «путь снизу» в развитии языка, при этом выделяют три стадии: 1) заимствования, 2) интерференцию (накопившееся большое количество заимствований приводит к более существенным качественным изменениям в системе), 3) закрепление изменений в системе языка.

Подобно тому как в теории неологизмов / неологии противопоставляются *номинативы*, обозначающие новые появившиеся и впервые осмысленные реалии и понятия, и *трансноминативы*, обозначающие реалии, уже известные ранее, но под другим наименованием [6, 7: 13–15, 8], – в ТРЖ могут быть противопоставлены 1) РЖ, возникшие на принципиально новой коммуникативной, культурной, ситуационной почве, например, вызванные к жизни новыми техническими возможностями или, наоборот, ограничениями: жанры интернет-общения, чрезвычайно разнообразные (среди них есть и ритуализованные: от элементарных «лайков» до весьма сложных онлайн-игр, – и неформальные наподобие чата и «каментов» на форумах и в блогах), SMS-общение, а также заполнение различных онлайн-заявок и анкет (от элементарной покупки товаров в интернет-магазинах до подписания протестных петиций); 2) новые жанры, не вызванные такими новациями (здесь вопрос, а почему же появились эти жанры, конечно, гораздо менее очевиден): собеседование / интервью при приеме на работу, реалити-шоу и ток-шоу на ТВ, неформальное общение в фитнес-клубе, разбирательства водителей при ДТП;

2) **«путь сверху»**: развитие нового в РЖ (как и нового в языке) производно от более общих изменений культуры, таких как смена социальных формаций, господствующей идеологии, эволюция государственных структур, основные тенденции в обществе.

В социолингвистике традиционно хорошо изучен вопрос о том, как изменения в обществе влияют на язык. Следует отметить, что уже в первых работах, посвященных языку Великой французской буржуазной революции, было показано, что меняются вначале представления о речи, которая считается «хорошей», образцовой, а уже потом изменения затрагивают язык (для французского языка до конца XVIII в. образцовым был манерный, «куртуазный» язык Версаля, после революции

же происходит демократизация и закрепление в языке большого количества простонародных форм) [9].

Таким образом, последовательное рассмотрение «пути сверху» ставит в центр внимания не собственно лингвистический, а **экстралингвистический** аспект, точнее, экстралингвистические факторы, действие которых может приводить к 1) появлению новых РЖ и 2) новым особенностям традиционных РЖ и их трансформации.

Первый аспект наиболее очевиден тогда, когда целые сферы коммуникации, в которых формируются соответствующие РЖ, тоже являются новыми – в глобальном масштабе (например, Интернет) или региональном (ср. формирование или возрождение в посткоммунистических России и бывших странах соцлагеря ряда новых и «хорошо забытых старых» сфер и жанров, присущих капиталистическому обществу, таких как, например, биржевые новости, большинство рекламных жанров, жанры корпоративной коммуникации, интервью топ-менеджеров [10]).

Второй аспект составляют иногда довольно тонкие особенности структуры и функционирования РЖ, видоизменяющихся под действием внешних факторов – ср., например, исследования «вербальных дуэлей» у афроамериканской городской молодежи, которые проводил еще в 1970-е гг. Р. Абрахамс [11], исследования по коммуникативной компетенции современной городской российской молодежи, которые осуществляются в Саратове [12]. Такие видоизменения традиционных РЖ могут затрагивать в них, собственно, лингвистические аспекты, например синтаксис, лексическую семантику (ср. новое значение *интервью* ‘собеседование при приеме на работу’ из *job interview*); стилистический аспект (*научный стиль* становится более свободным, по крайней мере, в немаленькой части гуманитарных наук); иллокутивный аспект (см. ниже о прагматике современного *интернет-флирта*) (подробнее см.: [1: 80]).

Что же касается заимствования экстралингвистических факторов, значимых для речевой картины и ее изменений, к наиболее заметным тенденциям относится **глобализация**.

Глобализация приводит к тому, что, с одной стороны, процессы, выявленные для новых РЖ в одной культуре (например русской), часто имеют более универсальный характер, чем это было (и могло быть) несколько десятилетий назад. С другой стороны, на первый план вновь (как и в другие динамичные эпохи, такие как Петровская и послереволюционная эпохи в России / СССР или «постсамурайская» в Японии XIX в.) закономерно выходят проблемы **заимствования** жанров, перенесения их из одной национальной речевой культуры в другую (в большинстве случаев в результате на новой национальной почве развиваются новые жанры), соответственно – проблемы речевой лакунарности, безэквивалентности и т. д., которые пока и для глобальной картины, и для отдельных культур получили в луч-

шем случае лишь начальное осмысление (например, в [13–16]).

И для первого, и для второго аспектов глобализации в современной коммуникации очевидно большую роль играет развившийся за последнее десятилетие-полтора Интернет: подчеркнем, что все основные интернет-жанры (*блог, форум, чат, интернет-энциклопедия*) являются универсальными и несомненно имеют гораздо больше общего в разных культурах / языках с точки зрения своей речевой структуры, чем различий. При этом все они изначально осуществлялись на английском языке, отсюда большое количество англицизмов (или универсализмов на базе английского языка) в общении в рамках данных жанров на других языках.

Конечно, стремление к унификации, жанровые заимствования, особенно активизировавшиеся в мире примерно в это же время, характерны и для неинтернет-коммуникации. Подобный опыт очень богат у Европы: несомненно, языковые структуры широко известных лингва-франка, пиджинов складывались на основе отработанных речевых практик, т. е. РЖ (прежде всего, в сфере торговли, но не только), однако информации о тех средневековых жанрах, как и коммуникации людей в целом, сохранилось очень мало. Значительно благоприятнее для жанроведа современная ситуация. Так, в странах Евросоюза в непосредственное устное общение ежедневно вступают миллионы носителей разных языков / «речевых компетенций». В результате происходит не только взаимообмен жанрами, но и формирование новых РЖ, которые еще только начинают изучаться. Ср. исследование А. Мустайоки, посвященное новому, с его точки зрения, жанру в странах Евросоюза – *международной конференции на английском лингва-франка*: конференция проводится обычно в другой стране, большинство участников говорят не на родном языке, при этом использование лингва-франка добавляет парадоксальную особенность общению: люди понимают друг друга не хуже, а лучше, чем в естественных условиях [17]. Добавим, что подобный жанр, конечно, можно представить и в России, но все же труднее, чем в Хельсинки, где, в свою очередь, он практически невозможен на финском языке (тогда как международная конференция в Москве и даже вне России на русском лингва-франка – распространенное явление, хотя сейчас и меньше, чем лет 30–40 назад).

Заимствования РЖ, обусловленные глобализацией или ее аналогами, – далеко не новое явление, и в лингвистике (а также культурологии, социологии, философии) такие жанры неоднократно рассматривались. Ср. такой жанр неофициального публичного фатического общения представителей привилегированного класса, как *светская беседа* (подробнее см.: [1: 84–85, 86; 15, 18, 19]).

По понятным причинам при изучении тенденций в коммуникации особую значимость приобретают изменения и тенденции в молодежной среде. Много информации здесь могут дать социальные исследования, опросы, проводимые специалистами.

Ср. исследование, проведенное Сбербанком совместно с агентством Validata в 2016 г., целью которого было выявить новые ценностные ориентиры и приоритеты, изменения в профессиональной и коммуникативной компетенции, лидерские качества и т. д. современного «поколения Z», т. е. 15–20-летних, в России (в Москве, Саратове и Барнауле). К самым показательным выявленным результатам относят то, что «онлайн формирует реальность, а не наоборот», молодые лучше воспринимают информацию, представленную кратко и наглядно (средний период концентрации – восемь секунд), а иконки и смайлики всё чаще заменяют текст. Тренды меняются очень быстро, долгосрочные привязанности отсутствуют даже в музыке и кино, ярко выраженных субкультур больше нет. С родителями у «поколения Z» сформировались партнерские, свободные отношения – старшее поколение их чаще хвалит, чем ругает, а сами подростки всё меньше критикуют родителей. Однако взрослые не являются абсолютным авторитетом, так как дети превосходят их во многих навыках. При этом родители часто берут на себя все бытовые обязанности, и у молодежи отсутствуют навыки решения проблем в реальной жизни. Современные молодые люди не любят и не могут быть одни, стремятся к популярности и больше всего ценят качества, которые помогают им общаться. При этом «каждый уверен в собственной исключительности и единым поколением с друзьями себя не считает» (Известия, 29.03.2017, <http://izvestia.ru/news/674268>).

Сейчас активно идет формирование большого количества новых коммуникативных феноменов (одни из них заимствуются, хотя «чистого», механического перенесения всех форм, тем более содержания, на чужую культуру никогда не происходит; другие развиваются и складываются на своей, оригинальной национально-культурной почве) (см. об этом, например: [10, 12, 16, 17, 20–29]; о состоянии лингвистики и ее готовности воспринимать и изучать эти новые коммуникативные феномены, в том числе с лингворечежанровых позиций, см.: [30–42]):

- в **социальной жизни**, институциональной коммуникации (там новое более очевидно, но не всегда в такой степени и столь непосредственно коммуникативно):
  - производстве, бизнесе (например новые способы организации производства (и новые отрасли производства) и новые формы ведения бизнеса, включая иерархические и неиерархические отношения в них, правовое регулирование и т. д.) [43–45];
  - науке, образовании (интерактивные классы и семинары, онлайн-конференции и т. д. – многие эти феномены имеют выраженную речежанровую природу и в этом качестве активно изучаются (см., например, [46–49]);
  - рекламе (само понятие рекламы и ее отдельных аспектов в современной «капиталистической» российской действительности тоже новое (или «забытое старое»), в то же время реклама,

- выводящая на более общие вопросы сферы торговли и потребления в целом, позволяет дать достаточно объективное представление наиболее характерных способов передачи и восприятия информации, как и способов повышения ее воздейственности (с лингвистической точки зрения активно задействуются и прецедентность, и лингвокреативность, и отчасти словотворчество), отсюда такие новые социальные и коммуникативные феномены, имеющие речежанровое содержание, как *скрытая реклама, джинсы*) [50];
- политкоммуникации (изменения здесь особенно, конечно, стремительны и масштабны, причем меняются не только политические идеи, движения, партии и т. п., но и многие структурно-коммуникативные феномены). Речежанровый аспект политической коммуникации в целом, изменения РЖ активно изучаются [51–56];
- СМИ, особенно ТВ, где за последние 20–25 лет появилось огромное количество и новых жанров телепередач (многие из них являются заимствованными), и более общих тенденций коммуникации (демократизация, снятие прежних ограничений и запретов, «рейтинговость» и ее современная онлайн-разновидность «лайкоцентризм») (*теледебаты, ток-шоу, реалити-шоу*) [57, 58];
  - в **частной жизни**, межличностных отношениях (сюда относится и большая часть современной интернет-коммуникации и ее жанров) [29, 48, 59–61]:
    - появляются новые коммуникативные формы, новые социальные роли и названия для них, в том числе оценочные (*бизнесмен, блогер, колунист, олигарх, эффективный менеджер*); отношения, приоритеты и ценностные ориентиры, обуславливающие новые системы оценки (*мессидж, харизма, пиар, респект и уважуха*);
    - новые коммуникативные действия (*троллить, лайкать*) и отношения (иерархические и неиерархические) (*за-/расфрендить, фолловер, френдлента, крышевать, кошмарить*);
    - основанные на коммуникации характеристики человека (*успешный, неуспешный, амбициозный, перфекционист, мачо, грантоед*);
    - основанные на коммуникации мемы (*вежливые люди*).

Об Интернете и его жанрах межличностной коммуникации, таких как *блог, форум, чат* и др., следует сказать особо, тем более что специфика таких РЖ, по сравнению с традиционными РЖ, подчас чрезвычайно велика, они активно изучаются, но было бы большим преувеличением говорить, что эти речежанровые феномены удовлетворительно осмыслены или что соответствующий раздел ТРЖ удовлетворительно разработан: пока что можно говорить о весьма интересных и несистематических исследованиях, содержащих скорее предварительные выводы и соображения [48, 61–67].

Сюда же следует отнести огромное количество **технических** прямо или опосредованно коммуника-

тивных приспособлений, бытовой техники, одежды (как специальной, форменной, так и неспециальной), аксессуаров и т. д. Например, опосредованно коммуникативным приспособлением может быть не только смартфон, монитор и телекамера в скайпе, наушники, но и такие вещи, как «фенечки» (актуальные для различных ролевиков и представителей других, менее формализованных сообществ), пирсинг, тату-машинка или даже кофеварочная машина, самокат и роликовые коньки.

- в **игровой коммуникации** появляются новые игры и их правила (во многом пересекающиеся с жаргонами социальных сообществ ролевиков: *квест, имиджборд, флешмоб* [68]).

В западной лингвистике, теории коммуникации, теории игр ряд исследований был посвящен:

- правилам онлайн-игр и видеоигр (иногда) формируемым в результате коммуникативно-речевым практикам и даже нормам [69–76];

- складывающимся отношениям и ролям участников онлайн-игр и видеоигр, включая аспекты цифровизации и формализации интерактивных и скриптовых взаимодействий и социальный символизм, разговоры, взаимопонимание и конфликты игроков, функции коммуникации в многопользовательских ролевых играх, социальные идентичности в виртуальных мирах, личности и сообщества, фэндомы [69, 70, 72, 77];

- психологическим особенностям участников онлайн-игр и видеоигр, их мотивации и т. д. [71, 78–80]

- нарративным, сюжетным и собственно текстовым аспектам онлайн-игр и видеоигр [70, 72];

- собственно языковым феноменам в онлайн-играх и видеоиграх: анализ английского языка как лингва-франка в видеоиграх и перевод видеоигр, креативные действия и юмор (включая языковую игру), их перевод [81–83];

- более общим вопросом: социальному и культурному значению онлайн-игр и видеоигр, компьютерам в индустрии развлечений, философии онлайн-игр и видеоигр [80, 84–92].

- Наконец, в **художественном словесном творчестве**, жанры которого традиционно наиболее изучены, в том числе со стороны их истории [93, 94], но, думается, еще недостаточно осмыслены по отношению к реалиям XXI в., которые значимы и для нехудожественной, и для художественной коммуникации: во-первых, в произведениях они получают непосредственное отражение; во-вторых, могут влиять на качества художественного текста более непосредственно – ср. роман Б. Акунина «Квест», где повествование постоянно прерывается тестовыми вопросами с последующими отсылками к разным страницам; произведение читается с начала и с конца («книга-перевертыш») и имеет несколько вариантов и сюжета, и финала; иллюстрации к роману названы «скриншотами» и т. д. – см. об этих проблемах [95, 96].

О современной «интернет-литературе», «интернет-критике» и их жанрах см. [97].

Именно из художественной литературы взяты все примеры для анализа в настоящей статье.

Ключевой для нас вопрос здесь, конечно: какое участие в формировании и закреплении всего этого нового принимают жанры?

Интуитивно просится вполне однозначный ответ: огромное, и важное, и эффективное, но вот какое именно, особенно в лингвистическом, коммуникативном и текстовом аспектах, еще далеко не до конца ясно.

Отвечать на этот вопрос, тем не менее, надо, и для правильного ответа нужны жанроведческие знания, которые, кстати, в идеале позволяют отвечать не только на «как-вопросы», но и «почему-вопросы» о жанрах.

В частности, на вопрос: почему участие жанров в формировании и закреплении нового в языке и речи является эффективным? – ТРЖ дает ответ: так как в этом принимают участие жанры, которые сами являются отчасти новыми (см. выше), а главное – служат мостком от непосредственной коммуникации (психологических и коммуникативных целей и мотивов участников коммуникации, их состояний, ориентиров, как ситуационных, так и постоянных) к настоящей, т. е. языковой, системности (данная системность может быть и в литературном языке, и в нелитературных стратах). (Об отражении в языке и РЖ, и других феноменов речевой системности / речежаровых цепочек см. в [95, 98].) (Вспомним новые коммуникативные феномены, большое количество которых было названо в этом параграфе: «лайкание», *SMS-сообщения, блог, форум, чат, «каменты» на форумах и в блогах, интернет-энциклопедия, международная конференция на английском лингва-франка, онлайн-конференции, интерактивные классы и семинары, теледебаты, ток-шоу, реалити-шоу, онлайн-игры и видеоигры, заполнение онлайн-заявок и анкет, подписание протестных петиций, неформальное общение в фитнес-клубе, разбирательства водителей при ДТП, жанры корпоративной коммуникации, интервью топ-менеджеров, job interview* и т. д. – эффективно связать если не все, то большинство друг с другом и с языком помогают именно жанры речи.)

2. Методы

И реконструкция «речежанровой картины современности» в целом, и осмысление изменений в отдельных жанрах должны опираться на ряд **положений**, разработанных в рамках различных направлений современной ТРЖ (по некоторым из проблем осуществлены специальные исследования, включая монографии, диссертации, специальные выпуски сборника

«Жанры речи»). В упомянутой статье автора «Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи», посвященной речезанровому представлению картины современности, обсуждалось то, с какими объективными и субъективными теоретическими и методическими трудностями сталкивается теория речевых жанров, описывая речевые изменения в мире.

- Набор (система) жанров, существующих в данной культуре в данный период, является важнейшей частью своеобразия данной культуры, данного коммуникативного пространства, речи и языка (и их отдельных сфер, таких как повседневное общение, научное, деловое, сфера политики, рекламы и т. п.).

- Данный набор обусловлен общим состоянием культуры и ее составляющих, где важнейшими являются социальные факторы (структура общества, социальные институты, коммуникативные ценности и представления о допустимом и недопустимом, «хорошем» и «плохом» в общественном поведении, официальных и межличностных отношениях), а также, так сказать, социальное преломление всех остальных факторов (экономики, технологии, маркетинга).

- Трансформации РЖ, вызванные появлением новых сфер, условий и средств коммуникации, идут по законам *речезанровой вторичности*, впервые описанным М. М. Бахтиным [5: 161–170]. На этом основании, в частности, строится большинство современных классификаций вторичных РЖ (см. обзор в [99: 164–184]), например, выделяется *диахроническая речезанровая вторичность*, предполагающая отношения последовательности во времени между первичными и вторичными жанрами (противопоставление *речевых* и *риторических, прямых* и *косвенных, выучиваемых* и *невывучиваемых жанров*), и *синхроническая* (противопоставление речевых единиц разных уровней абстракции, таких как, например, *речевой акт, субжанр, жанр, гипержанр*). Такой подход позволяет точнее понять целый ряд речезанровых явлений начала XXI в. (например интернет-жанры, появление которых, казалось бы, никак не мог предвидеть Бахтин [100–102]).

- Набор новых РЖ, составляющих своеобразие новых периодов, может пополняться за счет *заимствований* из других культур [13, 16, 18, 19, 93]. Значимыми являются взаимные отношения между культурами, тенденции к одностороннему или двустороннему влиянию; для настоящего периода, несомненно, одной из наиболее существенных особенностей является глобализация.

- Одним из наиболее значимых является *социальный фактор*, с которым часто связан фактор *аксиологический*: владение / невладение определенными жанрами, как и само использование того или иного жанра, может выступать в качестве оценочной характеристики как в национально-культурном, так и более частном внутрикультурном или групповом плане, «есть жанры, существование которых в рамках одного языкового сознания взаимоисключает друг друга» [103: 31]. В качестве примера можно привести русский *разговор по душам*, невладение которым,

неспособность «открыть душу» в традиционной русской культуре является отрицательной нравственной характеристикой (ср. типаж *обыватель*, впервые описанный А. П. Чеховым), или польский *kawał* («Жанр *kawał*, представляющий собой тип “конспиративной шутки”, ценят не за искусность или утонченность, а за чувство корпоративного единения, которое он дает, подразумевается: я могу рассказать это тебе, но есть люди, которым я не могу это рассказать» [104: 150]). [1: 81–82].

Выделенные на основе этих положений конкретные **параметры модели**, по которой могут быть описаны наиболее критические события речезанровой современности, тоже были в основном перечислены в статье «Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи». Все они являются значимыми при исследовании «меняющихся жанров в меняющемся мире»:

- *предмет речи*, в том числе прагматические диалогизированные аспекты его: что именно, с какой целью, в каком контексте, с какой оценкой сообщают друг другу собеседники в рамках того или иного речевого жанра («тема РЖ» по Бахтину);

- *стиль* (шире – коммуникативная тональность, где особенно важна степень серьезности), куда входит тоже не только экспрессия как таковая, но и ее, так сказать, прагматика («стиль РЖ» по Бахтину);

- *лексика*: наименования жанров и их компонентов, семантическая структура данных номинаций (включая их этимологию, а также метафоры, которые особенно значимы в случае вторичных РЖ); это то «имя жанра», которое «первым приходит в голову» при опознавании типа диалогического взаимодействия, а также ключевые слова и фразы в речи, по которым тоже осуществляется идентификация;

- особенности *синтаксической структуры*, которые еще важнее, чем конкретное лексическое наполнение, для опознавания и интерпретации РЖ (так считал и М. М. Бахтин – ср. его понятие «композиции РЖ»);

- *целеполагание*: идентификация и характеристика РЖ, социально-ролевой структуры и контекста на иллюкативно-целевой основе;

- отношения речезанровой *первичности-вторичности*, включая отношения традиционных и новых, «техногенно обусловленных» жанров;

- *социальный фактор* и связанный с ним *аксиологический*;

- общая *внешнекультурная* и *внутрикультурная парадигма* (включая языковую политику, моменты глобализации или, наоборот, изоляции), а также основные *коммуникативные сферы*, где роль речевых жанров для данного периода является особенно критической или где происходят значимые трансформации речевых жанров, – сферы устной и письменной речи, публицистики / СМИ (Интернет) и т. д.;

- отдельные *источники материала*: так, текстовая часть материала может быть отображена и обработана при помощи новейших технологических возможностей – *корпусных баз данных* и методов *корпусной лингвистики*.

Как следует относиться к этому списку параметров, если на повестке дня конкретное исследование – с конкретным языковым / речевым материалом, для конкретного жанра, конкретной сферы коммуникации, где все эти параметры могут не быть актуальны? Конечно же, как к полезной, но – абстракции, идеалу, по отношению к которому любая исследовательская практика – лишь попытка приближения. Поскольку ни одно реальное исследование не способно обеспечить равномерной проработки всех параметров, в каждом конкретном случае (включая, конечно, настоящий начальный опыт исследования) должны быть оговорены, во-первых, объем материала и конкретный аспект рассмотрения, во-вторых – отношение самих этих параметров к конкретной цели данного исследования. Так, данные параметры могут быть в разной степени актуальны для представления разных периодов и разных культур: например, для настоящего периода особенно актуальны глобализация, интернет-сфера общения, а с методологической точки зрения – появление корпусов. При этом развиваемая концепция, по нашему замыслу, позволяет сочетать построение уточненной речевой картины современности с более общим подходом, основанным на методологической модели, параметры которой дают возможность описывать и другие периоды; в то же время мы допускаем, что модель может хуже работать для других эпох: так, с трудом можем себе представить, чтобы, например, американские лингвисты рубежа XIX–XX вв. при помощи данной речевой модели составляли адекватные речевые картины индейских народов и племен, для изучения которых в указанный период создалась школа культурной антропологии. У предлагаемой модели обнаруживается еще одно ограничение: по замыслу, выделяемые в ней параметры должны адекватно представить важнейшие речевые особенности любой современности (например, в прошлом: современности Пушкина или Шекспира), однако на практике она преимущественно обращена к будущей или, точнее, новой современности, для осмысления которой используется сравнение с предыдущими (при этом предполагается, что эти предыдущие периоды уже достаточно хорошо осмыслены с речевой точки зрения). Именно поэтому, например, описание жанров Интернета предлагается осуществлять с опорой на понятие вторичного жанра, используя сравнение с первичными, т. е. традиционными, неинтернет-жанрами, которые, конечно, гораздо лучше изучены, а изучение лексики – имен РЖ (в том числе имен интернет-жанров) – с опорой на этимологию.

Как уже было сказано, для поставленной задачи-максимум – реконструкции речевой картины современности – полезны, в той или иной степени, все методы, приведенные здесь. Для настоящего начального исследования будут значимы **лексический** аспект и выделение наиболее критических, с точки зрения изменений и тенденций, **сфер**.

3. Лексика

Проникновение нового в язык через РЖ осуществляется через названия РЖ и их компонентов, т. е. на лексическом уровне. Это наиболее очевидный, но далеко не достаточный аспект («вершина айсберга»).

В целом в лингвистике стало общепринятым положением (новейший период практически не добавил чего-то принципиально нового к этому положению), что язык реагирует на изменения жизни, прежде всего, своей лексической стороной (слова, особенно оценочные, для наименования новых явлений), но не только: появляются новые словообразовательные модели (для образования лексем, тоже прежде всего оценочных, – ср. суффикс *-лово* для образования отглагольных существительных в русских жаргонах: *мочилово*, *гасилово*, *кидалово*); могут появиться новые этикетные формы, отражающие новые отношения, приоритеты и представления о норме и образце, связанные с вежливостью, уважением, статусом, достоинством и т. д., которые тоже могут закрепляться в языке, и т. д.

Конечно, было бы преувеличением утверждать, что за любым неологизмом, обозначающим новое явление, стоит определенный РЖ, через который данное слово и вошло в язык. Но за новым коммуникативным явлением – видимо, всегда: или собственно жанр, или какое-то промежуточное явление с потенциальными стереотипизацией и конвенционализацией из околжанрового пространства речи. Добавим, что распределение жанров на сферы не всегда совпадает с распределением на сферы самой действительности; даже распределение жанров на первичные и вторичные не всегда совпадает с распределением речевой коммуникации на такие сферы, как повседневная бытовая непосредственная и идеологически-социально-культурно опосредованные... (таблица).

Иногда эти слова – сами названия жанров (*блог*) или жанроподобных явлений (*флеш-моб*), иногда производящей основой является другое звено цепочки, представляющей компоненты коммуникативного концепта.

В ряде перечисленных в параграфе 1 сфер, особенно новых технических, очень показательно появление неологизмов, – лексем для

Сфера	Слово (неологизм)	Из каких жанров вошло в язык:	
		первичных	вторичных
Политическая коммуникация	<i>либераст</i>	√	
	<i>ватник</i>	√	
	<i>харизма</i>		√
СМИ	<i>колумнист</i>		√
	<i>мессидж</i>		√
Интернет	<i>блогер</i>		√
	<i>троллить</i>	√	
	<i>лайкать</i>	√	
	<i>расфрендить</i>	√	
Производственная и официально-деловая сфера	<i>успешный, неуспешный</i>	√	
	<i>креативный</i>		√
	<i>амбициозный</i>		√
	<i>перфекционист</i>		√
Бизнес	<i>олигарх</i>		√
	<i>эффективный менеджер</i>		√
	<i>крышевать</i>	√	
Бытовая сфера	<i>флешмоб, респект и уважуха</i>	√	

их наименования (*ток-шоу, реалити-шоу, блогер, пиар, пиарщик, креативщик, криэйтор, рекламщик, лайкать, флешмоб*). В большинстве случаев это заимствования, но не только; одни из них вошли в литературный язык, другие нет, одни являются общеязыковыми, другие принадлежат специальным жаргонам и / или терминосистемам.

Из теории и методики когнитивной семантики нами была заимствована идея, что (1) структуры высшего порядка, упорядочивающие вместе с жанрами речи другие коммуникативные единицы, суть *коммуникативные концепты* (далее – $K_{ом}K$): данные структуры и упорядочение существуют в сознании носителей языка; при этом (2) как и для всех концептов, для коммуникативных концептов очень большое значение имеют лексемы – имена для них и для их компонентов. Мы исходим из того, что данные лексемы упорядочены по стандартной схеме, которую предлагаем рассматривать как *цепочку речежанровой системности* и анализировать по ряду параметров, значимых как прагматически (иллокутивно), так и лексикологически и отчасти грамматически.

$K_{ом}K$ – это концепты, имеющие четкое композиционно-тематически-стилистическое содержание, при этом зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т. д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры [99: 248–258; 98].

$K_{ом}K$ составляет цепочка речежанровой системности «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ тональность ~ жанр».

Ее лексическое наполнение характеризуется однородностью и относительной системностью: данные лексемы называют речевые единицы одного уровня, объединенные одной содержательной, в плане коммуникативно-речевой организации, речежанровой

доминантой (а не единицы разных уровней, такие как, например, «жанр ~ стратегия»).

Ср.: есть РЖ *вопрос* ~ есть речевое действие *спросить / спрашивать, задать вопрос* и подоб. ~ есть вопросительная коммуникативная тональность (здесь лексему подобрать труднее, но возможны и естественны описания в рефлексии / метавысказываниях: *с вопросительной интонацией, как бы вопрошая...*).

Еще один пример: действия *иронизировать / сыронизировать* ~ тональность (ее именуют, по всей видимости, наречия) *иронично / иронически...* ~ жанр (здесь сложности возникают как раз с заполнением жанра: *?ироническое высказывание...*, но жанр ли это? Возможно, правильнее говорить просто: *ирония?* (ср.: [105])).

Можно добавить лексемы, именующие коммуникативную роль / типаж, организованные тоже этим жанром: для иронии это *ироник* (словари дают этот термин, хотя он не относится к распространенным и употребительным в речи), совсем трудно – для вопроса: *?спрашивающий, ?(профессиональный) интервьюер, ?любопытный, ?почемучка...*

В случае симметричной концептуализации заполняются все звенья цепочки (такие ситуации редки, особенно в случае заимствованных концептов). Из приведенных примеров видно, что заполнение звеньев цепочки лексикой может быть неполным и неравномерным, возможны «белые пятна», тоже разные для разных цепочек, возможно, наоборот, детализированное и многословное заполнение какого-то отдельного звена цепочки.

При реконструкции $K_{ом}K$ на первый план может выходить *речежанровая* типизация, *действие* (коммуникативные и речевые акты), *процессуальность* (коммуникативные и речевые события и сложные события), *манера поведения, роль* в рамках данного типа коммуникации (например соревновательной или игровой) или сам социальный тип (точнее, его ком-

муникативное преломление – **лингвокультурный типаж**).

Соответственно в области имен данных K_{omK} на первый план может выходить (как производящая основа при последующей словообразовательной деривации) **имя типажа** (естественно, это существительное), **речевого действия**: однократного (речевой акт) и длительного (и тогда это глаголы, соответственно, сов. и несов. вида), **имя процесса** (существительное), **тональности** (наречие) или же непосредственно **имя жанра** (в этой функции тоже более вероятны существительные, чем глаголы, которые чаще именуют речевые акты).

Представляют большой интерес случаи, когда лексемы – имена для единиц, составляющих K_{omK} , а) относятся к разным частям речи и лексико-семантическим (лексико-грамматическим) классам; б) представляют собой оценочные, экспрессивные, образные, нелитературные слова, в) метафоры, г) неологизмы, в том числе: д) созданные по существующим / традиционным словообразовательным моделям; е) заимствования.

В этом ряду безусловно занимают особое место и требуют особого подхода оценочные слова (особенно показательны оценочные лексемы, имеющие неоченочные синонимы – ср. [106]): представляя собой особенно яркие, а значит, важные звенья цепочек речевых системности, они составляют немаленькую дополнительную сложность для анализа, поскольку нередко называют вообще не речевые феномены (и не коммуникативные): как уже было сказано, оценочность в них препятствует выражению темпоральности, значимой для коммуникативных единиц.

При рассмотрении оценочных цепочек (или оценочных звеньев неоченочных цепочек) наиболее принципиальным аспектом (и звеном цепочки) является **тональность**, которая практически всегда оценочна (причем эта оценочность может быть двух разных типов: с одной стороны – экспрессивность коммуникативного поведения (*возмущенно*), с другой – оценка, даваемая коммуникантам или одному из них (и жанру в целом) наблюдателем (*неискренне, фальшиво, злорадно, гнусно...*)).

Можно сделать предварительный вывод, что жанровая (жанрово релевантная) оценочность фиксируется в языке на лексическом уровне, при этом выделяются **оценочные лексемы**:

1) названия жанров (существительные) = оценка самого жанра (прежде всего, «извне») (*донос, лесть, похвальба*);

2) глаголы – названия действий / РА (то же самое, но оценка несколько менее акцентирована (*кичиться, клеветать, подстрекать*));

3) оценочные характеристики жанра (или действия / акта в составе жанра – внутрижанровой стратегии и подоб.) – прилагательные, наречия: оценивается манера исполнения жанра, при этом:

а) общая оценка РЖ сохраняется и усиливается (жанр исполняется правильно): *задушевный, искренний, мудрый разговор по душам, высокохудожественный роман...*;

б) противоречит или противоположна общей оценке РЖ (жанр исполняется неправильно): *фальшивый разговор по душам, графоманский роман...*

Наличие и конкретные значения неологизмов, именуемых компонентами K_{omK} , проверялись путем анкетирования: 100 современным молодым людям ок. 20 лет предлагались вопросы: 1) *Понимаете ли Вы значение следующих слов? Оцените их нормальность и естественность по пятибалльной шкале (имиджборд, имиджбордщик, стритрейсинг, спид-дейтинг, смолтокер, камингаутер, фейсбучиться, фейсбукичик, инстаграмить, инстаграмичик, твиттерчик, игнорики, флудчик, комплиментинг, флиртинг, статуситься и т. п.)*; 2) *Прочитайте слова, расположенные по схеме «имя жанра речи – глагол (имя акта речи или процесса) – название роли / типажа и т. п.». Какие «звенья» этих цепочек являются лишними? Какие являются главными или основными? (цепочки: троллинг ~ троллить ~ тролль; промоушен ~ промоутинг ~ промоутер; корпоратив ~ корпоративить ~ корпоративиться ~ копоративчик; чат ~ чатиться ~ чатнуться ~ чаттинг ~ чаттер ~ чатланин; форум ~ форумить ~ форуминг ~ форумчанин ~ аскер; блог ~ блогик ~ блогить ~ блогинг ~ блогер; фейсбук ~ фейсбучик ~ фейсбучить ~ фейсбучиться ~ фейсбучинг ~ фейсбукичик; инстаграм ~ инстаграмить ~ инстаграмиться ~ инстаграминг ~ инстаграмичик; игнор ~ игнорить ~ игноринг ~ игнорики; флуд ~ флудить ~ флудинг ~ флудики ~ флудильчик; твиттер ~ твитнуть ~ твититься ~ твитинг ~ твиттерчик; имиджборд ~ имиджбординг ~ имиджбордчик; статус ~ статуситься ~ статусинг и т. п.)* и др.

Анкетирование выявило некоторые детали конкретного **языкового оформления** цепочки «жанр ~ тональность»: на первый план выходили однословные названия – существительные и глаголы; прилагательные, и особенно наречия, встречались в ответах очень редко (очевидна их маркированность): «действие / РА (глагол) ~ имя жанра (существительное) ~ тональность: 1) характеристика жанра (существительного ⇒ прилагательное), 2) характеристика действия / РА (глагола ⇒ наречие)».

Заключение

Как было установлено уже первыми постструктуралистами (Ш. Балли, Э. Бенвенист, С. Карцевский), асимметрия языка (системы и отдельного языкового знака), являющаяся одним из наиболее фундаментальных его свойств, есть свойство системы, приводящее к изменению, т. е. разрушению, этой самой системы (выражаясь метафорически, заложенная в фундамент здания бомба, являющаяся в то же время неотъемлемой структурной частью этого самого здания). Вся вторая половина XX в. в лингвистике прошла под знаком выявления и исследования этих «саморазрушительных», т. е. асимметричных, свойств языка на разных

уровнях: лексики и семантики (метафорология, изучение лингвокреативности, стилистика художественной речи и изучение художественной речи в целом), морфологии, синтаксиса, позднее – прагматики (теория косвенных речевых актов). Обращение к жанрам (80–90-е гг. XX в.) позволило значительно уточнить понимание данного явления: жанры (разные, но иногда и одни и те же) могут быть и источником речевой системности, и источником ее вариативности, т. е. расшатывания и разрушения системы. В этом отношении проблема креационистских потенциалов речевых жанров (а это и есть содержащиеся в природе РЖ факторы речевых изменений) является значимой не только для ТРЖ, но и для теоретической лингвистики в целом.

Главную ценность статьи мы видим в постановке проблемы и формулировании наиболее принципиальных вопросов и обсуждении комплексной (речезанровой и лингвистической, лингворечезанровой) методики, где самых больших результатов ожидаем от проработки аспекта речезанровой вторичности (включая изучение лексем для номинации вторичных жанров и их отдельных компонентов и аспектов, таких как оценка) применительно к новым речевым феноменам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.
2. Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. Языковые контакты. 536 с.
3. Баранникова Л. И. О соотношении системного и диахронического подходов к языку (к истории вопроса) // Язык и общество. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. Вып. 11. С. 3–6.
4. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
5. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 5 т. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. С. 159–206.
6. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е гг. XIX в. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.
7. Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. СПб.: Наука, 2007. 354 с.
8. Milroy J. Linguistic variation and change: On the hist. linguistics of English. Oxford; Cambridge: Blackwell, 1992. 243 p.
9. Лафарг П. Язык и революция. М.; Л.: Academia, 1930. 74 с.
10. Ратмайр Р. Русская речь и рынок. Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М.: Языки славянской культуры, 2013. 456 с. (Studia philologica).
11. Abrahams R. D. Black Talking on the Streets. Explorations in the Ethnography of Speaking. Chapter IV: Speech Acts, Events, and Situations. N. Y.: Cambridge University Press, 1974. P. 240–262.
12. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 116 с.
13. Аверинцев С. С. Историческая подвижность категорий жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 104–116.
14. Hanks W. F. Dialogic conversions and the field of missionary discourse in Colonial Yucatan // Les Rituels du Dialogue / eds. A. Monod Becquelin, Philippe Erikson. Nanterre: Société d' Ethnologie, 2000. P. 235–254.
15. Фенина В. В. Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 170 с.
16. Алпатов В. М. Заимствования из английского языка и жанровые особенности в японском языке // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 345–351.
17. Mustajoki A. Title Risks of miscommunication in various speech genres // Understanding by Communication / eds. E. Borisova, O. Souleimanova. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 33–53.
18. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 558 с.
19. Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры: в 2 т. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
20. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. Волгоград: Парадигма, 2012. 448 с.
21. Карасик В. И. Языковое проявление личности. Волгоград: Парадигма, 2014. 450 с.
22. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015. 342 с.
23. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянской культуры, 2010. 496 с. (Studia philologica).
24. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. 480 с.
25. Сиротинина О. Б. Лингво-философские размышления как результат многолетнего мониторинга речи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–11.
26. Склярёвская Г. Н. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М.: Астрель, 2001. 944 с.
27. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянской культуры, 2008. 712 с.
28. Gatunki mowy i ich ewolucja / pod red. Danuty Ostaszewskiej. T. 1. Mowy piękno wielorakie. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2000; T. 2. Tekst a gatunek. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2004; T. 3. Tekst a odmiany funkcjonalne. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2007.
29. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // Language@Internet, 2007. № 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009. URL: <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761>.
30. Алпатов В. М. О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры) // Жанры речи. 2014. № 1–2(9–10). С. 9–15.

31. Дементьев В. В. Аспекты проблемы «жанр и язык»: жанры речи и... «язык речи»? // Жанры речи. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 5–22.
32. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком; Языки славянской культуры, 2013. 338 с. (Studia philologica).
33. Копотев М., Мустайоки А. Современная корпусная русистика // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки: Helsinki University Press, 2008. (Slavica Helsingiensia. № 34). С. 7–24.
34. Шерстяных И. В. Теория речевых жанров: Лекционно-практический курс для магистрантов. М.: Флинта; Наука, 2013. 552 с.
35. Adamzik K. Textsorten – Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie. Münster: Nodus Publ., 1995. 301 s. (Studium Sprachwissenschaft. 12).
36. Automatic Genre Identification 2009 – Journal for Language Technology and Computational Linguistics. 2009. Vol. 24, № 1. Automatic Genre Identification: Issues and Prospects.
37. Bhatia V. K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. L.: Longman, 1993. 246 p.
38. Bhatia V. K. Applied genre analysis: a multi-perspective model // Ibérica. 2002. № 4. P. 3–19.
39. Fix U. Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Berlin: Frank & Timme GmbH, 2008. 506 s.
40. Peeters B. Language and cultural values: the ethnolinguistic pathways model // Flinders University Languages Group Online Review. 2009. Vol. 4, iss. 1, November. P. 90–117.
41. Peeters B. APPLIED ETHNOLINGUISTICS is cultural linguistics, but is it CULTURAL LINGUISTICS? // International Journal of Language and Culture. 2016. Vol. 3, № 2. P. 137–160.
42. Swales J. M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 262 p.
43. Tannen D. Indirectness at Work // Language in Action: New Studies of Language in Society. Festschrift for Roger Shuy / eds. J. Peyton, P. Griffin, W. Wolfram, R. Fasold. Cresskill, NJ: Hampton Press, 2000. P. 189–212.
44. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 40 с.
45. Палашевская И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2012. 40 с.
46. Олешков М. Ю. Педагогический дискурс: учеб. пособие для студентов вузов. Н. Тагил: Нижнетаг. гос. соц.-пед. академия, 2012. 310 с.
47. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 235 с.
48. Титова С. В., Талмо Т. Создание модели интерактивной лекции с помощью мобильной системы голосования SRS // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 49–63.
49. Dönninghaus S. Die Vagheit der Sprache: Begriffsgeschichte und Funktionsbeschreibung anhand der tschechischen Wissenschaftssprache (Slavistische Studienbücher. Neue Folge). Wiesbaden: Harrassowitz, 2005. 661 S.
50. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М.: Изд. дом «Гребенников», 2000. 270 с. (Сер. Мир рекламы).
51. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
52. Lakoff R. The Language war. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2001. 322 p.
53. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1(55). С. 42–50.
54. Lakoff G. The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics. N.Y.: Penguin books, 2009. 293 p.
55. Lakoff G., Wehling E. The Little Blue Book: The Essential Guide to Thinking and Talking Democratic. N.Y.: Free Press, 2012. 143 p.
56. Madrigal A. C. Why Are Spy Researchers Building a 'Metaphor Program' ? // The Atlantic. 2011. 25 May.
57. Дускаева Л. П. Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПб.: СПбГУ: Филол. фак., 2012. 274 с.
58. Шмелева Т. В. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов; М.: Лабиринт, 2012. Вып. 8. Жанр и творчество. С. 26–37.
59. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 430 с.
60. Tannen D. Abduction and identity in family interaction: Ventriloquizing as indirectness // Journal of Pragmatics. 2010. № 42. P. 307–316.
61. Цицицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Помор. ун-т, 2009. 238 с.
62. Herring S. C. New frontiers in interactive multimodal communication // The Rutledge handbook of language and digital communication / eds. A. Georgopoulou, T. Spilloti. L.: Rutledge, 2015. URL: <http://info.ils.indiana.edu/herring/hldc.pdf> (дата обращения: 06.07.2015).
63. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 272 p.
64. Askehave I., Nielsen A. What are the Characteristics of Digital Genres? // Genre Theory from a Multi-modal Perspective. Proceedings of the 38th Hawaii International Conference on System Sciences. University of Hawaii at Manoa, 2005. P. 120–141.
65. Ihlstrom C. The Evolution of a New(s) Genre: Doctoral Dissertation. School of Information Science, Computer and Electronic Engineering, Halmstad University; Department of Informatics, Goteborg University. Gothenburg Studies in Informatics, 2004. 164 p.
66. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М.: Флинта; Наука, 2012. 328 с.
67. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. № 2(12). С. 119–127.
68. Орлов Д. В. Субкультура ролевиков в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2009. 22 с.
69. Crawford G., Rutter J. Playing the Game: Performance and Digital Game Audiences // Fandom: Identities and Communities in a Mediated World / eds.

- J. Gray, C. Sandvoss, C. L. Harrington. L.: New York University Press, 2007. P. 271–281.
70. *Drachen A., Smith J. H.* Player Talk: The Functions of Communication in Multi-player Role-playing games // Computers in Entertainment. 2008. Vol. 6, № 4. P. 1–36.
71. *Falcão T., Ribeiro J. C.* The Whereabouts of Play, or How the Magic Circle Helps Create Social Identities in Virtual Worlds // Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games / eds. G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light. L.: Routledge, 2011. P. 130–140.
72. *MacCallum-Stewart E.* Conflict, Thought Communities and Textual Appropriation in MMORPGs // Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games / eds. G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light. L.: Routledge, 2011. 40–59.
73. *Mangiron C., O' Hagan M.* Game Localisation: Unleashing Imagination with 'Restricted' Translation // Journal of Specialised Translation. 2006. Vol. 6. P. 10–21. URL: http://www.jostrans.org/issue06/art_ohagan_utf_test.php.
74. *Mangiron C.* Video Games Localisation: Posing New Challenges to the Translator // Perspectives: Studies in Translatology. 2007. Vol. 14, № 4. P. 306–323.
75. *Mangiron C.* The Importance of Not Being Earnest: Translating Humour in Video Games // Translation, Humour and the Media / ed. D. Chiaro. L.: Continuum Publishing Group, 2010. 89–107.
76. *Salen K., Zimmerman E.* Rules of Play: Game Design Fundamentals. L.: MIT Press, 2004. 688 p.
77. *Drachen A.* Analyzing Player Communication in Multiplayer Games // Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games / eds. G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light. L.: Routledge, 2011. P. 201–223.
78. *Burn A., Carr D.* Motivation and Online Gaming // Computer Games: Text, Narrative and Play / eds. A. Burn, D. Carr. Cambridge: Polity Press, 2006. P. 103–118.
79. *Caillois R.* Man, Play and Games. Urbana: University of Illinois, 2001. 208 p.
80. *Taylor T. L.* Pushing the Borders: Player Participation and Game Culture // Structures of Participation in Digital Culture / ed. J. Karaganis. N.Y.: SSRIC, 2007. P. 112–130.
81. *Bernal M. M.* On the Translation of Video Games // The Journal of Specialised Translation. 2006. Vol. 6, № 22–36. P. 22–36. URL: http://www.jostrans.org/issue06/art_bernal.php.
82. *Iaia P. L.* Analysing English as a Lingua Franca in Video Games: Linguistic Features, Experiential and Functional Dimensions of Online and Scripted Interactions. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2016. 139 p.
83. *MacKenzie I.* Lexical Inventiveness and Conventionality in English as a Lingua Franca and English Translation // The European English Messenger. 2013. Vol. 22, № 1. P. 47–53.
84. *Cogburn J., Silcox M.* Philosophy through Video Games. L.: Routledge, 2009. 207 p.
85. *Crawford G. C., Gosling V. K., Light B.* The Social and Cultural Significance of Online Gaming // Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games / eds. G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light. L.: Routledge, 2011. P. 3–22.
86. *Juul J.* Half-Real: Video Games between Real Rules and Fictional Worlds. Cambridge: MIT Press, 2005. 255 p.
87. *Mäyrä F.* Introduction to Game Studies: Games in Culture. N.Y.: SAGE Publications, 2008. 208 p.
88. *McMahan A.* Second Life: The Game of Virtual Life // Videogame, Player, Text / eds. B. Atkins, T. Krywinka. Manchester: Manchester University Press, 2007. P. 131–146.
89. *Newman J.* In Search of the Video Game Player: The Lives of Mario // New Media and Society. 2002. Vol. 4, № 3. P. 407–425.
90. *Nielsen S. E., Smith J. H., Tosca S. P.* Understanding Video Games: The Essential Introduction. L.: Routledge, 2008. 302 p.
91. *Taylor T. L.* Play between Worlds: Exploring Online Game Culture. Cambridge: MIT Press, 2006. 197 p.
92. *Wright T., Boria E., Breidenbach P.* Creative Player Actions in FPS On-line Video Games: Playing Counter-strike // Game Studies. 2002. Vol. 2, № 2. URL: <http://www.gamestudies.org/0202/wright/>.
93. *Шеффер Ж.-М.* Что такое литературный жанр? М.: Едиториал УРСС, 2010. 192 с.
94. *Строганов М. В.* Историческая поэтика: учеб. пособие / науч. ред. А. Ю. Сорочан. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. 157 с.
95. *Дементьев В. В.* Структура заимствованных коммуникативных концептов (на материале анкетирования) // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина / отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. М.; Саратов: Амирит, 2015. 343 с. С. 201–211.
96. *Дементьев В. В.* Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016. 396 с.
97. *Прозоров В. В.* Профессионально-критическое высказывание как речевой жанр // Жанры речи. 2018. № 3(19). С. 195–202.
98. *Дементьев В. В.* Цепочки речевых коммуникативных значений: лексикализация и грамматикализация звеньев // Взаимодействие лексики и грамматики: тез. докл. междунар. конф. Двенадцатые Шмелевские чтения (Москва, 24–26 февраля 2018 г.). М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018. С. 20–21.
99. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
100. *Рогачева Н. Б.* Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 215 с.
101. *Щурина Ю. В.* Вторичные комические речевые жанры интернет-коммуникации // Коммуникация. Мышление. Личность: материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. Саратов: ИЦ «Наука», 2012. С. 464–474.
102. *Щурина Ю. В.* Речевые жанры комического в современной массовой коммуникации. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2015. 223 с.
103. *Седов К. Ф.* Речевая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности // Жанры речи. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 25–47.
104. *Вежбицкая А., Годдард К.* Дискурс и культура // Жанры речи. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 118–156.
105. *Ермакова О. П.* Является ли ирония речевым жанром? (еще раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры речи. 2014. № 1–2(9–10). С. 74–80.

106. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка : попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

REFERENCES

1. Dementyev V. V. Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nyye protsessy sovremennoy rechi [«Speech genre» theory and actual processes in contemporary speaking]. *Voprosy Yazykoznanija* [Topics in the study of language], 2015, no. 6, pp. 78–107 (in Russian).
2. *Novoye v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1972, vol. 6. *Yazykovyye kontakty* [Language contacts]. 536 p. (in Russian).
3. Barannikova L. I. O sootnoshenii sistemnogo i diahronicheskogo podkhodov k yazyku (k istorii voprosa) [On the relationship of systemic and diachronic approaches to language (to the history of the issue)]. *Yazyk i obshchestvo* [Language and Society]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1997, iss. 11, pp. 3–6 (in Russian).
4. Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977. 695 p. (in Russian).
5. Bakhtin M. M. Problema rechevnykh zhanrov. Iz arkhivnykh zapisei k rabote “Problema rechevykh zhanrov”. Problema teksta [The problem of speech genres. From archival records to the work “The problem of speech genres”. Text problem]. *Bakhtin M. M. Sobr. soch. : v 5 t.* [Collected works : in 7 vol.]. Vol. 5. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996, pp. 159–206 (in Russian).
6. Sorokin Yu. S. *Razvitiye slovnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka : 30–90-ye gg. XIX v.* [The development of the vocabulary of the Russian literary language : 30–90-ies. XIX century]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. 565 p. (in Russian).
7. Sen'ko Ye. V. *Neologizatsiya v sovremennom russkom yazyke : mezhurovnevnyy aspekt* [Neologization in modern Russian : inter-level aspect]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007. 354 p. (in Russian).
8. Milroy J. *Linguistic variation and change : On the hist. linguistics of English*. Oxford, Cambridge, Blackwell, 1992. 243 p.
9. Lafarg P. *Yazyk i revolyutsiya* [Language and revolution]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1930. 74 p. (in Russian).
10. Rathmayr R. *Russkaya rech' i rynek. Traditsii i innovatsii v delovom i povsednevnom obshchenii* [Russian speech and market. Traditions and innovations in business and everyday communication]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2013. 456 p. (Studia Philologica) (in Russian).
11. Abrahams R. D. *Black Talking on the Streets. Explorations in the Ethnography of Speaking. Chapter IV: Speech Acts, Events, and Situations*. New York, Cambridge University Press, 1974, pp. 240–262.
12. Sirotnina O. B. *Russkij yazyk : sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* [Russian language : system, language usage and the risks they create]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2013. 116 p. (in Russian).
13. Averintsev S. S. *Istoricheskaya podvizhnost' kategoriy zhanra : opyt periodizatsii* [Historical mobility of categories of the genre : the experience of periodization]. *Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya* [Historical poetics. Results and prospects of study]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 104–116 (in Russian).
14. Hanks W. F. Dialogic conversions and the field of missionary discourse in Colonial Yucatan. In: *Les Rituels du Dialogue*. A. Monod Becquelin & Philippe Erikson (ed.). Nanterre, Société d'Ethnologie, 2000, pp. 235–254.
15. Fenina V. V. *Rechevye zhanry small talk i svetskaya beseda v anglo-amerikanskoj i russkoj kul'turakh* [Speech Genres ‘small talk’ and ‘svetskaya beseda’ in the Anglo-American and Russian cultures]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2005. 20 p. (in Russian).
16. Alpatov V. M. *Zaimstvovaniya iz angliyskogo yazyka i zhanrovye osobennosti v yaponskom yazyke* [Borrowing from the English language and genre features in Japanese]. *Zhanry rechi : sb. nauch. tr. Vyp 5. Zhanr i kultura* [Speech Genres : coll. of sci. art. Iss. 5. Genre and culture]. Saratov, ITs “Nauka” Publ., 2007, pp. 345–351 (in Russian).
17. Mustajoki A. Title Risks of miscommunication in various speech genres. In: *Understanding by Communication*. E. Borisova, O. Souleimanova eds., Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2013, pp. 33–53.
18. Lotman Yu. M. *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX century)]. Saint Petersburg, Iskusstvo Publ., 1994. 558 p. (in Russian).
19. Starobinskiy Zh. *Poeziya i znaniye : Istoriya literatury i kul'tury : v 2 t. T. 1.* [Poetry and knowledge : History of literature and culture. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. 496 p. (in Russian).
20. Karasik V. I. *Yazykovaya matrica kul'tury* [Language matrix of culture]. Volgograd, Paradigma Publ., 2012. 448 p. (in Russian).
21. Karasik V. I. *Yazykovoye proyavleniye lichnosti* [Language manifestation of personality]. Volgograd, Paradigma Publ., 2014. 450 p. (in Russian).
22. Karasik V. I. *Yazykovaya spiral' : tsennosti, znaki, motivy* [Language spiral : values, symbols, motives]. Volgograd, Paradigma Publ., 2015. 432 p. (in Russian).
23. Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Yazykovoye sushchestvovaniye sovremennoy gorozhanina : Na materialy yazyka Moskvy* [The linguistic existence of the modern city dweller : On the material of the language of Moscow]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2010. 496 p. (Studia philologica) (in Russian).
24. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the late XX century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 480 p.
25. Sirotnina O. B. Lingvo-philosophical reflections as a result of many years of speech monitoring. *Izv. Saratov. Univ. (N.S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 1, iss. 17, pp. 5–11 (in Russian).
26. Sklyarevskaya G. N. *Tolkovyy slovar' sovremennoy russkoy yazyka. Yazykovyye izmeneniya kontsa XX stoletiya* [Explanatory Dictionary of Modern Russian Language. Language changes end of XX century]. Moscow, Astrel' Publ., 2001. 944 p. (in Russian).
27. *Sovremennyy russkiy yazyk : Aktivnyye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian language : Active processes at the turn of the XX–XXI centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2008. 712 p. (in Russian).
28. *Gatunki mowy i ich ewolucja*. T. 1. *Mowy piekno wielorakie*, Katowice, Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2000; T. 2. *Tekst a gatunek*. Katowice, Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2004; T. 3. *Tekst a odmiany funkcjonalne*. Katowice, Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2007.

29. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. *Language@Internet*, 2007, no. 4, Article 1. Retrieved April 26, 2009. Available at: <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761>.
30. Alpatov V. M. O dvukh «detskikh boleznyakh» sovremennoj lingvistiki : yazyk, ideologiya, rechevye zhanry [About two «childhood diseases» of modern linguistics (language, ideology, speech genres)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2014, no. 1–2(9–10), pp. 9–15 (in Russian).
31. Demytyev V. V. Aspekty problemy «zhanr i yazyk»: zhanry rechi i... «yazyk rechi»? [Aspects of the problem “genre and language”: the genres of speech and ... “language of speech”?]. *Zhanry rechi : sb. nauch. tr. Vyp. 6. Zhanr i yazyk* [Speech Genres : coll. of sci. art. Iss. 6. Genres and language]. Saratov, ITs “Nauka” Publ., 2009, pp. 5–22 (in Russian).
32. Demytyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of the Russian Culture. Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow, GlobalKom, Yazyk slavyanskoj kul'tury Publ., 2013. 336 p. (Studia philologica) (in Russian).
33. Kopotev M., Mustayoki A. *Sovremennaya korpusnaya rusistika* [Modern corpus Russistics]. In: *Instrumentarij rusistiki : korpusnyye podkhody* [Instrumentation of Russistics : corpus approaches]. Helsinki, Helsinki University Press, 2008 (Slavica Helsinkiensia, no. 34), pp. 7–24 (in Russian).
34. Sherstyanykh I. V. *Teoriya rechevykh zhanrov : Lektsionno-prakticheskiy kurs dlya magistrantov* [Theory of speech genres : Lecture and practical course for magistrates]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013. 552 p. (in Russian).
35. Adamzik K. *Textsorten – Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie*. Münster, Nodus Publ., 1995. 301 S. (Studium Sprachwissenschaft. 12).
36. Automatic Genre Identification 2009 – Journal for Language Technology and Computational Linguistics, 2009, vol. 24, no. 1, Automatic Genre Identification : Issues and Prospects.
37. Bhatia V. K. *Analysing Genre : Language Use in Professional Settings*. London, Longman, 1993. 246 p.
38. Bhatia V. K. Applied genre analysis : a multi-perspective model. *Ibérica*, 2002, no. 4, pp. 3–19.
39. Fix U. *Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin, Frank & Timme GmbH, 2008. 506 p.
40. Peeters B. Language and cultural values : the ethno-linguistic pathways model. *Flinders University Languages Group Online Review*, 2009, vol. 4, iss. 1, November, pp. 90–117.
41. Peeters B. APPLIED ETHNOLINGUISTICS is cultural linguistics, but is it CULTURAL LINGUISTICS? *International Journal of Language and Culture*, 2016, vol. 3, no. 2, pp. 137–160.
42. Swales J. M. *Genre Analysis : English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 262 p.
43. Tannen D. Indirectness at Work. *Language in Action : New Studies of Language in Society, Festschrift for Roger Shuy*, eds. Joy Peyton, Peg Griffin, Walt Wolfram and Ralph Fasold. Cresskill, NJ, Hampton Press, 2000, pp. 189–212.
44. Dubrovskaya T. V. *Sudebnyy diskurs : rechevye povedeniye sud'i* [Judicial discourse : speech behaviour of a judge]. Thesis Diss. Doct. Sci. (Philol.). Saratov, 2010. 351 p.
45. Palashevskaya I. V. *Sudebnyy diskurs : funktsii, struktura, narrativnost'* [Judicial discourse : functions, structure, narrativity]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2012. 40 p. (in Russian).
46. Oleshkov M. Yu. *Pedagogicheskiy diskurs : Ucheb. posobiye dlya studentov vuzov* [Pedagogical discourse : Textbook. manual for university students]. Nizhniy Tagil, Nizhnetag. gos. sots.-ped. akademiya, 2012. 310 p. (in Russian).
47. Salimovsky V. A. *Zhanry rechi v funktsionalno-stilisticheskom osveshhenii (Russkiy nauchnyy akademicheskij tekst)* [Genres of speech in the functional-stylistic interpretation (Russian scientific academic text)]. Perm', Izd-vo Perm. un-ta, 2002. 235 p.
48. Titova S. V., Talmo T. Sozdaniye modeli interaktivnoy lektsiyi s pomoshch'yu mobil'noy sistemy golosovaniya SRS [Developing an interactive lecture model with the help of a mobile SRS voting system]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Herald of the Moscow State University]. Series 19 : Linguistics and intercultural communication, 2015, no. 3, pp. 49–63 (in Russian).
49. Dönninghaus S. *Die Vagheit der Sprache : Begriffsgeschichte und Funktionsbeschreibung anhand der tschechischen Wissenschaftssprache (Slavistische Studienbücher. Neue Folge)*. Wiesbaden, Harrassowitz, 2005. 661 S.
50. *Reklamnyy tekst : semiotika i lingvistika. Ser. Mir reklamy* [Promotional text : semiotics and linguistics. Ser. World of Advertising]. Moscow, Izd. dom Grebennikov, 2000. 270 p. (in Russian).
51. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 326 p.
52. Lakoff R. *The Language war*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 2001. 322 p.
53. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya [Linguistics of information and psychological warfare : on the rationale and definition of the concept]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2016, no. 1(55), pp. 42–50 (in Russian).
54. Lakoff G. *The Political Mind : A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics*. New York, Penguin books, 2009. 293 p.
55. Lakoff G., Wehling E. *The Little Blue Book : The Essential Guide to Thinking and Talking Democratic*. New York, Free Press, 2012. 143 p.
56. Madrigal A. C. Why Are Spy Researchers Building a ‘Metaphor Program’? *The Atlantic*. 2011. 25 May.
57. Duskajeva L. R. *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [Dialogic nature of the newspaper speech genres]. Saint Petersburg, SPbGU, Philol. fakultet, 2012. 274 p. (in Russian).
58. Shmeleva T. V. Zhanr v sovremennoy mediasfere. [Genre in contemporary media sphere] *Zhanry rechi : sb. nauch. st. Vyp. 8* [Speech Genres : coll. of sci. art. Iss. 8]. Saratov, Moscow, Labirint Publ., 2012, pp. 26–37 (in Russian).
59. Borisova I. N. *Russkiy razgovornyy dialog : struktura i dinamika* [Russian spoken dialogue : the structure and dynamics]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2001. 430 p. (in Russian).

60. Tannen D. Abduction and identity in family interaction : Ventriloquizing as indirectness. *Journal of Pragmatics*, 2010, no. 42, pp. 307–316.
61. Shchepitsina L. Yu. *Zhanry komp'yuternoposredovannoy kommunikatsii* [Genres of computer-mediated communication]. Arkhangelsk, Pomeranian University, 2009. 238 p. (in Russian).
62. Herring S. C. New frontiers in interactive multimodal communication. In: *The Rutledge handbook of language and digital communication*. Eds. A. Georgopoulou, T. Spilloti. London, Routledge, 2015. Available at: <http://info.ils.indiana.edu/herring/hlhc.pdf> (accessed 06 July 2015).
63. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 272 p.
64. Askehave I., Nielsen A. What are the Characteristics of Digital Genres? *Genre Theory from a Multi-modal Perspective*. Proceedings of the 38th Hawaii International Conference on System Sciences. University of Hawaii at Manoa, 2005, pp. 120–141.
65. Ihlstrom C. *The Evolution of a New(s) Genre* : Doctoral Dissertation. School of Information Science, Computer and Electronic Engineering, Halmstad University; Department of Informatics, Goteborg University, Gothenburg Studies in Informatics, 2004. 164 p.
66. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet communication as a new speech formation.]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012. 328 p. (in Russian).
67. Goroshko Ye. I., Polyakova T. L. K postroyeniyu tipologii zhanrov sotsial'nykh mediy [To the construction of a typology of social media genres]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2015, no. 2(12), pp. 119–127 (in Russian).
68. Orlov D. V. *Subkul'tura rolevikov v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Role-playing subculture in modern Russian society]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Sociol.). Saratov, 2009. 22 p. (in Russian).
69. Crawford G., Rutter J. Playing the Game : Performance and Digital Game Audiences. In: J. Gray, C. Sandvoss, C. L. Harrington, eds. *Fandom : Identities and Communities in a Mediated World*. London, New York University Press, 2007, pp. 271–281.
70. Drachen A., Smith J. H. Player Talk : The Functions of Communication in Multi-player Role-playing games. *Computers in Entertainment*, 2008, vol. 6, no. 4, pp. 1–36.
71. Falcão T., Ribeiro J. C. The Whereabouts of Play, or How the Magic Circle Helps Create Social Identities in Virtual Worlds. In: G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light, eds. *Online Gaming in Context : The Social and Cultural Significance of Online Games*. London, Routledge, 2011, pp. 130–140.
72. MacCallum-Stewart E. Conflict, Thought Communities and Textual Appropriation in MMORPGs. In: G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light, eds. *Online Gaming in Context : The Social and Cultural Significance of Online Games*. London, Routledge, 2011, pp. 40–59.
73. Mangiron C., O'Hagan M. Game Localisation : Unleashing Imagination with 'Restricted' Translation. *Journal of Specialised Translation*, 2006, no. 6, pp. 10–21. Available at: http://www.jostrans.org/issue06/art_ohagan_utf_tes_t.php.
74. Mangiron C. Video Games Localisation : Posing New Challenges to the Translator. *Perspectives : Studies in Translatology*, 2007, vol. 14, no. 4, pp. 306–323.
75. Mangiron C. The Importance of *Not* Being Earnest : Translating Humour in Video Games. In: D. Chiaro, ed. *Translation H. and the Media*. London, Continuum Publishing Group, 2010, pp. 89–107.
76. Salen K., Zimmerman E. *Rules of Play : Game Design Fundamentals*. London, MIT Press, 2004. 688 p.
77. Drachen A. Analyzing Player Communication in Multiplayer Games. In: G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light, eds. *Online Gaming in Context : The Social and Cultural Significance of Online Games*. London, Routledge, 2011, pp. 201–223.
78. Burn A., Carr D. Motivation and Online Gaming. In: A. Burn, D. Carr, eds. *Computer Games : Text, Narrative and Play*. Cambridge, Polity Press, 2006, pp. 103–118.
79. Caillois R. *Man, Play and Games*. Urbana, University of Illinois, 2001. 208 p.
80. Taylor T. L. Pushing the Borders : Player Participation and Game Culture. In: J. Karaganis, ed. *Structures of Participation in Digital Culture*, New York, SSRC, 2007, pp. 112–130.
81. Bernal Merino M. On the Translation of Video Games. *The Journal of Specialised Translation*, 2006, vol. 6, pp. 22–36. Available at: http://www.jostrans.org/issue06/art_bernal.php.
82. Iaia P. L. *Analysing English as a Lingua Franca in Video Games : Linguistic Features, Experiential and Functional Dimensions of Online and Scripted Interactions*. Bern, Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2016. 139 p.
83. MacKenzie I. Lexical Inventiveness and Conventionality in English as a Lingua Franca and English Translation. *The European English Messenger*, 2013, vol. 22, no. 1, pp. 47–53.
84. Cogburn J., Silcox M. *Philosophy through Video Games*. London, Routledge, 2009. 207 p.
85. Crawford G. C., Gosling V. K., Light B. The Social and Cultural Significance of Online Gaming. In: G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light, eds. *Online Gaming in Context : The Social and Cultural Significance of Online Games*. London, Routledge, 2011. pp. 3–22.
86. Juul J. *Half-Real : Video Games between Real Rules and Fictional Worlds*. Cambridge, MIT Press, 2005. 255 p.
87. Mäyrä F. *Introduction to Game Studies : Games in Culture*. New York, SAGE Publications, 2008. 208 p.
88. McMahan A. *Second Life : The Game of Virtual Life*. In: B. Atkins, T. Krywinska, eds. *Video game, Player, Text*. Manchester, Manchester University Press, 2007, pp. 131–146.
89. Newman J. In Search of the Video Game Player : The Lives of Mario. *New Media and Society*, 2002, vol. 4, no. 3, pp. 407–425.
90. Nielsen S. E., Smith J. H., Tosca S. P. *Understanding Video Games : The Essential Introduction*. London, Routledge, 2008. 302 p.
91. Taylor T. L. *Play between Worlds : Exploring Online Game Culture*. Cambridge, MIT Press, 2006. 197 p.
92. Wright T., Boria E., Breidenbach P. Creative Player Actions in FPS On-line Video Games : Playing Counterstrike. *Game Studies*, 2002, vol. 2, no. 2. Available at: <http://www.gamestudies.org/0202/wright/>.
93. Schaeffer Jean-Marie. *Chto takoye literaturnyy zhanr?* [What is the literary genre?]. Moscow, Yeditorial URSS, 2010. 192 p. (in Russian).
94. Stroganov M. V. *Istoricheskaya poetika / nauch. red. A. Yu. Sorochan* [Historical poetics / Sci. ed.

A. Yu. Sorochan]. Tver', Tverskoy gos. un-t, 2007. 157 p. (in Russian).

95. Dementyev V. V. *Struktura zaimstvovannykh kommunikativnykh kontseptov (na materiale anketirovaniya)* [The structure of borrowed communicative concepts (on the material of the survey)]. In: *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur : K 80-letiyu V. Ye. Gol'dina* [Language in the space of speech cultures : On the 80th anniversary of V. Ye. Goldin]. Moscow, Saratov, Amirit Publ., 2015, pp. 201–211 (in Russian).

96. Dementyev V. V. *Rechezhanrovyye kommunikativnyye tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoy rechi* [Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian speech]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2016. 396 p. (in Russian).

97. Prozorov V. V. Professional'no-kriticheskoye vyskazyvaniye kak rechevoy zhanr [Professional critical statement as a speech genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2018, no. 3(19), pp. 195–202 (in Russian).

98. Dementyev V. V. Tsepochki rechezhanrovoy sistemnosti : leksikalizatsiya i grammatikalizatsiya zven'ev [Chains of reverbing systemism : lexicalization and grammaticalization of links]. *Vzaimodeystviye leksiki i grammatiki : Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii Dvenadtsatyye Shmelevskiyе chteniya (24–26 fevralya 2018 g.)* [Interaction of vocabulary and grammar : Abstracts of the international conference The Twelfth Shmelev Readings (February 24–26, 2018)]. Moscow, In-t Russian language by V. V. Vinogradov RAS, 2018, pp. 20–21.

99. Dementyev V. V. *Teorija rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p.

100. Rogachova N. B. *Struktura i funkcionirovanie vtorichnykh rechevykh zhanrov internet-kommunikatsii (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov)* [The structure and functioning of the internet-communication secondary speech

genres]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2011. 252 p. (in Russian).

101. Shchurina Yu. V. *Vtorichnye komicheskie rechevye zhanry internet-kommunikatsii* [Secondary comic speech genres of Internet communication]. In: *Kommunikatsiya. Myshlenie. Lichnost : materialy mezhdunar. nauch. konf. pamyati I. N. Gorelova i K. F. Sedova* [Communication. Thinking. Personality : materials of international scientific conference dedicated to I. N. Gorelov and K. F. Sedov]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2012, pp. 464–474 (in Russian).

102. Shchurina Yu. V. *Rechevye zhanry komicheskogo v sovremennoy massovoy kommunikatsii* [Speech Genres of comic in modern mass communication]. Chita, Transbaikalian gos. un-t, 2015. 223 p.

103. Sedov K. F. Rechezhanrovaya identichnost' kak komponent kommunikativnoy kompetentsii lichnosti [Speech genre identity as a component of the communicative competence of the individual]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st. Vyp. 7* [Speech Genres : col. of sci. art. Iss. 7], 2011, iss. 7, pp. 25–47 (in Russian).

104. Wierzbicka A., Goddard K. *Diskurs i kul'tura* [Discourse and Culture]. *Zhanry rechi : sb. nauch. tr.* [Speech Genres : coll. of sci. art.]. Saratov, 2002, iss. 3, pp. 118–156 (in Russian).

105. Ermakova O. P. *Yavlyayetsya li ironiya rechevym zhanrom? (yeshche raz o nekotorykh osobennostyakh ironii)* [Is irony a speech genre? (once again, about some features of irony)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2014, no. 1–2(9–10), pp. 74–80.

106. Apresyan Yu. D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka : popytka sistemnogo opisaniya* [The image of the person according to language : an attempt to describe the system]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language]. 1995, no. 1, pp. 37–67.

Статья поступила в редакцию 23.07.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Деметьев В. В. Жанры в меняющемся мире : креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>

For citation

Dementyev V. V. Genres in Changing World : Creationistic Potentials of Speech Genres and Epistemological Potentials of the Theory of Speech Genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 6–21 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>

ПЕРЕВОДЫ

УДК 81'38:004.738.1

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-22-33>

Марина Сантини
Брайтон, Великобритания

Marina Santini
Brighton, UK

**Веб-страницы, типы текстов
и лингвистические характеристики: некоторые
вопросы**

**Web Pages, Text Types, and Linguistic Features:
Some Issues**

С текстологической точки зрения веб – место, в котором сосредоточено огромное количество документов. В вебе практически всё может быть рассмотрено как «документ» или, что является более подходящим термином, как «веб-страница». То количество текстов, которое представлено в вебе, превышает все мыслимые пределы. Более того, веб дик и неконтролируем. Это становится ясным, если мы сравним «прирученный» источник мира бумажных текстов, такой как Британская Национальная Библиотека, и «неукротенный» английский веб. В данном эмпирическом исследовании были изучены текстовые типологии случайной коллекции предварительно необработанных веб-страниц, не взятых из корпуса предварительно обработанных и отобранных документов. Было установлено, что текстуальность веб-страниц может отличаться от текстуальности линейных документов (не имеет значения, бумажных или электронных). Новая текстуальность усложняет автоматическое извлечение особенностей и применение средств АОТ. Также было установлено, что текстовые типологии, которые уже предложены исследователями, можно применить не для всех типов веб-страниц. На спорные вопросы, отмеченные в данной работе, нельзя ответить однозначно. В данный момент времени моим предложением остаётся то, что их следует учитывать при анализе результатов применения любого автоматического метода к веб-страницам.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, веб-страницы, текстовые типы, средства АОТ, текстуальность, традиционные документы.

From a textual point of view, the web is a huge reservoir of documents. On the web virtually everything can be seen as a 'document' or better a 'web page'. The sheer amount of texts available is just overwhelming. Furthermore, the web is mainly wild and uncontrolled. This becomes clear if we compare a 'tamed' resource of the paper world, like the British National Library, and the 'untamed' English Web. In: this empirical study, I investigated text typologies in a random sample of raw web pages, and not in a corpus of pre-selected and pre-processed documents. I realized that the textuality of web pages might be dissimilar from the textuality of linear documents (whether paper or electronic documents). This new textuality makes automatic feature extraction and application of NLP tools more troublesome. I also realized that the text typologies already available in the literature might not cover all web page types. The issues pointed out in this study do not have an easy solution. For the time being, my suggestion is to keep them in mind when assessing results from any automatic approach to web pages.

Keywords: corpus linguistics, web pages, text types, NLP tools, textuality, traditional documents.

Оригинал: Santini Marina. Web pages, text types, and linguistic features: Some issues. In: ICAME JOURNAL: Computers in English Linguistics. No. 30. April 2006, pp. 67–86.

Сведения об авторе: Сантини Марина, доктор филологии, научный сотрудник Института компьютерных исследований.

Место работы: Брайтонский университет.

E-mail: marinaromestockholm@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5737-8149>

About the author: Santini Marina, Doctor of Philology, Researcher of the Institute of Computer Science. Place of employment: University of Brighton, UK.

E-mail: marinaromestockholm@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5737-8149>

Введение

С ростом Сети огромное количество документов, в особенности веб-страниц, стало

доступно для изучения лингвистами (в частности, специалистами по корпусам). Веб-страницы можно считать новым видом документа,

© Сантини М., 2019

© Афанасьев И. А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2018

в значительной степени более непредсказуемым и индивидуализированным, чем те, что выпущены на бумаге. В то время как большое число документов на бумаге все еще имеет линейную структуру, что отражается в традиционных электронных корпусах, таких как Британский национальный корпус (BNC), веб-страницы обладают визуальной организацией, позволяющей им совмещать несколько функций или несколько текстов с разными коммуникативными задачами в одном документе. Например, пространство веб-страницы может быть разделено на несколько частей, организованных списками ссылок – в основном изолированными именованными структурами или глагольными элементами [1: 186–187] – и отрывками текста, распределенными по основному блоку документа, такими как кнопки навигации, меню, объявления, поля поиска, которые размещены на разных участках единой страницы. В дополнение к этому «эффект осуществления гиперсвязи» [2, 3], интерактивность и мультифункциональность [4] могут повлиять на внутреннюю смысловую структуру текста, которая также опирается на использование изображений и других графических элементов. Хотя использование разных видов шрифтов, цветов и размеров, так же как и использование приемов верстки, наподобие организации текста в колонки, линий, разделяющих части документов, рисунки и т. д., само по себе не ново (ср. [5] на предмет детального описания роли и языка, и инструментов верстки в формировании типов документов), новостная статья, разделенная на колонки и имеющая в своем составе заголовки, все еще не теряет своих специфических языковых и текстуальных особенностей при размещении в корпусе, таком как BNC. Этого нельзя сказать о многих веб-страницах, поскольку визуальная структура страницы, включающей в свой состав новостную статью, в большинстве случаев не может быть сведена на нет или просто проигнорирована без потери важной информации (ср. [6, 7]). Веб-страница – своего рода хранилище, из которого читатель выбирает нужную ему / ей информацию. Искусственное отделение того, что обычно называют основным блоком, от остальной страницы – решение необоснованное и в большей части случаев неоправданное. В итоге веб-страницы обычно более сложны и запутанны, чем традиционные бумажные или электронные документы. И хотя на веб-странице все элементы не обязательно неразрывно связаны друг с другом или находятся в линейной связи, они составляют единое неделимое целое.

Веб-страницы создают шум не только на текстуальном уровне. Также они содержат шум физический. На необработанной веб-

странице, т. е. на странице, загруженной из Сети без предобработки, может быть найдено множество неправильностей, особенно если у страницы HTML-формат. Непредсказуемая пунктуация, опечатки, грамматические ошибки, необычные имена, экстралингвистические элементы, такие как HTML-теги и куски кода, могут значительно затруднить использование инструментов автоматической обработки текстов (АОТ) и автоматического извлечения лингвистической информации. Особенно трудно упорядочить HTML-разметку, во-первых, потому что HTML-синтаксис не стандартизирован, а во-вторых, потому что HTML пишет люди, у каждого из которых разный стиль программирования. Даже программное обеспечение, такое как Microsoft Frontpage, Micromedia Dreamweaver или Microsoft Word, частично использует непохожие друг на друга стандарты оформления кода. Утилиты для чистки или стандартизации кода, такие как бесплатная TidyHTML, оказываются практически бесполезны в случаях кардинально различающихся HTML-аннотаций.

При таком развитии событий возникает интересный вопрос. Могут ли разработанные на данный момент лингвистикой (в частности, корпусной) текстовые типологии быть применены к веб-страницам? Чтобы это понять, я провела простой эксперимент, целью которого было проверить, подходят ли существующие текстовые типологии к документам в Сети. Поскольку идентификация этих текстовых типологий основана на особенностях языка, в данной статье я хотела бы сосредоточиться на некоторых вопросах, которые возникли, когда я попыталась автоматически извлечь эти характеристики из случайной подборки веб-страниц. Никакого простого или уже готового ответа на эти вопросы нет. Цель статьи – озвучить их и обратить на них внимание сообщества корпусных лингвистов; подготовить почву для дальнейших дискуссий и исследований. И пока решение не найдено, моим советом будет проявлять осторожность при интерпретации результатов, полученных от любого вида автоматической обработки веб-страниц.

Статья организована следующим образом: п. 1 представляет собой краткий обзор того, что обычно называют «тип текста»; в п. 2 кратко описывается ряд исследований, в которых исследовалась взаимосвязь веб-страниц и типов текста; п. 3 содержит условия проведения эксперимента; в п. 4 анализируются шесть ключевых вопросов, возникающих при исследовании взаимоотношений типов текста и веб-страниц; некоторые выводы представлены в конце статьи.

1. Типы текста

Традиционно типы текста относят к риторическим категориям, таким как повествование, описание, представление и аргументация. Выделение типов текстов уходит корнями глубоко в культуру [8], но количество и конкретные наименования сопоставимых с ними риторических категорий различаются в зависимости от предпочтений и научного направления, в области которого работает лингвист. Например, Werlich [9] выделяет пять типов текста (повествование, описание, представление, аргументация и руководство), Beaugrande и Dressler [10] предлагают ввести семь типов текста (описательный, повествовательный, аргументирующий, научный, дидактический, литературный и поэтический), Adam [11] анализирует пять типов текста (декламация, описание, аргументация, экспликация и диалог).

В сфере корпусной лингвистики термин «типы текста» принят с момента публикации работы Biber на тему языковой изменчивости в речи и письме [12]. Этот труд на данный момент считается классикой статистического направления с опорой на корпуса и значительно повлиял на европейские стандарты хранения больших массивов реализаций языка, такие как методические рекомендации по текстовой типологии EAGLES [13]. В работе [12] проводится четкое разграничение между жанром, который позже становится регистром [14], и типом текста. С точки зрения автора, жанр испытывает влияние культурных и иных экстралингвистических факторов, в то время как информация о типе может быть извлечена непосредственно из текста, вне зависимости от жанра. Другими словами, если внешние критерии разделения жанров следуют разграничениям и классификациям, которые уже есть в культуре, то типология текстов по Biber базируется исключительно на собственно лингвистических критериях, интерпретируемых через связь с внешними функциями. В работе Biber [12: 102–103] предложены следующие параметры текстов: участие в продуцировании, продуцирование информации, вовлеченное повествование, эксплицитная ссылка, ситуационно-зависимая ссылка, явное выражение убеждения, абстрактное информирование и мгновенное уточнение информации.

Однако абсолютно строгая дифференциация между жанром / регистром и типом текста признана или принята не повсеместно. Некоторые ученые используют понятие «тип текста», чтобы разграничить жанры речи и жанры литературы (ср. [15]). Другие оперируют терминами «жанр текста» и «тип текста» как синонимами (ср. [16, 17]). Наконец, третьи просто используют термин без дальнейшего разъяснения, как

это наименование следует понимать в контексте, в котором оно используется.

В данной работе я следую традициям риторики и корпусной лингвистики. Точнее, я пытаюсь выяснить, подходят ли и могут ли быть применены к веб-страницам те типы текста, что предложил Biber [12], и те, что происходят из традиционной риторической классификации, принятой Werlich [9].

2. История вопроса

Исследования, представленные ниже, все еще не завершены или же основаны на предварительных данных по изучению типов текста веб-страниц. И хотя в каждом из них используется разный подход, все они основаны на корпусах.

TypWEB [18, 19], франкоязычный проект, чьей открытой целью является продолжение работы Biber, предлагает общие методологические и практические принципы профилирования веб-страниц, конечная задача которых – разработать как можно более подробную типологию, для того чтобы разграничить личные и коммерческие сайты. Анализируются как лингвистические характеристики веб-страниц, так и особенности представления (расположение элементов, изображений, гиперссылок и т. д.). Хотя проект все еще в разработке, некоторые результаты уже доступны. На данный момент получены некоторые интересные выводы. Так, структура коммерческого сайта сложнее структуры личного. На главной странице коммерческого сайта больше ссылок, чем на других страницах; у личных сайтов этого не наблюдается. Использование личных местоимений первого и второго лица варьируется между коммерческими и личными сайтами, и т. д. Разрывая с традицией исключительно индуктивного подхода, постулируемой Бибером, TypWEB предлагает двойной подход к профилированию веб-сайтов, основанный как на дедукции с определением категорий *a priori*, так и на индукции, где категории извлекаются непосредственно из данных.

В работе [20] представлен компонентный (многоаспектный) анализ двух тематических категорий Google («Дом» и «Наука» с несколькими субкатегориями). Многоаспектный анализ [12, 21] опирается на индуктивный статистический подход, основанный на факторном и групповом анализе, при котором категории извлекаются из данных и интерпретируются в свете внешних функций. Итог исследования – четыре ключевых аспекта (личное вовлеченное повествование, убедительно-аргументирующий дискурс, совет и абстрактно-технический дискурс). В отличие от TypWEB, в Biber [20] включены только лингвистические

характеристики (лексические, морфологические и синтаксические классы, множество из которых было извлечено тэггером или парсером) без особенностей представления.

Santini [22] также никак не касается особенностей представления, но, в отличие от Biber и по аналогии с TypWEB, пытается соединить дедуктивный и индуктивный подходы. Дедуктивно-индуктивная модель основана на Бейесовской инференции. Она дедуктивна, поскольку опирается на ограниченное количество исходных состояний (четыре) и широко признанных текстовых типов (описание / повествование, экспликационный/информативный тип, аргументирующий / убеждающий тип, руководство). Индуктивна же она потому, что обработка инференций основана на корпусе. Инференции, в свою очередь, основаны на вычислении величины вероятности для гипотезы (тип текста), проверенной на одном или нескольких фактах (частоты некоторых характеристик). Градации типов текста исчисляются в вероятностных величинах. Например, веб-страница может быть руководством с вероятностью 0.3, повествованием с вероятностью 0.5, относиться к информативному типу с вероятностью 0.7 и аргументирующему с вероятностью 0.9. Проще говоря, это означает, что анализируемая веб-страница может считаться скорее всего аргументирующей, с высокой степенью вероятности информативной, возможно, повествовательной, но вряд ли руководством. По данным предварительной оценки выяснилось, что градации текстовых типов, которые дает модель, в большой степени совпадают с мнениями людей, изучавших тот же материал.

Более частный, но не менее интересный для нашего исследования взгляд, представленный в Roberts [23], сосредоточен на единственном типе текста – повествовании – для единственного жанра – личной главной страницы. Помимо всего прочего, автор предлагает оригинальное истолкование гиперссылок в контексте нарратологии.

Хотя во всех этих исследованиях представлены интересные находки, при этом каждое отличается особенным подходом и набором характеристик, ни в одном из них открыто не говорится о методологии извлечения лингвистической и нелингвистической информации в процессе обработки веб-страниц. В то же время не отмечается и то, что извлечение допускало двойные истолкования или вызывало проблемы. Как уже было подчеркнуто во введении, веб-страницы могут считаться новым типом документа, более сложным при обработке, нежели традиционные документы. Следовательно, путь, по которому извлекается информация и используются средства AOT

при обработке веб-страниц, может очень сильно повлиять на результаты, особенно если исследователь полагается на статистические методы.

3. Исследование

Как уже упоминалось ранее, ряд классификаций текстовых типов для традиционных типов документов, как бумажных или электронных (п. 1), так и веб-страниц (п. 2), уже был предложен в предыдущих работах по (корпусной) лингвистике. Целью данного исследования было при помощи простейших исследовательских установок верифицировать возможность приложения двух традиционных типологий текстов – Werlich [9] и Biber [12] – к веб-страницам. К этим двум типологиям добавлено еще одно базовое противопоставление – «субстантивный vs. глагольный». Проводя эксперимент, я поняла, что результаты могут быть незначительно искажены помехами, возникающими при автоматической обработке текста. Эксперимент проводился пошагово:

- составление списка лингвистических характеристик, представляющих три текстовых типологии: Werlich, Biber и «субстантивный vs. глагольный» (прил.);
- извлечение случайного набора английских веб-страниц из электронной коллекции SPIRIT [24];
- конвертация веб-страниц из HTML в ASCII;
- обработка ASCII-версий веб-страниц средствами AOT (тэггер, парсер, разбиение на n-граммы);
- кодирование типов текстов как массивов именованных характеристик;
- кодирование веб-страниц как массивов именованных характеристик;
- сравнение массива каждой веб-страницы с массивами типов текста и выведение типа текста для веб-страницы.

Единица анализа – конкретная веб-страница как целое. Ее отдельные характеристики извлекаются, подсчитываются и сравниваются с заранее заданным списком характеристик (заранее заданным текстовым типом). ASCII-версии веб-страниц были тегированы и подвергнуты частеречной разметке (с использованием Connexor, созданного Tarpaninen и Järvinen в 1997 г. [25]); n-граммы были подсчитаны в единицах словарной вариативности (при помощи бесплатных программ). Относительные и абсолютные частоты для ASCII-версий были подсчитаны скриптами на языке программирования Perl. Относительные частоты были приведены к процентному виду. Каждая веб-страница кодировалась как массив. Совпадения между заранее заданными

текстовыми типами и характеристиками веб-страницы учитывались как пересечение массивов (рис. 1). Также было возможно установить порог совпадения. Например, при выборе порога в 30% извлекались только те характеристики, чьи нормализованные значения равнялись тридцати процентам. Повышение или понижение порога влияло на количество характеристик, включенных в массив, представляющий веб-страницу. При низком пороге (скажем, 20%) в массив веб-страницы было бы включено больше характеристик, и совпадение с несколькими заранее установленными типами текстов более вероятно. При этом при установлении порога выше (допустим, 80%) количество лингвистических характеристик, извлекаемых из текста, сокращается, как и возможность совпадения с предустановленными типами текстов.

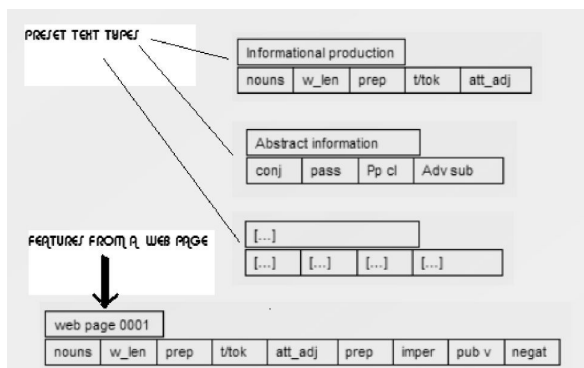

Рис. 1. Массивы (на изображении: заранее установленные типы текста, характеристики веб-страницы)

Fig. 1. Arrays (On the image: predefined text types, webpage specifications)

Эксперимент проводился с целью установить соответствие между веб-страницей как целым и одним или больше типами текста. Например, веб-страница могла классифицироваться как участие в производстве по Viber, аргументация по Werlich и глагольный тип текста.

4. Ключевые вопросы

Большинство веб-страниц, проанализированных с порогом в 50%, причислены к субстантивному типу. Однако анализ данных по частотности показал, что программы автоматического извлечения не столь точны, как ожидалось, и некоторые проблемы, связанные с обработкой текста, вероятно, негативно повлияли на итоговый результат. В подразделах я вкратце опишу следующие шесть ключевых вопросов, а именно (рис. 2):

1. Части текста, вставленные в код как изображения.
2. Заголовки.

3. Списки.
4. Имена собственные
5. Таблицы.
6. Смешанный тип текста.

Рис. 2. Части текста, вставленные в код как изображения

Fig. 2. Text coded as images

4.1. Ключевой вопрос 1: Части текста, вставленные в код как изображения

Если сравнить ASCII-версию (рис. 3) и HTML-версию (см. рис. 2.), то можно увидеть, что ряд элементов исчез из ASCII-версии, например, все размещенное на левой стороне, как и основной заголовок. Это происходит, когда части текста кодируются как изображения, вставленные в HTML-код. Трудно найти для подобных потерь информации простое решение.

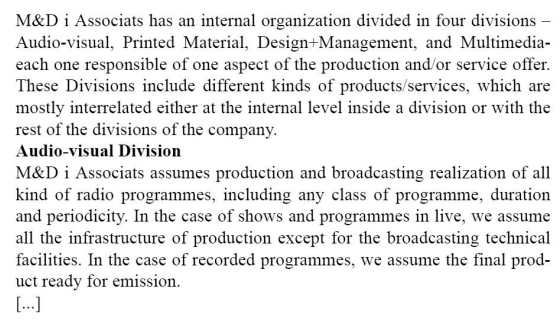

Рис. 3. ASCII-версия веб-страницы, продемонстрированной на рис. 2

Fig. 3. ASCII version of the web page shown in Fig. 2

4.2. Ключевой вопрос 2: Заголовки

У второго абзаца на рис. 3 есть заголовок (выделен полужирным), который не идентифицируется парсером как независимая единица анализа (рис. 4). Неправильные выходные данные обусловлены тем, что парсер соединяет

audio-visual	audio-visual	attr:>2	@>A>	%>N	A	ABS		
division	division	attr:>3	@>A>	%>N	N	NOM	SG	
I&D	m&d		@>OBJ	%NH	Heur	N	NOM	SG
	i	subj:>6	@>SUBJ	%NH	PRON	PERS	NOM	SG1
associats	associats	mod:>4	@>APP	%NH	Heur	N	NOM	SG
ssumes	assume	main:>0	@>+FMAIN	%VA	V	PRES	SG3	
roduction	production		@>OBJ	%NH	N	NOM	SG	
nd	and	cc:>7	@>CC	%CC	CC			
roadcasting	broadcasting	cc:>7	@>I-OBJ	%NH	N	NOM	SG	
realization	realization		@>OBJ	%NH	N	NOM	SG	
f	of	mod:>10	@><NOM-C	%N<	PREP			
ll	all	ad:>13	@>AD-A>	%E>	ADV			
ind	kind	pcomp:>11	@><P	%NH	A	ABS		
f	of	mod:>13	@><NOM-C	%N<	PREP			
adio	radio	attr:>16	@>A>	%>N	N	NOM	SG	
rogrammes	programme	pcomp:>14	@><P	%NH	N	NOM	PL	
,								
cluding	include	man:>6	@>-FMAIN	%VA	ING			
ny	any	det:>20	@>DN>	%>N	DET			
lass	class	obj:>18	@>OBJ	%NH	N	NOM		
f	of	mod:>20	@><NOM-C	%N<	PREP			
rogramme	programme	pcomp:>21	@><P	%NH	N	NOM	SG	
,								
uration	duration	cc:>22	@><P	%NH	N	NOM	SG	
nd	and	cc:>24	@>CC	%CC	CC			
eriodicity	periodicity	cc:>24	@><P	%NH	N	NOM	SG	
,								
<p>	<p>							

Рис. 4. Заголовок не анализируется как отдельная синтаксическая единица
Fig. 4. The heading is not analysed as a separate syntactic unit

заголовок со следующим предложением. Заголовки редко оформляются пунктуационным знаком в конце или состоят из грамматически оформленного предложения (за исключением вопросов, например, «Как вы создаёте свой интранет?»). В результате заголовки представляют большую проблему для разделителя или парсера. Решением проблемы может стать предварительная обработка. Например, HTML-тег `<h#>` (парсеры могут распознать HTML-тег для заголовков, но обычно просто не интерпретируют их) может быть применён, чтобы создать искусственную границу между предложениями. Однако, как показано на рис. 2, заголовок может быть тегирован совершенно иначе, как `<p><u><b><i>Audio-visual Division</i></b></u><br>`. Типы текста на рис. 2 – описание по Werlich, продуцирование информации по Biber, субстантивный тип текста.

4.3. Ключевой вопрос 3: Списки

Рис. 5 демонстрирует очень распространённый способ организации текста – списки. Здесь могут возникнуть проблемы как с парсингом, так и со стилеметрией, в частности подсчётом средней длины предложения. У списков есть целый ряд особенностей (ср. [26]). Например, вводное предложение списка обычно семантически неполно; в нём либо не хватает точки в конце, либо в конце поставлено двоеточие. Помимо этого, позиции списка могут представлять отдельные слова или целые предложения, оформ-

ленные или неоформленные пунктуационно. На рис. 5 сверху дан короткий список, каждая позиция которого содержит несколько слов без пунктуации, а также более длинный список, вводное предложение которого заканчивается двоеточием. Позиции последнего – длинные предложения, заканчивающиеся точкой с запятой или точкой. Парсер подобные конструкции сбивают с толку. В дополнение к этому недостоверными оказываются и данные о средней длине предложения, которые обычно основаны на частоте точек, вопросительных и восклицательных знаков, а также ряда других символов. Решением может стать использование тега `<li>`, для того чтобы установить искусственные границы предложений. Но что тогда делать с семантически неполным вводным предложением или же длинным списком с двоеточием в конце?

Типы текста, полученные на выходе для рис. 5, – руководство по Werlich и субстантивный тип текста.

Другой пример нехудожественной страницы продемонстрирован на рис. 6. Это список из позиций, распределённых по странице без маркирования, нумерации или знаков пунктуации. Визуально эта неполнота не ощущается, поскольку строки текста воспринимаются как отдельные сущности. Внутренняя структура HTML – таблица.

Тип текста, получаемый на выходе для рис. 6, – субстантивный.

Public Works

- Administration
- Surface Water Management
- Solid Waste & Recycling
- Street Systems
- Traffic
- Departments' Home

Development Services Department Overview/Description

The Public Works Development Services Division responsibilities include:

- Review civil engineering plans on applications related to subdivisions, boundary line adjustments, single family, multi-family and commercial projects, land use modifications, site plan reviews, etc., and coordination with Community Development and Building departments to facilitate the permit process;
- Conducting construction inspections on private commercial and residential developments;
- Determining and evaluating development impacts;
- Assuring and enforcing conformance with approved plans, permits, codes, and City standards; issues code variances;
- Coordinating preparation and collection of construction bonds and certificates of insurance;
- Meeting with customers and citizens to identify development-related issues and providing technical assistance during construction;
- Issuing decisions related to requests for modifications to right-of-way and surface water management requirements.
- Assisting in the maintenance of subdivision drawings and records.

Рис. 5. Списки
Fig. 5. Lists

Centre for Environmental Informatics

Environmental Reporting
Clearinghouse

Social and Ethical Reporting
Clearinghouse

University of Sunderland
Environmental Report

Environmental Education

Sakha Republic, Russia

Рис. 6. Распределённый список
Fig. 6. Scattered list

4.4. Ключевой вопрос 4: Имена собственные

Тип веб-страниц, показанный на рис. 7, часто встречается в сети. На странице список имён и некоторые личные детали. Возможно, утилита для распознавания именованных сущностей и аббревиатур окажется полезнее парсера или теггера в этом случае.

Тип текста, возвращённый для рис. 7, – субстантивный.

4.5. Ключевой вопрос 5: Таблицы

Таблицы, похожие на продемонстрированные на рис. 8, также часто встречаются в Сети. Считалось, что их трудно анализировать с лингвистической точки зрения, но, к счастью, это представление меняется (ср. [27–29]).

Тип текста, восстановленный для рис. 8, – эксплицитная ссылка.

4.6. Ключевой вопрос 6: Смешанные тексты

Ещё один часто встречающийся тип веб-страниц продемонстрирован на рис. 9. На этой странице есть основная статья и другие строки текста, обрамляющие основное тело. Семантически эти строки не относятся к основному телу, лишь предоставляют дополнительную информацию читателю. Предполагая, что каждый тип текста выполняет некую коммуникативную функцию, сколько мы сможем выделить типов текста на этой странице? Как минимум 3: комментарий (основная статья), информативный список (заголовки на правой стороне) и заголовков (позиции списка на левой стороне)

Единственный тип текста, восстановленный для рис. 9, – участие в продуцировании по Biber.

Directory

If you would like to have your name listed here, please fill out our [Alumni Registration form](#).

A B C D E F G H I J K L M N O P R S T V W

A

Abbott, David M. 1998, BA MHR

Adams Nancy Jo 2000, BA - Criminal Justice

Adcock, Brad 1991, BA - Bible, ZHQ

Albritton, Walter M. (Matt) 1999, BA - Business Administration

Augustine, Charles R. 1985, AS, BA - Business

Alred, Kathy D. 1995, BBA - Business Admin

Amaya, Lana C. 1992, BS - Social Science

Anderson, Elizabeth Ann 2000, BS - Criminal Justice

Anderson, Phyllis Mullins 1993, BBA

Рис. 7. Имена собственные
Fig. 7. Proper nouns

Search Prospective Students Current Students Researchers Employers Alumni Outreach Faculty and Staff																																																													
Financial Aid Career Services School Info. Systems Synthesis Student Events Directories																																																													
Home Contact Application	TA: Ahumada-Lobo, Ivico Semester: Summer 2000 Course: 90-803, Econ Princ of Policy Analysis, Section M <table border="1"> <thead> <tr> <th>TA Evaluation Questions</th> <th>No.</th> <th>Avg.</th> <th>% Low (1&2)</th> <th>% High (4&5)</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>TA Enthusiastic and Knowledgeable?</td> <td>19</td> <td>4.16</td> <td>5.3</td> <td>89.5</td> </tr> <tr> <td>Was TA Clear and Organized?</td> <td>19</td> <td>3.42</td> <td>21.1</td> <td>57.9</td> </tr> <tr> <td>Did TA have patience and rapport?</td> <td>18</td> <td>3.61</td> <td>16.7</td> <td>61.1</td> </tr> <tr> <td>Was TA available?</td> <td>13</td> <td>4.38</td> <td>0.0</td> <td>100.0</td> </tr> <tr> <td>Overall rating of this TA?</td> <td>19</td> <td>3.68</td> <td>10.5</td> <td>63.2</td> </tr> </tbody> </table> TA: Ahumada-Lobo, Ivico Semester: Summer 2000 Course: 90-803, Economic Princ of Policy Analy - DL, Section N <table border="1"> <thead> <tr> <th>TA Evaluation Questions</th> <th>No.</th> <th>Avg.</th> <th>% Low (1&2)</th> <th>% High (4&5)</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>TA Enthusiastic and Knowledgeable?</td> <td>1</td> <td>4.00</td> <td>0.0</td> <td>100.0</td> </tr> <tr> <td>Was TA Clear and Organized?</td> <td>1</td> <td>4.00</td> <td>0.0</td> <td>100.0</td> </tr> <tr> <td>Did TA have patience and rapport?</td> <td>1</td> <td>4.00</td> <td>0.0</td> <td>100.0</td> </tr> <tr> <td>Was TA available?</td> <td>0</td> <td></td> <td></td> <td></td> </tr> <tr> <td>Overall rating of this TA?</td> <td>1</td> <td>4.00</td> <td>0.0</td> <td>100.0</td> </tr> </tbody> </table>	TA Evaluation Questions	No.	Avg.	% Low (1&2)	% High (4&5)	TA Enthusiastic and Knowledgeable?	19	4.16	5.3	89.5	Was TA Clear and Organized?	19	3.42	21.1	57.9	Did TA have patience and rapport?	18	3.61	16.7	61.1	Was TA available?	13	4.38	0.0	100.0	Overall rating of this TA?	19	3.68	10.5	63.2	TA Evaluation Questions	No.	Avg.	% Low (1&2)	% High (4&5)	TA Enthusiastic and Knowledgeable?	1	4.00	0.0	100.0	Was TA Clear and Organized?	1	4.00	0.0	100.0	Did TA have patience and rapport?	1	4.00	0.0	100.0	Was TA available?	0				Overall rating of this TA?	1	4.00	0.0	100.0
TA Evaluation Questions	No.	Avg.	% Low (1&2)	% High (4&5)																																																									
TA Enthusiastic and Knowledgeable?	19	4.16	5.3	89.5																																																									
Was TA Clear and Organized?	19	3.42	21.1	57.9																																																									
Did TA have patience and rapport?	18	3.61	16.7	61.1																																																									
Was TA available?	13	4.38	0.0	100.0																																																									
Overall rating of this TA?	19	3.68	10.5	63.2																																																									
TA Evaluation Questions	No.	Avg.	% Low (1&2)	% High (4&5)																																																									
TA Enthusiastic and Knowledgeable?	1	4.00	0.0	100.0																																																									
Was TA Clear and Organized?	1	4.00	0.0	100.0																																																									
Did TA have patience and rapport?	1	4.00	0.0	100.0																																																									
Was TA available?	0																																																												
Overall rating of this TA?	1	4.00	0.0	100.0																																																									

Рис. 8. Таблица
Fig. 8. Tabular structure

[HOME](#) // [CLASSIFIEDS](#) // [NWSOURCE](#) // [FORUMS](#) // [MONEY](#) // [WEATHER](#) // [HOME DELIVERY](#)

[NORTHWEST](#)
[SPORTS](#)
[Scores/Stats](#)
[Mariners/MLB](#)
[Seahawks/NFL](#)
[Sonics/NBA](#)
[Storm/WNBA](#)
[College Football](#)
[College Basketball](#)
[Golf](#)
[Hockey](#)
[Motor Sports](#)
[Preps](#)
[Other Sports](#)
[Art Thiel](#)
[Laura Vecsey](#)
[Rec. Calendar](#)
[Sports Wire](#)

[BUSINESS](#)
[NATION/WORLD](#)
[ART & LIFE](#)
[COMICS &](#)
[GAMES](#)
[OPINION](#)
[COLUMNISTS](#)
[GETAWAYS](#)
[NEIGHBORS](#)

Art Thiel

Griffey trade brought a year of odd results

Friday, February 9, 2001

By **ART THIEL**
SEATTLE POST-INTELLIGENCER COLUMNIST

REMEMBER WHERE YOU were one year ago?

Perhaps you threw yourself upon the floor and wailed. Maybe you consoled your sports-loving kids.

On the other hand, perhaps you were Alex Rodriguez and danced the day away.

Certainly, you weren't writing a newspaper column claiming the trade of Ken Griffey Jr. was a clever move destined to help the Mariners and screw up the Cincinnati Reds.

As a matter of fact, I wasn't writing that, either.

My consolation: Neither was anyone else.

Sponsored Links
ServiceMagic
Get matched to pre-screened, customer rated home contractors

TOOLS
 [Print this](#)
 [E-mail this](#)

HEADLINES
[Don't be shocked if you get a call from Torre](#)
[No angst in All-Star Ichiro](#)
[Torre breaks out the pinstripes](#)
[Sadly, All-Star voters do the 'No Bell' thing](#)

Рис. 9. Смешанный текст
Fig. 9. Mixed text

Выводы

Список ключевых вопросов может быть дополнен, однако я остановлюсь здесь и сделаю ряд выводов. Даже несмотря на то что большинство типов текста на выходе определены в общем верно, автоматическое извлечение особенностей веб-страниц вызывает проблемы, например:

- некоторые элементы текста веб-страниц могут быть потеряны, когда текст кодируется в изображениях (п. 4.1);
- средства АОТ могут быть ненадёжны, когда используются на ASCII-версиях веб-страниц без предварительной обработки, и полученные результаты могут быть ошибочны (п. 4.2 и 4.3). Отсутствие знаков препинания может представлять серьёзное затруднение для некоторых утилит, таких как парсеры, которые опираются на границы предложений. По-видимому, использование пунктуации в конце предложений на веб-страницах может отличаться от такового в линейных документах. По сути, поскольку веб-страницы – документы визуальные, элементы текста могут иметь различный шрифт и цвет, быть размещены беспорядочно по всей странице. Форматирование и распределение – визуальные способы, нивелирующие отсутствие границ между предложениями (например, см. рис. 6);
- по всей видимости, грамматические и лексические особенности по отдельности не могут служить полноценной опорой для типологии текста на веб-страницах. Другие особенности, такие как имена собственные и таблицы, нужно подвергнуть процедуре идентификации (п. 4.4 и 4.5). В то время как имена собственные могут быть распознаны утилитами по идентификации именованных сущностей, с таблицами всё ещё возникают затруднения.

Что же касается типов текста, я могу заключить следующее:

- для некоторых веб-страниц невозможно с точностью определить тип текста (например, см. рис. 6–8). В этом случае индуктивные методы, такие как компонентный (многоаспектный) анализ, могут помочь в выделении и интерпретации особенностей;
- точно следует обратить внимание на тексты смешанного типа (п. 4.6). Текст может представлять собой смешение различных средств выразительности и коммуникативных актов, слабо коррелировать с идеальным / идеализированным типом [10: 181 ff.]. Подобное особенно верно в случае веб-страниц, являющихся визуальными

объектами, по большей части нелинейной организации, включающими в себя различные коммуникативные задачи. В этом случае метод, основанный на более точном анализе текстуальности веб-страницы (ср. [22]), окажется более эффективным.

Резюмирую. Я поставила сложную задачу – анализ текстовых типологий на случайной подборке необработанных веб-страниц, взятых не из корпуса заранее выбранных и обработанных документов. Я выяснила, что текстуальность веб-страниц может отличаться от текстуальности линейных документов (бумажных или электронных). Эта новая текстуальность значительно затрудняет автоматическое извлечение особенностей и обработку текста. Также я выяснила, что уже разработанные типологии могут не включить в себя все типы веб-страниц.

У ключевых вопросов, представленных в статье, нет простого решения. На данный момент я предлагаю помнить о них при обработке результатов от любой автоматической обработки веб-страниц. Поскольку веб-страницы как большой источник текстов не могут быть отвергнуты (корпусной) лингвистикой, необходимы дальнейшее обсуждение и изучение.

Примечания

1. Случайная коллекция из 1000 неклассифицированных веб-страниц из коллекции SPIRIT может быть загружена внизу следующей страницы: <http://www.itri.brighton.ac.uk/~Marina.Santini>
2. В особенности не были включены удаление *that*, использование *do* как частицы и нефразовое соположение.
3. В особенности не были включены конструкции с синтаксическим выносом.
4. В особенности не были включены разделённые связи.

Приложение

Типы и особенности текста по Werlich

Типы текста по Werlich основаны на количественном анализе бумажных документов [9]. Werlich выделяет пять типов текста: описание, повествование, экспозицию, аргументацию, инструкцию.

Особенности описания: настоящее время, показатели места, прилагательные, высокий коэффициент лексического разнообразия.

Особенности повествования: прошедшее время, показатели времени и места.

Особенности экспозиции: эксплицирующие формулы, малая длина предложений, большое число абзацев.

Особенности аргументации: конструкции, такие как *по моему мнению, с нашей точки зрения, согласно нашему мнению*, союзы, concessive, adversative, subordinate связи (личные местоимения первого и второго лица).

Особенности инструкции: императивы и личные местоимения второго лица.

Типы и особенности текста по Biber

Типы текста по Biber основаны на квантитативно-статистическом многоаспектном анализе [12, 21]. Biber предлагает следующие типы текста: участие в продуцировании, продуцирование информации, вовлечённое повествование, эксплицитную ссылку, ситуационно-зависимую ссылку, явное выражение убеждения, абстрактное информирования, и мгновенное уточнение информации [12: 102–115].

Особенности участия в продуцировании: личные глаголы, сокращения, глаголы в настоящем времени, местоимения первого и второго лица, аналитическое отрицание, указательные местоимения, общая эмфатика, местоимение ОНО, БЫТЬ как ключевой глагол, каузативное подчинение, дискурсивы, неопределённые местоимения, общие ограничители, усилители, определительные предложения, модальные глаголы возможности, WH-клаузы, предлоги в конце.

Особенности продуцирования информации: существительные, длина слов, предлоги, коэффициент лексического разнообразия и относительные прилагательные.

Особенности вовлечённого повествования: глаголы в прошедшем времени, местоимения третьего лица, глаголы совершенного вида, глаголы, предваряющие прямую речь, синтетическое отрицание, и клаузы, включающие причастие настоящего времени.

Особенности эксплицитной ссылки: определительные WH-клаузы, номинализации и соположение сочетаний.

Особенности ситуационно-зависимой ссылки: адвербиальные конструкции времени и места, наречия.

Особенности явного выражения убеждения: инфинитивы, модальные глаголы предсказания, глаголы убеждения, подчинение через условные предложения, модальные глаголы обязательности.

Особенности абстрактного информирования: союзы, пассивный залог, клаузы, содержащие причастия прошедшего времени, а также другие адвербиальные подчинители.

Особенности мгновенного уточнения информации: клаузы, подчиняемые через ЧТО, а также указательные местоимения.

Явное выражение убеждения, абстрактное информирование и мгновенное уточнение информации.

Features of *involved production*: private verbs, contractions, present tense

verbs, 1st and 2nd person pronouns, analytic negation, demonstrative pronouns, general emphatics, pronoun IT, BE as main verb, causative subordination, discourse particles, indefinite pronouns, general hedges, amplifiers, sentence relatives,

WH questions, possibility modals, WH clauses, and final prepositions².

Субстантивные и глагольные типы и особенности текста

Характеристики субстантивного типа текста: информативны в основном существительные, включаются все характеристики, связанные с суще-

ствительными, например, именные словосочетания, пропозициональные дополнения, пропозициональные зависимые от имён, детерминанты и др.

Характеристики глагольного типа текста: ключевыми характеристиками являются глаголы и их атрибуты, вместе с другими глагольными характеристиками, например, глагольными частицами, финитными предикатами-связками, нефинитными предикатами-связками и др.

REFERENCES

1. Haas S., Grams E. Readers, authors, and page structure: A discussion of four questions arising from a content analysis of web pages. *Journal of the American Society for Information Science*, 2000, vol. 51, no. 2, pp. 181–192.
2. Haas S., Grams E. Page and link classifications: Connecting diverse resources. *Proceedings of Digital Libraries '98*, Pittsburgh USA, 1998, pp. 99–107.
3. Crowston K. Williams M. The effects of linking on genres of web documents. *Proceedings of the 32nd Hawaii International Conference on System Sciences*, Hawaii, USA, 1999, no pagination.
4. Shepherd M., Watters C. The functionality attribute of cybergenres. *Proceedings of the 32nd Hawaii International Conference on System Science* Hawaii, USA, 1999, no pagination.
5. Waller R. The typographic contribution to language. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy, University of Reading, UK, 1987.
6. Ihlström C., Lundberg J. The online news genre through the user perspective. *Proceedings of the 36th Hawaii International Conference on System Science*, no pagination, Hawaii, USA, 2003.
7. Ihlström C. Åkesson M. Genre characteristics – a front page analysis of 85 Swedish online newspapers. *Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Science*, Hawaii, USA, 2004, no pagination.
8. Faigley L., Meyer P. Rhetorical theory and readers' classification of text types. *Text*, 1983, vol. 3, pp. 305–325.
9. Werlich E. *A text grammar of English*. Heidelberg, Quelle and Meyer, 1976.
10. Beaugrande R.-A., Dressler W. *Introduction to text linguistics*. London, New York, Longman, 1981.
11. Adam J.-M. *Les textes : types et prototypes. Récit, description, argumentation, explication et dialogue*. Paris, Nathan, 1992.
12. Biber D. *Variation across speech and writing*. Cambridge, Cambridge University Press, 1988.
13. Eagles 1996. *EAGLES preliminary recommendations on text typology*. EAGLES Document EAG-TCWG-TTYP/P, Version of June, 1996. Available at: <http://www.ilc.cnr.it/EAGLES96/texttyp/texttyp.html>.
14. Biber D. *Dimensions of register variation*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995.
15. Görlach M. *Text types and the history of English*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2004.
16. Stubbs M. *Text and corpus analysis*. Oxford, Blackwell Publishers, 1996.
17. Karlgren J. *Stylistic experiments for information retrieval*. Thesis Diss. Doct. Sci. (Philos.). Stockholm University, 2000.
18. Beaudouin V., Fleury S., Habert B., Illouz G., Licoppe C., Pasquier M. TyPWeb: décrire la toile pour mieux comprendre les parcours. *Colloque International sur les*

Usages et les Services des Télécommunications, e-Usages, no pagination, Paris, 2001.

19. Beaudouin V., Fleury S., Habert B., Illouz G., Licoppe C., Pasquier M. *Traits textuels, structurels et présentationnels pour typer les sites web personnels et marchands*. 2001. Available at: <http://www.atala.org/je/010428/TyPWeb.ppt>.

20. Biber D. *Towards a typology of web registers: A multi-dimensional analysis*. Invited lecture, Conference on Corpus Linguistics, Perspectives for the future. University of Heidelberg, Germany, 2004.

21. Biber D. A typology of English texts. *Linguistics*, 1989, vol. 27, pp. 3–43.

22. Santini M. Automatic Text Analysis: Gradations of text types in web pages. *Proceedings of the Tenth ESS-LLI Student Session*, Edinburgh UK, 2005, pp. 276–285

23. Roberts G. The home page as genre: A narrative approach. *Proceedings of the 31st Hawaii International Conference on System Science*. Hawaii, USA, 1998, no pagination.

24. Joho H., Sanderson M. The SPIRIT collection: An overview of a large web collection. *SIGIR Forum*, 2004, vol. 38, no. 2, no pagination.

25. Tapanainen P., Järvinen T. A non-projective dependency parser. *Proceedings of the 5th Conference on Applied Natural Language Processing*. Washington USA, 1997, pp. 64–71.

26. Bouayad-Agha N., Scott D., Power P. Integrating content and style in documents: A case study of patient information leaflets. *Information Design Journal*, 2000, vol. 9, no. 2–3, pp. 161–176.

27. Douglas S., Hurst M. Layout and language: Lists and tables in technical documents. In: *Proceedings of SIGPARSE Workshop on Punctuation in Computational Linguistics*. Santa Cruz, 1996, pp. 19–24.

28. Say B., Akman V. Current approaches to punctuation in computational linguistics. *Computers and the Humanities*, 1997, vol. 30, no. 6, pp. 457–469.

29. Hurst M. Layout and language: Challenges for table understanding on the web. In: *Proceedings of the 1st International Workshop on Web Document Analysis*, no pagination, Seattle, USA, 2001.

Перевод И. А. Афанасьева

Статья поступила в редакцию 18.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Сантини М. Веб-страницы, типы текстов и лингвистические характеристики: некоторые вопросы // *Жанры речи*. 2019. № 1 (21). С. 22–33. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-22-33>

For citation

Santini M. Web Pages, Text Types, and Linguistic Features: Some Issues. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 22–33 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-22-33>

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 82.0-14

ББК 83

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-34-41>**В. В. Прозоров**
Саратов, Россия**Valery V. Prozorov**
Saratov, Russia**Дневник как лирический речевой жанр**

Дневник – лирический РЖ, если рассматривать речевые жанры с точки зрения восходящей к античности универсальной триады – эпоса, лирики и драмы. Дневник – признание особой цены слова, последовательно сберегающего крупинцы повседневного жизненного опыта. В статье намечается представление о двухступенчатом косвенном дневниковом адресате. Первая ступень: «я» – автор, имеющий в виду себя в некотором будущем времени. Вторая ступень – обращённость к потомкам, к неведомому читателю-собеседнику, к вероятным биографам и т. д. – до востребования. Спектр дневниковых тем необозрим: от бытовых подробностей до раздумий бытийного характера, от впечатлений, связанных с личными переживаниями, до черновых профессиональных набросков. Назначение дневника – освобождение пишущего от бремени разнообразных впечатлений, регулярная фиксация которых способствует авторскому психотерапевтическому саморегулированию.

Ключевые слова: дневник, лирический речевой жанр, автокоммуникация, коммуникативные цели, косвенные адресаты.

Сведения об авторе: Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени имени Н. Г. Чернышевского.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: Philology@sgu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Diary as a Lyrical Speech Genre

The diary is a lyrical speech genre, if we consider speech genres from the point of view of the universal triad that goes back to the antiquity – epic, lyric and drama. Diary is a recognition of the special price of the word, consistently saving a grain of everyday life experience. The article outlines the idea of a two-step indirect diary addressee. The first step: «I» is the author, meaning him(her)self in some future tense. The second step is the turn to the descendants, to an unknown reader-interlocutor, to likely biographers, etc. – on demand. The spectrum of diary topics is boundless: from everyday details to reflections of an existential character, from impressions connected with personal experiences to drafts of professional sketches. The purpose of the diary is to free the writer from the burden of various impressions, the regular fixing of which contributes to the author's psychotherapeutic self-regulation.

Keywords: diary, lyrical speech genre, auto-communication, communicative goals, indirect recipients.

About the author: Prozorov Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor, Scientific Adviser of the Institute of Philology and Journalism, Saratov State University.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: Philology@sgu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Под дневником мы договариваемся понимать более или менее регулярные (подневные), фрагментарные письменные высказывания личного (откровенного, интимного, непринуждённого) характера, как правило, адресованные автором самому себе с намерением закрепить в собственной памяти существенно важные, с точки зрения пишу-

щего, жизненные и житейские наблюдения, впечатления, размышления, переживания¹.

Дневник может быть отнесён к числу лирических РЖ, если рассматривать РЖ с точки зрения восходящей к античности универсальной триады – эпоса, лирики и драмы с присущими им принципиально нечёткими границами в опознании огромного массива

¹О дневниковой форме см.: [1–4].

словесно-художественных текстов. Речь идёт о внутренней типологической связи, которая, на наш взгляд, существует между тремя родами литературного высказывания и основными родами коммуникативных стратегий: информативными, фатическими и «автокоммуникативными» [5].

К драме, в этом отношении, тяготеют главным образом все разновидности (жанры) информативной речи. В самой природе информации изначально заложен конфликт между тем, что было привычно известно до получения данной информации, и тем, что привнесла с собой новая или обновлённая информация. Драматическое ощущение новизны, потребность в сообщении нового пронизывает и состояние-поведение сообщаемого, и вольное / невольное ожидание воспринимающего информацию.

Фатика, как правило, опирается на сложившиеся в нашей практике традиции (привычки) общения в предлагаемых ситуациях. И с этой точки зрения она в большей мере находится в сфере эпического притяжения. Фатика в своих формах выражения, как правило, традиционна. Мы (чаще всего невольно) обретаем (пробуем обрести) здесь точки коммуникативного соприкосновения с безусловной оглядкой-опорой на прошлый, уже себя оправдавший, проверенный (осердеченный) опыт.

Лирика, разумеется, объёмлет все разновидности автокоммуникации, предполагающей внутреннее (про себя) речевое общение, имеющее в виду выстраивания речевых периодов, обращённых прежде всего к самому носителю-инициатору речи. Автокоммуникации, по Ю. М. Лотману, – «все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которое без записи не происходит. Обращение с текстами, речами, рассуждениями к самому себе – существенный факт не только психологии, но и истории культуры». Имеется в виду «немая, молчаливая», «эгоцентрическая речь» [6: 78, 80].

Понятие «лирические РЖ» обнимает все издревле присущие человеку универсальные речевые жанры более или менее скрытой, мысленной вербализации, внутренней монологической речи, с разной степенью интенсивности используемой нами во всяком возрасте и в бесконечном множестве ситуаций. Это речь без посторонних, для себя, наедине с самим собой. Часто она итожит прожитое, предваряет некие действия-поступки, сопутствует важным жизненным и житейским поворотам-поступкам и т. п.

В один ряд с дневниковой записью (дневником, дневниковыми заметками) корректно выстраиваются жанры исповеди, воспоминания (мемуаров), автобиографии, клятвы, завещания, самоанализа, самовнушения, самоутешения и т. д. По сути дела, это жанры, которые М. М. Бахтин относил к разряду интимных [7: 278]. В автокоммуникации я весь отдаюсь настоящему времени: это переживания, сегодня, сию минуту отзывающиеся в моей душе и способные, как мне сейчас кажется, сохранять для меня в будущем свою эмоционально-экспрессивную и интеллектуальную значимость, обретая новые, дополнительные смыслы.

В лирике обнаруживается интенсивное сосредоточение на настоящем времени, проецирующем себя на прошлое и будущее. В адресанте происходит известное раздвоение: Я – средоточие всякого рода размышлений, эмоционально выраженных состояний, трудно разрешимых проблем, приятных сердцу фантазий и горьких, обманутых надежд... И другое Я – помощник, судья, рассудитель, указчик, утешитель, критик, в одном лице обвинитель и адвокат самому себе.

В лирических РЖ в значительной степени присутствует отмеченный М. М. Бахтиным «экспрессивный момент, то есть субъективное, эмоционально оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания» [7: 263–264]. Адресат лирических РЖ – alter ego, переспрашивающий, сомневающийся, вторящий, готовый укорить, оспорить и в отчаянном споре с самим собой предъявить свои, казалось бы, неотразимые аргументы, которые тоже, в свою очередь, – в самозащиту – будут подвергнуты сомнению и т. д. В результате в лирических РЖ мы можем наблюдать (на собственном опыте прежде всего) то, что М. М. Бахтин называл «стремлением как бы к полному слиянию говорящего с адресатом речи» [7: 277].

* * *

Дневник, пограничный с жанром воспоминаний и наделенный «способностью» запечатлеть на письме сохраняющиеся в памяти совсем недавние события и вызванные ими впечатления, является одним из самых испытанных в многовековой речевой практике лирических жанров «автокоммуникации». Дневниковая запись – акт последовательного речевого творчества, побуждающего к неуспынной наблюдательности (в том числе и прежде всего к пристрастному присмотру за самим собой), способ преодоления собственной немоты и неосознаваемого отношения к быстротечной жизни, признание особой цены слова, описывающего и тем самым сохраняющего

значительные крупницы повседневного жизненного опыта.

Вспоминается однажды высказанное Д. С. Лихачевым напутствие нам, студентам филологического факультета Саратовского университета. Дело было зимой 1960 года. Мы, группа студентов-старшекурсников во главе с доцентом кафедры русской литературы СГУ Т. И. Усакиной, проходили литературно-музейно-архивную практику в Ленинграде. В программе было посещение Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Нас принял и с нами беседовал Д. С. Лихачев. Дмитрий Сергеевич выдвинул условие: задавайте вопросы – смогу ответить.

Один вопрос, заданный нашей сокурсницей, показался нам чересчур наивным: «Посоветуйте, как научиться писать?». Но Лихачёв, заметив наше общее смущение, неожиданно ответил очень серьёзно. Ответ его звучал примерно так (воспроизвожу по давней своей короткой дневниковой записи): «Надо заставлять себя писать ... воспоминания. Мало у вас опыта? Неправда. Вспоминайте свои самые счастливые и самые грустные дни и часы детства, отрочества, вспоминайте тех, кто был с вами рядом и уже ушёл, вспоминайте всё, что считаете для себя важным и значительным! Пишите, что и кого успели полюбить в этой жизни... И ещё один мой совет: непременно надо завести себе дневник и вести его более или менее усердно и честно. Для себя, не для чужих глаз. Ведите диалог с собой. Это очень полезно для управления самим собой, для доброго и разумного самочувствия, для собственного эмоционального и интеллектуального развития. И бесценные навыки фиксации происходящего приобретёте, и писать постепенно научитесь».

Давний уже опыт показывает, что дневники действительно занимают особое место в русской и мировой письменно-речевой культуре, заключают в себе большой психотерапевтический смысл, побуждают к раскрытию внутренних нравственных, социально-действенных, профессиональных возможностей и готовностей его автора. Предмет дневниковых размышлений – бесконечный и хрупкий мир во мне, в моём душевном пространстве, и многомасштабный, бесконечный и вечный мир вокруг меня, вне меня, видимые и неведомые нити, связи, отношения-диалоги этих миров.

Дневник напрямую связан с авторской приметливостью, склонностью к рефлексии, сопровождающей мои бытийные и со-бытийные переживания и впечатления. Идеальная тональность дневниковой работы – постоянное

стремление к предельной сосредоточенности и искренности.

Сравнительно недавно и совершенно случайно обнаруженная в университетских кругах Саратова дневниковая тетрадь совсем ещё молодого С. Л. Франка (будущего первого декана историко-филологического факультета Саратовского университета и ныне всемирно признанного философа) одаряет нас ценным признанием (от 31 декабря 1901 г.), удивительно точно и последовательно объясняющим побудительные коммуникативные инициативы и цели автора интересующего нас жанра: «/.../ заведу себе собственного мною созданного друга – этот дневник. Пусть он будет моим двойником, в котором будет всё, что есть во мне чистого, духовного, мужественного и честного. И да будет проклят тот день, когда стыд помешает мне поделиться с этим другом! Этот день будет означать день падения, будет призраком грозного, мрачного будущего, в котором мне грозит потерять самого себя, свою силу и бояться заглянуть в себя. Нет, да не будет этого. Вот зачем мне и нужна эта тетрадь. Покуда у меня будет сила записывать в неё мои мысли и чувства, я ещё значит жив, а покуда я жив – я царь себе: нет сил, которые бы властвовали надо мною, кроме тёмных сил внутри меня» [8: 31–32].

Приведённая запись заключает в себе внятное представление о поведенческих характеристиках автора дневника, его ведущих мотивах и целях. Дневник способен заместить очень близкого тебе сочувствителя, которому могут быть поведаны самые сокровенные, сердечные тайны. Дневник – тайный доверенный, наперсник автора, он даёт автору шанс «заглянуть в себя» и фактически становится надёжным спутником и двойником автора. Причем сам автор присягает на верность заветным жизненным принципам, он обязуется быть предельно «чистым, духовным, мужественным и честным». Его доверительная внутренняя установка, его кредо – безупречная, истинно духовная чистота, безбоязненная открытость и откровенность, безжалостная (мужественная) правдивость в отношении к себе, к собственным душевным порывам и переживаниям. Будущий литературный критик и литератор А. В. Дружинин в свои 18 лет заводит дневник и записывает, в частности: «Как бы ни были жалки наши пороки, нужно соизнаться в них перед самим собою, а главное, делать шаги к исправлению» [9: 210].

* * *

Дневник позволяет автору понять, до какой степени этической уязвимости он, автор, способен доходить в очередных реальных своих

жизнепроявлениях. Дневник по сути является внимательным, психологически достоверным средством самоконтроля, самодисциплины. Дневниковые записи – преодоление одиночества и одновременно надёжное сохранение от неминуемого, естественного забвения ценных частиц собственного опыта. Л. Н. Толстой в 1850 г. полагал так, размышляя о назначении дневника: «Опять принялся я за дневник и опять – с новым рвением и с новой целью. Который уж это раз? Не помню. – Всё равно, может, опять брошу; зато приятное занятие, и приятно будет перечитать старые. Мало ли бывает в голове мыслей, и которые кажутся весьма замечательными; а как рассмотришь, выйдет пустошь; иные же точно дельные – вот для этого-то и нужен дневник. По дневнику весьма удобно судить о самом себе. Потом, – так как я нахожу необходимым определять все занятия вперед, то для этого тоже необходим дневник. – Хотелось бы привыкнуть определять свой образ жизни вперед, не на один день, а на год, на несколько лет, на всю жизнь даже» [10: 34].

Дневник требует известного усердия, последовательного старания, ревнивого прилежания, постоянно соотносимого с целями, которые ставит перед собой и прозревает сам автор. «Много чувств есть во мне, – записывает С. Л. Франк в “Дневнике”, – я переживаю их, проходит минута – и их нет, и они не оставили следа; занесённые в эту тетрадь, они не пропадут и сослужат службу в будущем» [8: 32].

Приведенные признания заметно обогащают наше представление о проблеме двухступенчатого косвенного дневникового адресата. Он (адресат) не идентичен пишущему (фиксирующему сей час свою запись) автору, он обретает трудно предсказуемый облик автора в некоем будущем времени, автора, самому себе пока ещё не ведомого.

Первая ступень косвенного адресата – сам автор, имеющий в виду себя в некотором будущем времени. Дневник пишется для себя впрок, про запас, на всякий случай – до востребования. «Много мыслей, не укладывающихся в рамки науки, – заметит С. Л. Франк, – мыслей *fug sich*, этических, психологических, метафизических, мыслей, которые не переживаются только, а которые приходится переживать и перестрадать, – приходят мне в голову. И им не придётся пропасть; и ими поделюсь я с этими листками» [8: 32].

Особой деликатной сложности вопрос связан с явными или тайными представлениями автора дневника о своём вероятном, внешнем по отношению к собственному «Я» адресату. Вторая ступень косвенной адресации – к детям и внукам, к родственникам, к потомкам,

к будущему неведомому чужому читателю-собеседнику, к грядущим биографам и т. д.

Несомненно, решающую роль играет при этом личность высказывающегося, его профессионально-статусные самооценки. Дневники часто принадлежат людям гуманитарно-творческих профессий – писателям, художникам, актёрам, ученым, философам, историкам, политикам и т. д. с их интуитивной жадной вероятного собеседника. Юный А. В. Дружинин согревает себя мыслью: «При всём малом количестве внешних и внутренних событий, поневоле пропускаешь многое, не имея времени. Если со временем я удостоюсь того, что мою жизнь опишут, немного найдут материала в этих заметках» [9: 196]. Л. Н. Толстой откровенно объясняет: «Думал о том, что пишу я в дневнике не для себя, а для людей, преимущественно для тех, которые будут жить, когда меня – телесно – не будет, и что в этом нет ничего дурного. Это – то, что мне думается, что от меня требуется. Ну, а если сгорят эти дневники? Ну что ж. Они нужны, может быть, для других, а для меня наверное не то, что нужны, а они – я. Они доставляют мне благо» [10: 12].

Иначе говоря, дневник не вполне себе речь монологическая (даже без всякой ориентации на потомство). Признаки коммуникативного тождества (полного совпадения, равенства, паритета адресанта и адресата) здесь отсутствуют. Дневник скорее всего – речь зыбко пограничная, переходная (от монолога к диалогу и обратно), имеющая в виду:

во-первых, прежде всего себя пишущего, любовно созидającego дневник (Н. Г. Чернышевский: «До свидания, милая тетрадь, теперь за другую» [14: 102]; С. Л. Франк: «О мой дневник, мои лучшие силы, моя вера, моя мысль»; «единственное моё спасение, мой якорь» [8: 34];

во-вторых, пишущего и на письме постигающего ранее не открывавшиеся смыслы своих бытовых и бытийных впечатлений, тем самым спасающего от забвения собственные, рождающиеся по разным случаям-поводам соображения-переживания и

в-третьих, так или иначе (сознательно или непредумышленно), но то и дело обращающегося к себе – будущему, другому уже, трудно пока угадываемому, с иным (пусть даже и чуть-чуть иным) запасом жизненных впечатлений, с обновлённым багажом жизненного опыта, подростку, повзрослевшему, «поумневшему» и т. п.

Всего через 54 дня с момента начала работы над дневником С. Л. Франк восторженно отметит: «О мой друг, мой дневник! Я проглядел тебя сейчас. Ты мне помог – авось поможешь и в будущем» [8: 56]. А. В. Дружинин

прорицает: «Ежели я со временем переломлю все препятствия, которые стесняют меня и делают несчастным, мне приятно будет, посреди невозмутимого спокойствия, посреди наслаждений, которые только доступны моей слабой натуре, перечитать эти заметки, писанные во время душевной апатии, мелких огорчений и неопределенных порывов. События, которые меня теперь возмущают и мучат, получают интерес давно прошедших глупостей, и я с большою ясностью буду их понимать и оценивать» [9: 160].

Дневники – индивидуальные, частные, приватные летописания. Спектр дневниковых тем поистине необозрим: от мелких бытовых подробностей жизни до раздумий бытийного характера, от впечатлений, связанных с личными переживаниями и неурядицами, до разного рода черновых профессиональных заготовок и набросков. А. В. Дружинин с долей модного в его пору романтического скепсиса размышляет: «Зачем и с какою целью писать мне журнал (так именует он дневник. – В. П.): смешно становиться на ходули, видеть трогательное и высокое там, где ничего не видишь, ещё смешнее в восемнадцать лет воображать себя разочарованным, но весьма скучно описывать, где был утром, что делал ввечеру, что ел, что пил, с кем об чем говорил, выводя без всякой цели на сцену личности. И потому не ждите от меня правильного и постоянного дневника: мне неоткуда писать его» [9: 128]. Дневник мыслится им в ореоле литературных занятий, в контексте ранних увлечений словесностью: отсюда и ритуальные апелляции к мнимому адресату. Обращает на себя внимание и мысль о существовании особых дневниковых «правил», следовать которым автор не обещает.

Дневник – это ещё и средство самопознания. А. В. Дружинин запишет: «По мере того, как сам я ближе себя понимаю, видится мне, что жизнь моя не есть одно сцепление бестолковых действий» [9: 161]. Юный Н. Г. Чернышевский в 1848 г. доверит своему дневнику такую возвышенную самооценку: «Если писать откровенно о том, что я думаю о себе, – не знаю, ведь это странно, – мне кажется, что мне суждено, может быть, быть одним из тех, которым суждено внести славянский элемент в умственный, поэтический и нравственный и практический мир, или просто двинуть вперед человечество по дороге несколько новой» [14: 126].

В 29 лет А. В. Дружинин признаётся в верности своим дневниковым заботам и славит безграничные возможности, таящиеся в самой природе универсального дневникового жанра, способного сберечь достойные памяти явления, встречи и судьбы: «Мелкие факты,

занесённые в протокол, приобретают живость для человека, их испытывавшего, простое имя встреченного нового лица, выписанное всеми буквами, освежает память, делает этого человека надолго как бы присутствующим с нами. Из ряда пустых заметок со временем является ряд выводов, то грустных, то утешительных, но благотворных во всяком случае. [...] С началом дневника память моя будто оживилась, и голова редко работает, подобно пустой мельнице в ветреную погоду. [...] А впереди мой дневник обещает мне много выгод в нравственном и литературном отношении» [9: 215]. М. М. Пришвин, на протяжении многих десятилетий создававший свой огромный, беспримерный дневниковый труд, заметит: «Пусть наши потомки знают, какие родники таились в эту эпоху под скалами зла и насилия» [15: 62].

Дневники людей творческого труда, в частности, писательские дневники, нередко становятся своеобразными литературными лабораториями, которым их автор доверяет личные откровения, художественные замыслы, летучие зарисовки, описания природы, ощущения от быстротекущего исторического времени, конкретные политические оценки, раздумья, касающиеся психологии творчества. Так, М. М. Пришвин в дневниковой записи от 22 апреля 1940 г. обращается к мысли о том, как соотносится дневниковое его творчество с работой над художественным произведением: «Эти мои заметки в дневниках. [...] Огромное большинство всего написанного мною пишется для себя, а потом из этого выбираются для создания вещи для всех, часто под предлогом обращения к “другу”. [...] путь “для себя», по-моему, имеет решительное право на существование, как надежнейший путь питания литературы “для всех”» [15: 147–148].

* * *

Подчас дневники удивляют не столько афористически чётким и точным оформлением мысли, сколько её, мысли, противоречиво выраженным мерцанием, колебанием, волнением. Юный С. С. Прокофьев записывает в своем дневнике (10 декабря 1907 г.): «[...] менялось часто настроение и некоторые взгляды, так что через минуту мог написать совершенно другой взгляд на вещь» [16: 30]. Комментатор Л. Н. Толстого в девяностотомном Полном собрании сочинений А. С. Петровский поясняет: «На записи в Дневниках нельзя смотреть как на окончательные суждения Толстого. Он часто только ставил те или иные вопросы, фиксируя их для того, чтобы самому не забыть и потом дать на них ответ, отчего многие записи поражают своей противоречивостью»

[11: 5]. Характерно толстовское дневниковое самопризнание: «Писал об иск[усстве]. Совсем запутался. Даже досадно. Надо оставить» [11: 65]. Или, к примеру: «Суждение о том, что наука полезна и спасет человечество от его бед, есть самообман. Искренние люди науки работают только для того, что имеют охоту узнать известные стороны известных явлений. То же и с искусством. А наука, как таковая, есть только известные случайные знания, не нужные, не ясные и не связанные с другим. Впрочем это не то. Об этом буду думать и работать» [12: 92].

В каждодневных дневниковых стараниях может оказаться важной и подстрекательской к работе привычка, обыденность окружающей автора обстановки, обыкновенное, спокойное течение жизни. М. М. Пришвин признается: «Лучше всего мне пишется на том месте, где мой чай. За чаем я никогда не сочиняю, а пишу дневник в полном равенстве себя самого с тем, что записываю: пишу прямо вслед за собой» [15: 30]. Л. Н. Толстой делает такую запись 5 февраля 1890 г.: «Начал с того, что колот дрова и б[ыл] у Тани в школе. После кофе задремал. Надо попробовать писать утром натошак» [12: 16]. Или характерная толстовская запись от 1 апреля 1891 г. в Ясной Поляне: «Несколько дн[ей] не записывал, но не от того, что ленился; напротив, хорошо думается и работается, хотя и мало» [13: 24].

Азартная, воодушевляющая, целеустремленная художественно-публицистическая и другая работа способна отвлечь от дневника. Дневник – фиксация повседневного или внешне запню прошедшего на ум, схваченного на лету, но не продуманного, не остроумного. Л. Н. Толстой ввёл в своих дневниках такие лаконичные речевые сигналы, которыми он часто пользовался и которые предвещали очередные его записи: «Думал: »; «Ещё помню: »; «Ещё думал:» или «За это время думал: ». Варианты: «Думал за это время не мало, но как-то не приписывал важность и не записывал. Записано только следующее: ». И далее, после двоеточия, шли краткие записи своих по видимости отрывочных мыслей – кратких оценок, беглых характеристик, мгновенных зарисовок... Часто свои соображения и впечатления Л. Н. Толстой записывал порознь, по живым следам, на отдельных листочках, чтобы потом занести в Дневник. Случалось, трогательно сокрушался: «Носил, носил записочку с мыслями и потерял» [13: 60]. Или: «Думал за это время кое-что хорош[ее], к[оторое] забыл» [13: 74].

Фрагментарность, отрывочность, мимолётность, внезапные обрывы повествования – естественные приметы дневниковой речи. Ед-

ва ли в этой связи можно согласиться с умозаключением: «Дневник, состоящий из одних фрагментов, не фиксирующий, а только рассуждающий, – не настоящий дневник; датировка записей становится в таком случае ненужным украшением» [2: 292]. Само противопоставление «фиксирующего» и «только рассуждающего» начал в дневниковом жанре некорректно. Здесь ценным может быть и то, и другое. И почти исключительное сосредоточение автора на «рассуждениях», доминирование «рассуждающего» повествовательного ряда, если есть на то авторская воля и авторский талант, нисколько не умаляют, но, во многих случаях, добавляют значительного интереса к дневниковому тексту, к его неповторимым личностным исповедальным интонациям.

В художественной литературе разных эпох охотно используется дневниковая форма в целях предельно внимательного сосредоточения на психологии героев (Журнал Печорина в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Дневник лишнего человека» И. С. Тургенева) и в целях сатирических, пародийно обыгрывающих правила ведения дневника (повесть «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя, очерковый сатирический цикл «Дневник провинциала в Петербурге» М. Е. Салтыкова-Щедрин). К дневниковому жанру близки записные книжки писателей, блокноты журналистов, дорожные, экологические, педагогические дневники и т. д. Исповедальное дневниковое начало явственно различимо и в стихотворных лирических циклах [14: 87].

В эпоху Интернета наблюдается всплеск особого интереса к дневниковому жанру, который существенно трансформируется под влиянием новых технологий и связанных с ними новых коммуникативных горизонтов. Интернетовский «LiveJournal» («ЖЖ») использует структурные и стилиевые приметы традиционного дневникового жанра (краткие «посты»-сообщения, регулярность их появления, обозначение даты и времени публикации, речевая раскрепощённость, доверительность интонации и др.). Основное отличие, однако, в установке на воображаемого, потенциального адресата, на поиск людей солидарного с автором образа мыслей и чувств, на желанное преодоление публичного одиночества. Интернет-дневник – постоянный, лиро-публицистический способ самовыражения. Популярными стали и варианты ведения записей онлайн, позволяющие сохранять личную информацию и делиться ею с близкими².

Дневник был и остаётся одним из продуктивных, лирических по преимуществу РЖ,

²О соотношении сетевых и традиционных дневников см.: [15, 16].

чьё основное назначение заключается прежде всего в освобождении пишущего от бремени разноплановых жизненных и житейских впечатлений, регулярная письменная фиксация которых заметно способствует авторскому психотерапевтическому саморегулированию. Пока жива потребность в поисках самоидентификации, пока жива культура рефлексии, культура самовыражения, жив и многообразно явленный лирический речевой жанр дневника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чудакова М. О. Дневник // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. Т. 2. М. : Сов. энцикл., 1964. С. 707–708.
2. Кобрин К. Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 288–295.
3. Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М. : Водолей-Publishers, 2007. 264 с.
4. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. М. : Флинта : Наука, 2011. 176 с.
5. Прозоров В. В. О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 142–150.
6. Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры : в 3 т. Т. 1. Таллин : Александра, 1992. С. 77–90.
7. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 237–280.
8. Франк С. Л. Дневник // С. Л. Франк. Саратовский текст / сост. А. А. Гапоненков, Е. П. Никитина ; вступ. ст. В. В. Прозорова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2006. С. 16–111.
9. Дружинин А. В. Повести. Дневник / изд. подгот. Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М. : Наука, 1986. 512 с.
10. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 46. Дневники, 1847–1854. М. : Гос. изд-во «Худож. лит.», 1937. 578 с.
11. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 48. Дневники и записные книжки, 1858–1880. М. : Гос. изд-во худож. лит. (ГИХЛ), 1952. 538 с.
12. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 51. Дневники и записные книжки, 1890. М. : Гос. изд-во худож. лит. (ГИХЛ), 1952. 426 с.
13. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 52. Дневники и записные книжки, 1891–1894. М. : Гос. изд-во худож. лит. (ГИХЛ), 1952. 546 с.
14. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 1. М. : Гослитиздат, 1939. 860 с.
15. Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2012. 880 с.
16. Прокофьев С. С. Дневник : в 3 т. 1907–1933. Т. 1. М. : Классика-XXI, 2017. 788 с.

REFERENCES

1. Chudakova M. O. Dnevnik [Diary]. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* : v 9 t. T. 2 [Brief Literary Encyclopedia : in 9 vol. Vol. 2]. Moscow, Izd-vo Sov. entsiklopediya Publ., 1964, pp. 707–708 (in Russian).

2. Kobrin K. Pokhvala dnevniku [Praise Diary]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review], 2003, no. 61, pp. 288–295 (in Russian).

3. Mikheyev M. *Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX–XX)* [Diary as an ego-text (Russia, XIX–XX)]. Moscow, Vodoley-Publishers, 2007. 264 p. (in Russian).

4. Yegorov O. G. *Russkiy literaturnyy dnevnik XIX veka. Istoriya i teoriya zhanra* [Russian literary diary of the 19th century. History and theory of the genre]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. 176 p. (in Russian).

5. Prozorov V. V. O tipologii rechevykh zhanrov v svete teorii literaturnykh rodov [Typology of speech genres in terms of fiction-writing modes theory]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2017, no. 2 (16), pp. 142–150 (in Russian).

6. Lotman Yu. M. O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury [About two models of communication in the system of culture]. *Lotman Yu. M. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury* : v 3 t. Vol. 1 [Articles on the semiotics and topology of culture : In 3 vol. Vol. 1]. Tallin, Aleksandra Publ., 1992, pp. 77–90 (in Russian).

7. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Aestetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 237–280 (in Russian).

8. Frank S. L. Dnevnik [Diary]. In: S. L. Frank. *Saratovskiy tekst*, sost. A. A. Gaponenkov, Ye. P. Nikitina, vstupil. stat'ya V. V. Prozorova [Saratov text, comp. A. A. Gaponenkov, E. P. Nikitin, ed. article by V. V. Prozorov]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2006, pp. 16–111 (in Russian).

9. Druzhinin A. V. *Povesti. Dnevnik. Izd. podgotovili B. F. Egorov, V. A. Zhdanov* [Century Tale. A diary. Ed. prepared by B. F. Egorov, V. A. Zhdanov]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 512 p. (in Russian).

10. Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch. : v 90 t. T. 46. Dnevniki, 1847–1854* [Full. collected cit. : in 90 vol. Vol. 46. Diaries, 1847–1854]. Moscow, Gos. Izd-vo khudozh. lit-ra, 1937. 578 p. (in Russian).

11. Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch. : v 90 t. T. 48. Dnevniki i zapisnyye knizhki, 1858–1880* [Complete. collected cit. : in 90 vol. Vol. 48. Diaries and notebooks, 1858–1880]. Moscow, Gos. Izd-vo khudozh. lit. (GIKHL), 1952. 538 p. (in Russian).

12. Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch. : v 90 t. T. 51. Dnevniki i zapisnyye knizhki, 1890* [Full collected cit. : in 90 vol. Vol. 51. Diaries and notebooks, 1890]. Moscow, Gos. Izd-vo khudozh. lit. (GIKHL), 1952. 426 p. (in Russian).

13. Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch. V 90 t. T. 52. Dnevniki i zapisnyye knizhki, 1891–1894* [Full collected cit. : in 90 vol. Vol. 52. Diaries and notebooks, 1891–1894]. Moscow, Gos. Izd-vo khudozh. lit. (GIKHL), 1952. 546 p. (in Russian).

14. Chernyshevskiy N. G. *Poln. sobr. soch. : v 16 t. T. 1* [Full collected cit. : in 16 vol. Vol. 1]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1939, vol. 1. 860 p. (in Russian).

15. Prishvin M. M. *Dnevniki. 1940–1941* [Diaries. 1940–1941]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2012. 880 p. (in Russian).

16. Prokof'ev S. S. *Dnevnik. v 3 t. 1907–1933. T. 1* [Diary : in 3 vol. 1907–1933. Vol. 1]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2017. 788 p.

Статья поступила в редакцию 02.06.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Прозоров В. В. Дневник как лирический речевой жанр // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 34–41. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-34-41>

For citation

Prozorov V. V. Diary as a Lyrical Speech Genre. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 34–41 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-34-41>

УДК 811.161.1'282.3

ББК 81.2Рус-67

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-42-48>

С. В. Волошина
Томск, Россия

Svetlana V. Voloshina
Tomsk, Russia

**Концепт «Жизнь» в речевом жанре
автобиографического рассказа: константы
и трансформация
(на материале диалектной речи)**

**The “Life” Concept in the Speech Genre
of the Autobiographical Story: Constants
and Transformation (Based on Dialect Speech)**

Статья затрагивает актуальные проблемы взаимоотношения речевого жанра и культуры и вписывается в контекст современных исследований в области когнитивного, диалектного жанроведения и когнитивной диалектологии. В статье описывается ключевой для русской культуры концепт «Жизнь», функционирующий в диалектных автобиографических рассказах, записанных на территории Томской области с середины XX в. по настоящее время и рассматриваемых как речевой жанр. Выявляются представления о жизни, которые с течением времени не меняются, либо меняются под влиянием определенных факторов. В структуре концепта – как единицы сознания, которая репрезентируется средствами языка – выделяются понятийный, образный и аксиологический слои. Определено, что наряду с пониманием жизни как существования во времени, пространстве и т. д., жизнь представляется диалектоносителями как синонимичное работе понятие, а трансформация представлений о жизни обусловлена влиянием социальных, политических, экономических, экологического факторов.

Ключевые слова: концепт, автобиографический рассказ, речевой жанр, диалект, говоры Среднего Приобья, диалектный дискурс, когнитивное жанроведение, диалектное жанроведение.

The article deals with recent problems of correlation of a speech genre and culture and fits into the context of modern researches in cognitive, dialect genre studies and cognitive dialectology. A key concept for Russian culture “Life”, functioning in dialect autobiographical texts, recorded in Tomsk region from the middle of the 20th century till the present time, is described in the article. These texts are considered as a speech genre. Ideas about life, which do not change or change over time under the influence of certain factors, are identified. In the structure of concept – as a unit of consciousness, which is represented by language – the conceptual, figurative and axiological layers are revealed. It is determined that along with an understanding of life as existence in time, space, etc., life represents by dialect speakers as a concept which is synonymous to the concept “Work”, and transformation of representations about life is caused by influence of social, political, economic, and ecological factors.

Keywords: concept, autobiographical story, speech genre, dialect, Middle-Ob dialect, dialect discourse, cognitive genre studies, dialect genre studies.

Сведения об авторе: Волошина Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Место работы: Томский государственный университет.

E-mail: vsv1304@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9860-0159>

About the author: Voloshina Svetlana Vladimirovna, Ph.D in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language.

Place of employment: Tomsk State University.

E-mail: vsv1304@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9860-0159>

Современный этап развития жанроведения характеризуется наличием большого числа интегративных исследований, в которых происходит его объединение с разными научными направлениями.

Так, в результате объединения когнитивной лингвистики и жанроведения появилась когнитивная генеристика, учитывающая взаимоотношение речевых жанров (далее: РЖ) и культуры, РЖ и концептов и использующая когнитивную методика для объяснения РЖ [1].

Современное жанроведение представляет исследование РЖ разных сфер коммуникации, в результате которых уже появились виртуальное жанроведение [2], диалектное жанроведение, объектом которого являются РЖ диалекта [3, 4].

Данная работа выполнена в русле когнитивного и диалектного жанроведения. Мы обращаемся к исследованию функционирования концепта «Жизнь» в говорах Среднего Приобья. Материалом выступают около 120 авто-

биографических рассказов, записанных на территории Томской области с 1946 по 2016 г. Эти рассказы рассматриваются как РЖ, поскольку тексты обладают относительной устойчивостью как с точки зрения их построения, так и с точки зрения содержания. Под РЖ вслед за М. М. Бахтиным в данной статье понимается «относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний» [5: 428]. РЖ также рассматриваются как «поле реализации определенного спектра ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов» [6: 43], а концепт – как единица мышления, которая репрезентируется средствами языка.

Цель данной работы – описать концепт «Жизнь», функционирующий в РЖ автобиографического рассказа, и выявить константы и трансформации в его внутренней структуре, вызванные временем.

В РЖ автобиографического рассказа отражается жизнь информантов от момента рождения до момента коммуникации, этот РЖ является полем реализации концепта «Жизнь» – одного из ключевых для исследуемого РЖ и русской культуры в целом [7–10] и др. В русском языковом сознании среди базовых ценностей «Жизнь», по мнению исследователей, стоит на третьем месте после понятий «Человек» и «Дом» [11].

Исследование материала показало, что в содержании этого концепта отражены как устойчивые представления о жизни, так и трансформация некоторых из них, обусловленная различными факторами. Информанты–диалектоносители, рожденные в конце XIX – первой половине XX в., соответственно, в своих автобиографических рассказах дают информацию о всех драматических событиях XX в., о жизни в разные периоды, это позволяет проследить динамику изменений диалектной культуры.

Анализ устойчивых и изменяющихся представлений о жизни мы проводим в русле методики описания концептов путем выделения в их структуре понятийного, образного и аксиологического слоёв [12: 107]. Вербализацию и изменения в содержательной стороне концепта мы рассматриваем на разных языковых уровнях, прежде всего на лексическом. В исследуемом материале выбирались контексты с лексемами «жизнь» и их дериватами. В выявленных контекстах анализировалась сочетаемость обозначенных лексем, их системные связи (синонимические, антонимические отношения), рассматривалась семантика этих единиц и высказываний в целом, то есть содержательная сторона концепта (в том числе динамика представлений о жизни) моделировалась с помощью контекстуального анализа.

Понятийный слой концепта – это варианты его обозначения, описания, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики по отношению к тому или иному концепту [12: 107].

Для начала обратимся к способам номинирования концепта «Жизнь». В РЖ автобиографического рассказа единицами, представляющими описываемый концепт, определяющими его название, прежде всего, являются лексема *жизнь* и ее диалектные и просторечные варианты *жисть*, *жизень*, *жизня*, *жизь*, *жись*, *житуха*: «*Всё ведали за свою жись: и холод, и голод, и мор тыщами...*»; «*Не дай господи, кака' житуха раньше была, то ли человек такой тупой был, что никак не мог себя в порядок привести...*»; «*Вот в общем такая житуха была, хорошая жись была*». Кроме этой единицы используется лексема *век*: «*Таперь уж свой век доживаем, здоровья нет...*»; «*Таперь уж вся жись позади, умирать готовимся, пусть молоды живут, жисти радуются, а мы свой век уже скоротали...*».

План выражения концепта «Жизнь» представлен также глаголом «жить» и образованными от него формами: *прожить*, *дожить*, *пережить*, *выжить*, *пожить*, *нажить*, *зажить*, *обжиться*, *разжиться* и др. С помощью этих глаголов авторы обозначают периоды жизненного пути, существование, те или иные изменения в жизни: «*... Мы там год прожили, началась война. Его взяли. Ещё два года прожила, потом приехала опять сюда к своим. Так и не выезжала никуда*».

Факт существования человека также обозначается прилагательным *живой* в полной и стяженной формах: «*Вот его взяли, вот когда война была последняя. Два год его не было, и надо было их воспитать, и никто не помер, все живые остались (о детях)*»; «*Детей было у нас пятеро, трое умерли, двое живы...*».

Контекстуальный анализ позволил определить следующие значения лексемы *жизнь* в исследуемых автобиографических рассказах:

- существование человека, период существования человека от рождения до смерти или до момента общения: «*Вот так жизнь наша протекала... Вот всю жизнь и прожила с тремя месяцами (об учёбе)...*»; «*... я прял целу зиму, прял сети рыбацкие, да на их копил себе на брюки и на рубаху, вот такая жись была наша в молодости...*»;
- существование в определённых условиях: в семье: «*Кака жизнь с мачехой?! Баба, правда, хороша была, работяща, но ведь не мать...*»; в браке: «*Замуж в пятьдесят третьем вышла. С первым маленько жизнь не сложилась...*»; во время войны:

«...Не жизнь была – каторга... Лебеду рвали и суп варили. Свету не выдали. Ужас было... Там была война, а здесь голодовали...»;

- условия, время, объективная действительность: «Раньше разве сравнишь, что теперь. Теперь другая жизнь...»;
- существование, как комфортные условия: «За первым мужем семь месяцев прожила, свекровке не глянулась, ушла, всё ж-таки жизни не дала бы...»; «Мы хорошей жизни не выдали, хоть бы дети пожили...»;
- жизнь представляется диалектоносителями как понятие, синонимичное работе: в связи с тем, что труд занимает большую часть жизни и времени суток (работали по дню и по ночи), следует отметить, что работа становится образом жизни, а жизнь, таким образом, проходит во время работы. «Потом возвратился с армии, опять сюда же, в Баткат. Занялся своим хозяйством. **Наша крестьянская жизнь – пашня**». Считается, что живут хорошо там, где работают: «А та семья, где уважают труд – превосходно живут...».

Жизнь как существование человека имеет две границы – рождение и смерть, поэтому в автобиографических рассказах информанты сообщают данные не только о рождении, но и размышляют о предстоящей смерти: «Здесь родились, здесь таперь и умирать будем...». Антонимичными глаголу *жить* являются глаголы *умирать* / *умереть*, *помирать* / *помереть*: «Вот сейчас мне семьдесят восьмой год, а **умиратне** хочется, я б ещё годов десять пожила...». Существительному *жизнь* противопоставляется существительное *смерть*, которое рассматривается диалектоносителями как естественное явление, прекращение жизни: «Ничё не жалею, сейчас все ближе к **смерти**. Ровня все поумирали. Обидно только, что кого растили, того рядом нету».

Перечисленные значения лексической единицы «жизнь» показывают, что ядерным компонентом для всех значений является понимание жизни как существования.

Вместе с обозначением факта существования, рассказом о том или ином периоде жизни авторы указывают на определенные признаки, характеризуют, как, где, в какое время они жили:

- по совместному проживанию: «Сперва жили **вместе**, потом поделались, стали жить **розно**. А всё равно семьи больше...»; «Я таперь живу с **дочерью**, али она со мной живёт, не поймёшь...»; «Я **одна живу**. Детей пятеро: четыре дочери и один сын...»;
- по форме хозяйствования: «Жили в **бедности**. **Единолично жили**, большое хозяй-

ство было...»; «... **Жили единолично** пока до колхоза, а потом сразу зашли в колхоз, пошли работать...»;

- по роду деятельности: «**В няньках** жила. Хозяева хороши, так хорошо...»; «Жила **по работницам** с двенадцати лет...»;
- по месту проживания: «И в **старой Шегарке** жила, и **вездея** пожила»; «Венчалась и всю жизнь прожила тоже **тутотка**»;
- по временному промежутку: «Жили в **войну** плохо. Есть было нечего...»; «А прожили с им **лет пятнадцать, наверное, или больше**. В пятьдесят седьмом году мы с ём поженились...»; «С ём я ребёночка прижила, жил **совсем маленько, помер**...»; «(о деде) ... **долго он жил**, мне уж **лет пятнадцать было**, когда помер...». С одной стороны, данный параметр учитывает количество прожитых лет, а с другой – рассматривает жизнь в то или иное время.

Автобиографический рассказ предполагает описание жизни во времени, поэтому информанты постоянно сравнивают жизнь в настоящем и в прошлом «сейчас» / «теперь» и «тогда» / «раньше», это находит отражение в вербализации исследуемого концепта.

На лексическом уровне отметим использование антонимичных единиц «нынешний / ранешный» для характеристики жизни по времени: «... я б ещё годов **десять пожила**, **порадовалась на нонешнюю** жизнь, **сейчас бы побыть молодой при нонешней жизни**»; «**Ранешная** жизнь была плохая...».

Подобные сравнения позволяют выявить константы и трансформации в представлении о жизни. Как уже отмечалось, концепт «Жизнь» – это константа в автобиографических рассказах, константным в его понятийном компоненте является представление о жизни как о существовании. Трансформации же подвергаются отдельные аспекты, которые иногда трактуются диалектоносителями как изменение жизни в целом.

Л. Г. Гынгазова на примере анализа речи отдельной диалектной языковой личности отмечает, что основу жизни составляют такие ценности, как «семейные связи, в особенности кровные, значимость которых особенно велика в крестьянской культуре, сохраняющей следы общинного уклада жизни (концепт “Родня”» [13: 121].

В связи с процессами урбанизации молодое поколение стало уезжать из сёл и деревень, соответственно трансформировалась модель семьи, которая предполагала проживание всей жизни в одном доме, одной деревне: «Здесь живу всю жизнь, привыкла, своя деревня, всё знашь, неохота никуда ехать»; «Молодёжь счас из села уезжает» [про 1980-е гг.]. Осуждается неуважительное

отношение к пожилым родителям, их жизнь в одиночестве при наличии детей: «...вышли замуж, получили специальность, уехали и всё, молодцы, я своими детьми очень довольна, не только звонят и письма пишут, и деньги шлют и посылки шлют, нельзя на своих детей, вот некоторые говорят: “Такой сякой, немазанный сухой”. Нет, я ничего подобного не могу сказать»; «**Ростила, ростила, а теперь живи одна, как перст.** Сам помер уже годков семь, детки разъехались, внуки учутся. Сижу одна как палка, туда гляну, никого нет, туда погляжу – нет никого, так и живу одна...»; «Ничё не жалею, сейчас все ближе к смерти. Ровня все поумирали. **Обидно только, что кого растили, того рядом нету**».

Разные факторы, в том числе социально-экономические (например, появление пенсионного обеспечения), повлияли на трансформацию жизни крестьянской семьи. Традиционно семья состояла из родителей и большого количества детей. В рассказах информантов встречаются сопоставления современных семей и тех, которые были в их детстве: «**Семья у нас была большая** [про 1960-е гг.], **сейчас таких уже мало найдешь** [2008 г.], а раньше работники нужны были»; «Конечно, я родилась в семье большой, нас пятеро детей, я вторая в семье, нас четыре сестры, одна уже умерла, и один брат, **ну раньше же большие семьи были**»; «Некогда было учиться, а ребятшек много было. Семь сестёр и брат один. Девочка сама старша умерла, и два брата умерли. У мамы было одиннадцать человек. **А теперь один-два, да и то горе с имя’ полно**».

В связи с механизацией ручного труда происходит трансформация представлений о работе и жизни в целом: «**Раньше жизнь была труднее гораздо, тяжелее.** Больше было работать. Работы все были такие. У нас все физически работали мы. **Ну а сейчас видите, всё механизировано, и всё-таки легко не даётся, ну во всяком случае** **зас такая механизация, как посмотришь по телевизору, я смотрю, в лесу как мы работали, как сейчас работают. Это же интересно работать, а тогда было очень тяжело**»; «**Теперь у нас совхоз. Посмотришь – жизнью залюбуешься.** Машины кругом, тракторы, комбайны, а **раньше этого ничего не было**».

Социально-политические, экономические изменения в стране, внедрение рыночной экономики, появление продуктов в магазинах изменило жизнь, быт и хозяйство крестьян: «**Трудно было жить тогда, ели считай только рыбу.** А особенно у кого было много человек в семье, тем само трудно было [про 1920-е гг.] <> **Это сейчас люди совсем ленивы**

стали. И сами вдоволь всего живут, а вот скотины мало держат. В нашей деревне овец да кур почти как никто не держит» [про 1990-е].

Одним из факторов трансформации жизненного уклада является экологический: ухудшение экологии и введение запретов на вылов рыбы ценных пород, рыбалку и охоту в определенное время года приводят к постепенному исчезновению этих видов деятельности: «**Ну, есь зас рыба, но мало, мало. Вот раньше, я, даже вот, это, до войны, помню, была бригада рыболовческая, ловили рыбу, помню. Зас – нет, зас, ну, некоторые, вот, ловят, там, как уж они уж ловят?**».

В автобиографических рассказах встречается повествование о жизни во время Великой Отечественной войны. В условиях этого времени отмечается изменение жизни в целом: «**Народ оголодалый был, измождённый войной этой. Надо хозяйства поднимать, средств нет. Да и мужиков поубивало всех, одни бабы были. Работали сил не меряли, день с ночью мешались, вот как ешо пять лет протопало. Ну и потом, кажись, полегче стало...**»; «**Зажила я своей семьёй до сорок второго года, до сорок первого, верней. Война началась – мужа взяли у меня, у меня детей не было, не осталось от мужа ничего**».

Понятийный слой концепта тесно связан с аксиологическим и образным компонентами. Сравнение жизни в прошлом и в настоящее время сопровождается оценочными высказываниями, которые позволяют выявить константы и трансформации в системе ценностей.

Жизнь в **аксиологическом слое** концепта прежде всего рассматривается как ценность: «**Счас только жить надо, а здоровье не то, изнаосилось. А умирать-то неохота**»; «**Вот сейчас мне семьдесят восьмой год, а умирать не хочется, я б ещё годов десять пожила, порадовалась на нынешнюю жизнь**»; «**Теперь бы вот только пожить, да здоровье плохо, старость престигла. Работы много было...**».

Жизнь как ценность сопровождается разнообразными оценками и характеризуется с помощью различных определений: *трудная, тяжелая, глупая*, в том числе антонимичных оценочных прилагательных *хороший/плохой*: «**Жизня сейчас больно хорошая**»; «**Жись моя плоха была. Хорошего мало было...**».

Лексическая единица *жить*, как и лексема *жизнь*, также функционирует в сочетании с различными антонимичными единицами, указывающими на качество жизни и материальное положение, основными из которых являются наречия *хорошо – плохо, бедно – богато, легко – трудно / тяжело*. Синонимичными единицами к лексеме *хорошо* при характе-

ристик существования человека выступают лексические единицы *справно, подходяще, ничего*: «*Тяжело было жить в ту пору. Сейчас живут подходяще...*»; «*Молодость-то ничё жила. Жили ничё мы, хорошо*».

Подобные оценочные высказывания позволяют выявить систему жизненных ценностей в диалектной культуре.

Плохая / хорошая жизнь в понимании диалектоносителей связана с такими ценностями, как семья, здоровье, материальный достаток, работа, еда, образование, мир (отсутствие войн), отношения с окружающими людьми.

Плохая жизнь – это такое существование человека, когда:

- приходится жить в одиночестве, в неполной семье: «*Жись моя плоха была. Хорошего мало было. Мужик, два года пожил, да на фронт...*»;
- небольшой материальный достаток (нет одежды, продуктов питания): «*Плохо жили, я примерно лет так до восьми без штанов ходил...*»;
- плохое здоровье, наступает старость: «*А нонче шибко трудно жить – всё болит...*»;
- нет образования: «*Учиться я не училась, нелегко нам было, босы, голы. Опеть тут война, только три месяца в первом классе и пробыла. Матери не было, отца не было, это у кого родители были, те учились. Вот всю жись и прожила с тремя месяцами. Да, щас хорошо, а тогда трудно было...*»;
- приходится жить в военное время: «*Ничего хорошего не видали. Пускай бы хоть молодой народ пожил хорошо, и чтоб войны никогда не было, на войне столько ужасов, страху...*».

Трансформация жизненных ценностей, как и в понятийном слое концепта, прослеживается в высказываниях, в которых сопоставляется жизнь в настоящее время и жизнь в прошлом.

В целом в автобиографических рассказах встречаются положительные и отрицательные оценки, как прошлого, так и настоящего. Ценным для жизни в настоящее время признается наличие разнообразных продуктов питания, одежды, возможность получить образование, развитие техники, улучшение условий труда: «*Из магазина хоть каждый день сетку тащи, всего хватат и сахару, хошь мешок бери, куда бы чё девалось. Сосед нетель заколол, сдал, привели его в Томском в универмаг, бери, что твоя душа желат! Тут и ковры, и машины стиральны, и посуда всяка. Вот и покупат, денежки-то огрёб. И скотину кололи, да сдают. Вот как живут!*»; «*Машины кругом, тракторы, комбайны, а раньше*

этого ничего не было. На работу едут наряднехоньки, весёлые, а мы работали день и ночь, не до веселья. А заработки сейчас какие! А что раньше – двенадцать рублёв»; «Ну, раньше, это самое, пельмени были праздничным блюдом. И стряпали всегда сами, собирались компанией. Один раскатывает, двое-трое сидят лепят, морозят. Всё это было... совсем вот... совсем по-другому жили» и т. п.

Вместе с тем отмечается трансформация духовных ценностей: «*Да, жизнь была, конечно, не такая, как сейчас. Одеты мы были беднее. Но духовно мы были... [Богаче.] Богаче, да*».

Взаимоотношения в социуме в прошлом наделяются положительными оценками по сравнению с современной жизнью: «*Поедешь, бывало в колхоз на телеге, все песни поют, и молодые и старые. Все радовались. И с работы едешь, хоть голодный желудок, а все равно песни поешь, не то что щас. Посмотрите вы, как живут, и друг на друга, и друг на друга, и не скажи ты мне слова, я ж тебя всяко оконфужу, а раньше как мы жили, были молодыми, охота было гулять, играть»; «Теперь здесь живут люди... ну чуть побольше тридцати, ещё даже нет тридцати. Совершенно другие люди. Совершенно! Как будто они откуда-то с другой планеты. И отношения у нас, между собой, между соседями, не то. Не знаю... я всё время смотрю вот на правнуков и думаю: как, как же вы будете жить? Так что цивилизация... тоже двухсторонняя, с одной стороны, в чём-то улучшение, а в чём-то... ухудшение».*

В рассказах, записанных в 2000-е гг., отражается трансформация религиозных традиций в XX в.: «*тогда обязательно было, чтоб был крестный и крестная, приемные родители при крещении, такой обряд был церковный, так что я в смысле крещёный. Это вы нехристи родились все, у меня тоже ребятишки уже взрослые, скоро Кате уже 60, они же нехристи, где их крестить»; «Ну праздники, вот когда были живы мама и бабушка, строго всё было: еси пост, значит, пост, праздник, значит, праздник. Ну нас, это самое, иногда бабушка брала с собой в церковь...». Забвение православных традиций, трансформация мировоззренческих установок, секуляризация духовной жизни людей были вызваны влиянием коммунистического режима, давлением власти: «*вот я выросла в семье, понимаете, раньше всё, что было связано с обрядами, православной верой, коммунистическая власть всё преследовала, понимаете. И вот мама, хотя и неграмотная женщина, потом уже когда перестройка-то, она умерла в 88, семь лет назад в 2000-м году, восемь бу-**

дет даже вот 4-го ноября, она даже боялась молиться, потому что мужей снимали с работы. Это вот никто не говорит ничего, все хорошо было, и мама боялась потерять кормильца своих детей».

Образный слой исследуемого концепта представлен метафорическими словосочетаниями и сравнениями.

Жизнь определяется как работа: «Потом возвратился с армии, опять сюда же, в Баткат. Занялся своим хозяйством. **Наша крестьянская жизнь – пашня**». В связи с тем что приходилось много работать, труд был непосильным, изнурительным, а жизнь, соответственно тяжелой, жизнь описывается, как каторга: «**Крестьянская жисть раньше каторга была. Нас семеро было. Их двое. С семи лет косила, на стог поставит, так бросит сено-то. Каторга была, а не жисть**». Вместе с тем работа – это деятельность, ценностно обусловленная, поскольку это основа жизнедеятельности крестьян.

Жизнь, существование, имеющее четко осознаваемые границы (рождение и смерть), рассматривается как период между этими двумя границами и характеризуется предикатами *протекать, проходить, идти*. Это позволяет говорить о том, что жизнь уподобляется реке, пути, а также как и любое абстрактное понятие подвергается осмыслению, освоению человеком и вследствие этого приобретает антропоморфные характеристики, наделяется знакомыми свойствами. Кроме отмеченных метафор, встречаются метафоры, определяющие качество жизни: *трудная, тяжелая, сложная, большая, глупая жизнь, интересная*: «...Утром в 4–5 подъем. **Глупая была жисть...**»; «**Я большу жизнь прожила, трудну**»; «... а жисть-то сейчас **сложная очень**».

Жизненный путь человека состоит из нескольких периодов, при рассказе о ко-

торых возможно их сопоставление. Так, при описании жизни отметим использование:

- сравнительных оборотов: «**Ростила, ростила, а таперь живи одна, как перст. Сам помер уже годков семь, детки разехались, внуки учутся. Сижу одна как палка, туда гляну, никого нет, туда погляжу – нет никого, так и живу одна...**»;
- оценочных конструкций: «**Вот так-то она жизнь-то кака! Вот, правда, пословица-то есть, что жизнь – это не поле...**».

Следует отметить, что образная составляющая концепта «Жизнь» отличается большей устойчивостью и является в большей степени константной, чем его понятийный и аксиологический компоненты.

Таким образом, «Жизнь» является одним из ключевых концептов, образующих РЖ автобиографического рассказа. Исследование показало, что РЖ как поле реализации социальных ценностей и лингвокультурных концептов является также одним из средств отражения констант и трансформации народной культуры в целом.

Наиболее частотными для автобиографических рассказов являются контексты с указанием места, времени существования человека, совместного проживания, качества жизни, материального положения, что и определяет ядро концепта «Жизнь». В автобиографических рассказах 1946–2016 гг. константным является понимание жизни как существования, синонимичного понятию «работа», протекающего во времени и представляющего собой ценность. Трансформации же вследствие разных факторов (политических, экономических, социальных, экологического) подвергаются жизнь крестьянской семьи и отдельного человека, социальные связи, а также соотношение духовных и материальных ценностей.

This work was financially supported by the Russian Science Foundation (according to the Order number 16-18-02043 “The Culture of the Russian People in the Dialect Language and Text: Constants and Transformation”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
2. Горошко Е. И. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи: сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. С. 370–389.
3. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.

4. Большакова Н. В. К вопросу о жанрах диалектной речи // Язык в пространстве речевых культур. М.; Саратов: Амирит, 2015. С. 21–26.

5. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. С. 428–473.

6. Слышкин Г. Г. Речевые жанры: перспективы концептологического анализа // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Гос. УНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. С. 34–50.

7. Банкова Т. Б. Традиционная антиномия «жизнь-смерть» и ее трансформация в народном мировидении //

Православие и Россия: канун третьего тысячелетия: материалы Духовно-исторических чтений. Томск: Изд-во ТПУ, 2000. С. 55–57.

8. Гынгазова Л. Г. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики: материалы междунар. науч. конф. (Томск, 21–23 октября 2003 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 103–111.

9. Ипанова О. А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: Лингвокультурологический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 24 с.

10. Неведова Е. А. ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в дискурсе языковой (диалектной) личности // Gwary dzis. 7. Aktualne problemy dialektologii slowianskiej. Poznan: Wydawnictwo PTPN, 2015. С. 29–34.

11. Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст. М.: Российская академия наук, Институт языкознания, 2003. Изд. 2-е. С. 135–170.

12. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

13. Гынгазова Л. Г. Ценностная картина мира диалектоносителя: к проблеме лакунарности // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте. Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 2009. С. 115–122.

REFERENCES

1. Demytyev V. V. *Teoriia rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

2. Goroshko E. I. Teoreticheskii analiz internet-zhanrov: k opisaniiu problemnoi oblasti [Theoretical analysis of Internet speech genres: to the description of the problem area]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr. Vyp 5. Zhanr i kultura* [Speech Genres: coll. of sci. works. Iss. 5. Genre and Culture]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2007, pp. 370–389 (in Russian).

3. Demeshkina T. A. *Teoriia dialektного vyskazyvaniia. Aspekty semantiki* [The theory of dialectal speech. Aspects of semantics.] Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 2000. 190 p. (in Russian).

4. Bol'shakova N. V. K voprosu o zhanrakh dialektnoi rechi [To the question about genres of dialect speech]. In: *Iazyk v prostranstve rechevykh kul'tur* [A language in a field of speech cultures]. Moscow, Saratov, Amirit, 2015, pp. 21–26 (in Russian).

5. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres] In: *Bakhtin M. M. Literaturno-*

kriticheskie stat'i [Literary-critical articles]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1986, pp. 428–473 (in Russian).

6. Slyshkin G. G. Rechevye zhanry: perspektivy kontseptologicheskogo analiza [Speech Genres: the prospects of conceptological analysis]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vp 4. Genre i kontsept* [Speech Genres: coll. of sci. works. Iss. 4. Genre and concept]. Saratov, Izd-vo GosUNTs "Kolledzh", 2005, pp. 34–50 (in Russian).

7. Bankova T. B. Traditsionnaia antinomiiia "zhizn'-smert" i ee transformatsiia v narodnom mirovidenii [The traditional antinomy "life-death" and its transformation in folk worldview]. In: *Pravoslavie i Rossiia: kanun tret'ego tysiacheletia. Materialy Dukhovno-istoricheskikh chtenii* [Orthodoxy and Russia: on the eve of the third millennium. Materials of Spiritual and historical readings]. Tomsk, Izd-vo TPU, 2000, pp. 55–57 (in Russian).

8. Gyngazova L. G. Kontsepty "Zhizn" i "Smert" v iazyke dialektnoi lichnosti [The concepts of "Life" and "Death" in the language of dialect personality]. *Aktual'nye problemy rusistiki: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Tomsk, 21–23 oktiabria 2003 g.)* [Actual problems of Russian studies: materials of the International conference (Tomsk, October 21–23, 2003)]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 2003, iss. 2, vol. 1, pp. 103–111 (in Russian).

9. Ipanova O. A. Kontsept "zhizn" v russkoi iazykovoi kartine mira: Lingvokul'turologicheskii i leksikograficheskii aspekty [The concept "life" in Russian linguistic world picture: linguoculturological and lexicographical aspects]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2005. 24 p. (in Russian).

10. Nefedova E. A. ZhIZN' i SMERT' v diskurse iazykovoi (dialektnoi) lichnosti [LIFE and DEATH in the discourse of language (dialect) personality]. In: Gwary dzis. 7. *Actual problems of Slavic dialectology*. Poznan, Wydawnictwo PTPN, 2015, pp. 29–34 (in Russian).

11. Ufimtseva N. V. Etnicheskii karakter, obraz sebii i iazykovoe soznanie russkikh [Ethnic character, self-perception and linguistic consciousness of the Russians]. In: *Iazykovoie soznanie: formirovanie i funktsionirovanie: sb. st.* [Linguistic consciousness: formation and functioning: Coll. of sci. art.]. Moscow, Rossiiskaya akademiya nauk, Institut yazykoznaniiya, 2003, pp. 135–170 (in Russian).

12. Karasik V. I. *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).

13. Gyngazova L. G. Tsennostnaia kartina mira dialektonositelii: k probleme lakunarnosti [Axiological world picture of the dialect speaker: the problem of lacunarity]. In: *Lakunarnost' v iazyke, kartine mira, slovare i tekste* [Lacunarity in the linguistic world picture, dictionary and text]. Novosibirsk, Izd-vo Novosibirskogo pedagogicheskogo un-ta, 2009, pp. 115–122 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 09.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Волошина С. В. Концепт «Жизнь» в речевом жанре автобиографического рассказа: константы и трансформация (на материале диалектной речи) // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 42–48. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-42-48>

For citation

Voloshina S. V. The "Life" Concept in the Speech Genre of the Autobiographical Story: Constants and Transformation (Based on Dialect Speech). *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 42–48. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-42-48>

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

УДК 81'38'48:004.738

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>

В. И. Карасик
Москва, Россия
Тяньцзинь, Китай

Vladimir I. Karasik
Moscow, Russia
Tianjin, China

Жанры сетевого дискурса

Рассматриваются жанровые характеристики сетевого дискурса – общения в социальных сетях. Определены конститутивные признаки этого типа коммуникации: 1) коммуникативное сообщество людей, имеющих общие интересы и подключенных к единому электронному ресурсу, 2) полимодальная семиотика сообщений, включающих визуальный, аудиальный и собственно текстовый компоненты, 3) возможность получить немедленный отклик на размещаемый контент, 4) сокращенная дистанция общения, в которой стирается грань между приватным и публичным форматами коммуникации. Показано, что жанровая система данного типа дискурса подвижна, состоит из элементов личностного и статусного типов дискурса и включает как дискурсивно определенные, так и диффузные коммуникативные образования. Предложено выделить восемь основных жанровых групп в рамках сетевого дискурса на основе базовых интенций, ведущих к общению в этом сообществе. Это следующие группы: 1) демонстративы (автопрезентации с фотографиями себя и своих близких), 2) репортативы (сообщения о важных новостях, обычно в виде перепоста), 3) социативы (заметки об интересных явлениях и событиях, часто оформленные как тематическая группа), 4) креативы (предлагаемые сообществу собственные либо чужие художественные произведения), 5) агитативы (сообщения, продвигающие тот или иной товар или образ жизни), 6) инструктивы (советы для решения конкретной проблемы), 7) прескриптивы (назидательные послания морального плана), 8) аттрактивы (развлекательные шуточные послания).

Ключевые слова: дискурс, социальная сеть, жанры речи, формат коммуникации, полимодальная коммуникация.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания.

Место работы: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва); профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков (Китай).

E-mail: vkarasik@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Genres of Network Discourse

The paper deals with genre characteristics of network discourse treated as communication in social networks. Constitutive features of this communication include (1) a communicative community of people who share mutual interests and have access to a common electronic resource, (2) multimodal semiotic nature of messages having visual, auidial and textual components, (3) opportunity of immediate responses to any message, (4) a short communicative distance with merging of public and private formats of interaction. The genre system of this discourse type is very flexible, it consists of personal and institutional communicative elements and includes both distinct and diffuse genre entities. The material analyzed makes it possible to specify 8 genre types within network discourse on the basis of a key intention of communication: 1) demonstratives (self-presentations, such as selfies), 2) reportatives (important news, usually reposted), 3) sociatives (notes about interesting things or events, usually connecting people as a topical group), 4) creative (pieces of creative art, original or reposted), 5) agitatives (messages promoting some goods or way of life), 6) instructives (recommendations for solving concrete problems), 7) prescriptives (wise observations, usually with moral implications), 8) attractives (entertaining jocular messages).

Keywords: discourse, social network, speech genres, communication format, multimodal communication.

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor of General and Russian Linguistics Department.

Place of employment: Pushkin State Institute of the Russian Language, Moscow, Russia; Professor of Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, China.

E-mail: vkarasik@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Социальная сеть представляет собой общественную структуру взаимосвязанных субъектов, имеющих сходные интересы. Типы таких интересов разнородны – от обсуждения проблем со здоровьем до форумов любителей поэзии. Возникновение Интернета позволило каждому пользователю стать участником той или иной сети и при этом в определенной мере сохранить конфиденциальность общения, используя ник вместо имени. Соответственно, уточнилось понимание социальной сети – теперь это интернет-ресурс, обеспечивающий возможности общения субъектов.

Авторство термина «социальная сеть» – «*social network*» принадлежит британскому социологу Джону Барнсу, который обозначил поле исследования следующим образом: «Изучая социальную организацию простого общества, мы видим нашу цель в том, чтобы понять различные способы, посредством которых члены этого общества систематически взаимодействуют друг с другом. Для целей нашего анализа мы рассматриваем политическую систему, паттерны деревенской жизни, систему родства и другие сходные области взаимодействия как части одного и того же дискурсивного универсума, анализируя их как однопорядковые феномены, и мы стремимся показать, как одни и те же внешние факторы, принципы организации и ценности влияют на различные проявления социальной жизни» [1: 39]. Конфигурации и типы социальных сетей разнообразны, выделяются открытые и закрытые, национальные и групповые, деловые и развлекательные, новостные и предметно-ориентированные сети. Благодаря социальным сетям мир превратился, по точному определению М. Маклюэна, в глобальную деревню, жители которой хорошо знают друг друга, хотя могут физически находиться на разных континентах [2].

Общение в социальной сети в определенной мере размывает сложившуюся систему речевых жанров. Известна модель коммуникативной дистанции Э. Холла, который противопоставил интимную, дружескую, социальную и публичную дистанции между участниками общения на основании принятого в той или иной культуре типового расстояния между коммуникантами и соответствующего такому расстоянию типа общения (например, мать и маленький ребенок, друзья, полужнакомые, лектор и аудитория) [3]. В этом плане можно противопоставить приватную коммуникацию, предельной разновидностью которой выступает интимное общение, и публичную коммуникацию, предельной разновидностью которой является массовое тиражирование некоторой информации.

В социальных сетях («Фейсбук», «ВКонтакте», «Одноклассники» и др.) размещено множество сообщений, адресованных всем, но, в первую очередь, друзьям. В интернет-общении слово «друг» является калькой английского «*friend*» – хороший знакомый, с которым приятно вместе проводить время.

Анализ контента сетей показывает, что циркулирующая в них информация с некоторыми оговорками может быть разбита на восемь основных жанровых групп: 1) **демонстративы** (лат. *demonstro* – «показывать, указывать», автотипирования, фотографии себя и/или своих близких, часто с подписью, ярким представителем этой группы является селфи); 2) **репортативы** (лат. *reporto* – «передавать, сообщать, извещать», сообщения о важных новостях, часто в виде перепоста, такая информация вызывает живое обсуждение и по своей сути соответствует жанрам медиадискурса); 3) **социативы** (лат. *societas* – «компания», заметки и рассуждения об интересных вещах, эта жанровая группа позволяет объединиться друзьям в рамках той или иной предметной области; в лингвистике этот термин используется для обозначения особого совместного залога в некоторых языках, например, «мы сотрудничаем»); 4) **креативы** (лат. *creo* – «творить, создавать», художественное творчество, свое или чужое, в виде текстов, картин, инсталляций и мультимедийных проектов, сопровождаемое комментариями); 5) **агитативы** (лат. *agito* – «приводить в движение», различные сообщения, продвигающие тот или иной товар или образ жизни); 6) **инструктивы** (лат. *instruo* – «наставлять, обучать», рекомендации для решения конкретной практической проблемы); 7) **прескриптивы** (лат. *praescriptio* – «предписание», назидательные послания морального плана); 8) **аттрактивы** (лат. *attractio* – «притягивание», развлекательно-шутливые послания, например, демотиваторы).

Основанием для выделения этих жанровых групп являются их функциональные характеристики, в значительной мере соответствующие базовым интенциям, порождающим тот или иной тип речевого действия. Иначе говоря, предложенные типы жанров соотносимы с типами речевых актов, выделенных Дж. Остином и Дж. Серлем, и их последователями [4–6].

Назначение демонстративов – привлечь к себе внимание. Это самый частотный тип посланий в социальных сетях. Его важнейшие признаки – полимодальный характер информации (текст передается в неразрывной связи с фотографией или видеоклипком), наличие комментариев, которые тоже могут быть полимодальными).

Дача – особое слово в русской культуре, лингво-культурологический концепт с глубинной структурой и смыслами. Дача – это сплошная радость от буйства растений, это долгие посиделки на веранде и чай с малиной, купания в Волге, заготовки на зиму, это полное выпадание из рабочей реальности и перемещение в «лето – это маленькая жизнь» (03.08.2018).

Сообщение включает фотографии.
Комментарии:

>Красота-то какая!

>Так бы и жил в этой реальности!

>Жаль, не на Волге!

>Да, да, да! Такая сладкая затягивающая обломовщина, что начинаешь задумываться «а стоит ли вообще в Москву возвращаться»...

Автор – лингвист и поэтому использует научную терминологию, но при этом создает запоминающееся оценочное описание пребывания на даче, используя цитату из популярной песни. Комментарии, как можно видеть, солидарны с автором. Приватная информация, адресованная многим, приобретает характеристики публичной, оставаясь неофициальной и открытой. Отметим, что в этом мультимодальном сообщении фотографии органически связаны с текстом. Таковы характеристики современного лично ориентированного общения, ранее свойственные только медийному и рекламному дискурсу.

Интересен пост с фотографией (группа молодых людей за столом) и следующим текстом:

Мозгобойня 9.08.2018 Прекрасное времяпрепровождение

Комментарии:

> Что такое мозгобойня? Кафе? Викторина? Квест? Сауна?

> Неужели у вас нет такого? это такая всенародно популярная интеллектуальная забава, типа «что? где? когда?», собираешь команду, приходишь и играешь на время.

> Катя, может она и есть, но я о ней ничего не знаю, поскольку у меня одна интеллектуальная игра: Где деньги? Или лучше: Где взять денег? Ещё есть игры: Заставь дитя учиться! И пиши статью! Это моя личная мозгобойня.

> У нас, наверно, в антикафешках есть.

> Ну ты попробуй, она отвлекает от тобой перечисленного (которого, понятно, никто не отменял).

> Я тоже не знала, что такое мозгобойня.

Приведенный пример представляет собой публичное обсуждение приватной информации. Обратим внимание на экспрессивное наименование развлечения, поддержку и расширительное толкование этого события.

Репортативы представляют собой новое направление развития медийного дискурса

на стыке с повседневным общением. Сообщение новостей всё более приобретает характер личного свидетельства очевидца. Не случайно в телевизионных программах активно используются видеоклипы, присланные в редакцию. На наших глазах происходит существенная метаморфоза в подаче новостей: непрофессионализм становится достоинством в медийном ремесле, вызывая ощущение подлинности передаваемой информации. Это касается любых актуальных новостей. Природные катастрофы никого не оставляют равнодушным. Пользователь Фейсбука разместил на своей странице видеорепортаж о цунами в Фукусиме, Япония. Огромные волны смывали всё на своем пути, в мутном потоке плыли автомобили и кучи городского мусора. Это видео получило 7,8 миллионов просмотров и вызвало 4,3 тысячи комментариев (11.06.2018 г.).

Комментарии:

> Спаси их, Господи

> Природа умеет мстить... Это же ждёт и Закарпатье, если не перестанут вырубать лес

> Это какие-то новые кадры после японского цунами... Страшное цунами, которое унесло сотни тысяч жизней ...

> Это не природа. Это наши мирские грехи! Кайтесь люди и молитесь, чтобы господь нас помиловал и оградил...

> Так и хочется сказать: люди, может, глядя на такие кадры, вы перестанете друг друга ненавидеть, куда ни глянь, везде ненависть и война.

> Теперь на 100% уверен, если последний вулканчик проснется, многих смоеет.. ((

> У меня бы паника была, а они снимают!

> Не знаю, за что мстит природа именно этим людям, но она это делает на 5 с +.

> Страшная стихия, у природы свой закон, остановить невозможно, а всё потому, что люди не берегут экологию.

> Поток воды двигался в 3–4 раза меньше скорости авто, почему не уехать... удивляет щедрость оставленных авто для стихии.

> Не могу понять, если постоянно где-то такие катаклизмы, зачем там жить???? Ноги в руки и тикать оттуда подальше!!!

> Это, наверно, так выглядит конец света...

> Ужас! Даже смотреть страшно

> Страшно представить, что это реальность, а не худ. фильм!

В комментариях преобладает эмоциональная реакция ужаса, пользователи часто прибегают к религиозным аллюзиям (так, вероятно, выглядел библейский всемирный потоп), некоторые пытаются посмотреть на это событие с позиций охраны окружающей среды, ставят себя на место прямых свидетелей и жертв этого стихийного бедствия. Публичная информация приобретает характеристики приватной – лично переживаемой.

Приведем пример актуальной информации для жителей Волгограда:

Ну что, господа, Конфил можно считать потерянным для нашего города, да и для мира – за отчетный период убыток 56 млн рублей (12.08.2018).

Комментарии:

- > *Интересно, почему?*
- > *Жаль, единственное в своём роде предприятие, принадлежащее своим работникам... Причины в руководителях???*
- > *Конечно, руководство виновно.*
- > *Какая жалость! Может, климат виноват?*
- > *Подстроили*
- > *И, конечно, москвичи прикарманили.*
- > *Брянские сладкого хочуть.*

В этом сообщении говорится о кондитерской фабрике «Конфил» в Волгограде. Приводится ссылка на сайт disclosure.ru (система раскрытия информации на рынке ценных бумаг). В комментариях можно заметить сожаление по поводу этой новости (обычно жители каждого города, в котором есть фабрика конфет, считают продукцию этого предприятия очень хорошей). Комментарии содержат критику в адрес руководства фабрики и иногородних инвесторов. При этом отчетливо видна ирония в некоторых репликах.

Обратимся к социативам – сообщениям, сориентированным на друзей по интересам.

Известный отечественный лингвист излагает свое отношение к новым фактам словоупотребления:

> Вдруг замечаешь, что тебя раздражает какое-то давно известное слово. Это значит, что оно стало употребляться чаще и иначе, чем раньше. Вот «токсичный», одно из ключевых сегодня слов. Что, откуда, почему? Сьюзен Форвард написала книгу «Toxic parents» в 1989 году. Забавно, что книгу перевели на русский в 2015 году (казалось бы, вот оно) как «Вредные родители». Где же тот триггер, который приводит к локальному языковому взрыву и популярности слова именно сейчас? Что еще, кроме родителей, можно назвать токсичным? Людей, отношения? (21.07.2018).

Комментарии:

> Раздражает, потому что калька. По-русски вообще лучше не писать "токсичный если речь не идёт об инструкции по хранению отходов. Надо: ядовитый или отравляющий. В переносном смысле, разумеется, «отравляющий (жизнь)».

> Кстати, есть еще момент: расхождение значений в парах -ичный – -ический. Токсический ведь еще есть. Токсические вещества, шок, гепатит, компоненты. То есть дело не только в кальке, но и в поддержке изнутри системы русского языка. Первые компоненты в этих парах, типа драматичный, комичный, фантастичный, космичный, символический, готичный вообще тяготеют к метафорическому или

как минимум качественному употреблению, а вторые к прямому и относительному: драматический, комический, фантастический, космический, символический, готический.

> А справедливо ли сказать, что почти во всех случаях использования в переносном значении вместо «токсичный» можно было бы сказать «заразный»?

> Триггер, очевидно, ипотечный кризис в Америке 2007 г. В языковом плане – выражение toxic asset.

Специалисты и все желающие обсуждают весьма сложные характеристики языковых единиц, по стилю это научная дискуссия, сокращение дистанции прослеживается только в почти неуловимой интонации (значим смайлик в одной из реплик). Существенным оказывается и возрастной статус участников общения.

Креативы в сети весьма разнообразны. Их описание требует отдельного исследования. В рамках данной работы отметим, что отсутствие критики и цензуры (прежде всего, самоцензуры) привело к заполнению Интернета массой произведений низкого художественного уровня. Приведу фрагменты таких творений, не называя их авторов (часто пользующихся никами, что, возможно, говорит об их трезвой самооценке).

*Вот какое огорченье –
Кошка слопала варенье.
Надо мышку слопать мне,
Кошке отомуцу вполне.*

Фрагмент другого текста:

*Нутро художника трепещет,
Когда рука волочет кисть,
Сжимают думы, будто клещи,
Слепое вдохновение, явись!*

Хотелось бы допустить, что авторы этих текстов разместили их в сети как пародии на подобные произведения. Критики не обращаются к таким текстам. Впрочем, в сети можно найти (в гораздо меньшем количестве) и интересные качественные произведения. Заслуживают внимания размещенные в русскоязычном секторе «Фейсбука» стихотворения Игоря Силантьева:

*Как сидел я малой возле печки на полу,
А тут взял и стрельнул из поддувала уголек.
Он горячий был, черный, с изломанной искрой.
И к сердечку моему навсегда он присох.
С той поры я верчусь ошалелым волчком,
Посбивал уже все фишки на своем пути.
И разинувши рот, нахватал уже ерунды,
Затушить ненастный уголек чтобы тот.
А когда уголек тот погаснет, наконец,
И отвалится от сердца комочком золы,
Пустотельным болваном с разинутым ртом
Я останусь сидеть у остывшей печи.*

Этот глубокий экзистенциальный текст заставляет задуматься. Стихотворение содер-

жит яркий символ, его стилистика активизирует интертекстуальные связи с фольклорными произведениями. Запоминается авторская самоирония. Один из комментаторов написал так:

> жаль, что под замком.

Такой комментарий допускает неоднозначное толкование и при этом свидетельствует о том, что стихотворение оставило след в сердце читателя.

Агитативы в сети являются специфической разновидностью рекламного дискурса. Мультимедийный формат таких текстов ярко проявляется в сообщениях о путешествиях. Рост благосостояния населения не случайно выражается в значительной доле туристического дискурса в сетевом общении [7]. Такова, например, информация о монастырях в Греции, расположенных на вершинах высоких неприступных скал. Текст включает фотографии и видео и содержит ссылки на туристические компании.

Монастыри Метеоры в Греции! Есть места на нашей планете, которые не только поражают своим величием, но и хранят в себе что-то доселе необъяснимое и таинственное. Например, греческие горы Хасия, с примостившимися на их вершинах монастырями...Греция... В голове сразу же возникают картинки великолепных пляжей, теплое море, комфортабельные отели, буйная и необычная растительность, обилие спелых фруктов – как говорится, в Греции все есть. Но эта страна еще может похвастаться археологическими памятниками древности, дошедшими до наших дней. Они неизменно привлекают внимание туристов и являются яркими достопримечательностями страны.

Есть среди них греческие монастыри, про которые можно сказать, что эти здания и сооружения – самые необычные в мире. Чем же? Монастыри примостились на вершинах скал – столбов, выступающих на шестисотметровую высоту среди равнины. Из-за столь причудливого вида эти скалы и назвали – «Метеоры», что в переводе с греческого означает «парящие в воздухе». Красиво звучит – монастыри, парящие в воздухе! (24.04.2018).

Комментарии:

>Верится с трудом. Как это сделано и как всё это держится? И главное, как там можно жить? Но красиво и захватывает дух.

>Впечатляют – не то слово! Греческие монастыри Метеоры – «парящие в воздухе» – построены на вершинах гигантских обрывистых скал. И как это строилось – до сих пор остается загадкой.

>Все, что сделано, делает Человек, значит, это возможно.

>Метеоры, греческие монастыри (греч. «парящие в воздухе»). Известны с X века, включены в список объектов всемирного наследия. Ооочень круто!! Захватывает дух!!!

Агитативные тексты в сетевом дискурсе показывают продвигаемые объекты как личностно значимую информацию. Обратим внимание на эмоционально-экспрессивную реакцию туристов. Публичная и приватная информация образуют неразрывное единство.

Инструктивы в сетевом дискурсе в полной мере соответствуют жанру «Полезные советы», такие заметки часто публиковались в массовых журналах и газетах. Их современная сетевая специфика состоит в наличии визуального компонента, комментариев (положительных и отрицательных) и тематического разнообразия. Так, например, в списке множества полезных советов можно найти весьма разнообразную информацию: «Что делать, если дергается глаз», «Как ловить щуку зимой», «Как побороть лень», «Как выбрать обогреватель», «Как сделать подошву нескользкой» и т. д. Например:

Как вывести пятно от шариковой ручки?

Если Вы такое пятнышко посадили себе на одежду, то действовать нужно так: немного смочите место на одежде, которое Вы испачкали и выдавите немного зубной пасты на грязное место, чтобы его пастой можно было перекрыть. Достаточно быстро, минут через 5–10 паста начинает синеть, стягивая потихонечку в себя чернила из Вашей одежды.

После этого вещь нужно будет положить в стиральную машинку, засыпать в нужный отдел порошок и включить необходимый режим стирки. Если всё же с первого раза от пятна Вам избавиться не удалось, тогда то же самое (т. е. обработку пастой) повторите ещё разок прямо по влажной вещи и снова положите её в стирку в машинку. Обычно этих двух раз такой обработки в сочетании со стиркой вполне хватает. Главное здесь, это провести такую «домашнюю химчистку» сразу же (найдите время!) после загрязнения одежды, а не откладывать эту процедуру на следующий день (03.09.2014).

> Отличный способ! Зубная паста чистит не только зубы!

Обратим внимание на сокращенную дистанцию общения: по своей функции такой дискурс обращен к неопределенному количеству адресатов, а по формату он как бы сориентирован на единственного получателя информации. И реакция одного из адресатов подтверждает, что высокая степень персонализации помогает общению.

Инструктивы по своей сути – ответные речевые действия. Им обычно предшествует просьба о помощи:

У меня Word 2010. Нажимаю на «печатать» открывается окно печати и еще окно для сохранения этого файла. Сохраняю файл, оба окна закрываются, и ничего не печатает. Открываю сохранённый файл – виснет.

Помогите, пожалуйста!!!

> *Посмотри в свойствах, какой принтер по умолчанию стоит.*

> *Попробуйте выбрать: файл → печать. А теперь посмотрите имя принтера. Скорее всего, у вас там будет виртуальный принтер. Нажмите на флажок и выберите свой установленный.*

> *Да, проверить принтер по умолчанию и попробовать через меню сверху слева, там тоже есть печать.*

Перед нами типичная ситуация использования инструктива в сетевом дискурсе. Обычно на просьбу о помощи сразу же откликаются.

Прескриптивы в сетевом дискурсе отражают стремление его участников время от времени возвращаться к основополагающим установкам в жизни. Как правило, это цитаты известных мыслителей в виде табличек в жанре Wandspruch (изречение на стене), распространенном в немецкой культуре. Подобные таблички встречаются и у нас в различных учреждениях. В сети такие изречения дополняются комментариями:

Если вы хотите добиться успеха, избегайте шести пороков: сонливости, лени, страха, гнева, праздности и нерешительности. Конфуций.

> *Не убавить и не добавить.*

В комментариях встречаются как согласия, так и возражения:

Пока человек чувствует боль – он жив. Пока человек чувствует чужую боль – он человек. Франсуа Гизо.

> *Это мы так говорим. Чужая боль стороной проходит.*

> *Сильно сказано!*

Отметим, что прескриптивы могут функционально сливаться с социативами, поскольку среди участников сетей образуются группы любителей подобных изречений, и такие коммуниканты выкладывают для читателей те изречения, которые показались им интересными. Например:

Однажды ученик спросил у Мастера:

– *Долго ли ждать перемен к лучшему?*

– *Если ждать, то долго! – ответил Мастер.*

> *Здорово!*

Содержание таких изречений может быть весьма грустным:

Жалейте могущественного – он может лишиться силы; жалейте богатого – он может стать бедняком; и пожалейте ученого – он сгинет среди невежд. Ибн Абд Раббихи.

> *Как точно сказано!*

Обратим внимание на жанровое размывание границы между прескриптивами и репоративами:

Нидерланды официально запретили использовать диких зверей в цирке, посчитав, что их здоровье важнее, чем развлечение публики (adme.ru).

> *А ещё недавно запретили носить даже перочинные ножи в Голландии и разводиться костёр даже на своём участке. Да, это страна будущего.*

Главная характеристика прескриптива – выражение ценностно маркированного отношения к жизни. Такие экзистенциальные установки могут быть оформлены как заслуживающие внимания новости или факты.

Последнее место по счету, но не по важности в приводимом списке жанровых групп сетевого дискурса, занимают аттрактивы – различные шутки, назначение которых состоит в том, чтобы развеселить сообщество знакомых и незнакомых друзей. Это могут быть анекдотические жизненные истории:

Некоторые греческие монастыри находятся в горах, и подняться туда можно только при помощи специальных альпинистских приспособлений или установленных механизмов. Один паломник в 1993 году отправился в такой монастырь, куда для подъёма нужно было сесть в люльку, поднимаемую верёвкой. Подъём длился около 7 минут. Ехал он вместе с монахом. На середине пути паломник обнаружил, что верёвка значительно поистрепалась и спрашивает монаха:

– *А вы часто верёвку-то меняете?*

– *Ну как порвётся, так и меняем.*

В качестве комментариев в таких случаях встречаются смайлики или лайки (иконические знаки одобрения).

Обычно в таких шутках обыгрываются актуальные факты и установки нашей жизни:

– *Здравствуйте, хочу записаться на фитнес.*

– *Обещание по случаю Нового года?*

– *Да.*

– *У нас есть однодневный курс с четырьмя селфи.*

Мы понимаем, что однодневное занятие в фитнес-центре никак не может повлиять на состояние здоровья и внешний вид человека.

К сожалению, множество шуток в сети сигнализируют о существенном падении общей культуры и вкуса населения. Но, тем не менее, часто встречаются остроумные высказывания:

Учитель музыки говорит ученику: «Предупреждаю, если ты не будешь вести себя, как положено, я скажу твоим родителям, что у тебя талант!».

Для понимания соли этого примера нужно знать, что жизнь детей, которых признали талантливыми, становится порой очень трудной из-за постоянной ежедневной подготовки к различным конкурсам и состязаниям.

Подведем основные итоги.

Жанровые характеристики сетевого дискурса обусловлены его системообразующими признаками – возможностью установить дружеское общение с широким кругом людей, имеющих близкие интересы, наличием

единого электронного ресурса, позволяющего поддерживать интерактивное взаимодействие, полимодальным характером сообщений, включающих визуальный и текстовый компоненты, возможностью получить немедленный отклик на размещаемую информацию, сокращенной дистанцией общения, в котором стирается грань между приватной и публичной коммуникацией. Жанровая система сетевого дискурса весьма подвижна, наряду с относительно оформленными жанрами существуют диффузные жанровые образования. На основании ба-

зовых интенций, вызывающих к жизни те или иные сообщения в сетевом дискурсе, можно выделить восемь жанровых групп таких сообщений: демонстративы, репортативы, социативы, креативы, агитативы, инструктивны, прескриптивны и аттрактивны. Сетевой дискурс оказывает существенное воздействие на развитие современного общества и способствует перестройке сложившихся типов общения, в котором личностная и статусная самопрезентация приобретают новые способы выражения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода»).

The research is given a financial support by the Russian Foundation for Basic Research (Department of Humanitarian and Social Science), the research project no. 19-012-00609 entitled "Modern Russian Axiosphere: semantic and pragmatic transformation of the Russian cultural code".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // *Human Relations*. 1954. № 7. P. 39–58.
2. Маклюен М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. М.: Жуковский, Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
3. Hall E. T. *The Hidden Dimension*. N.Y.: Anchor, 1969. 217 p.
4. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22–129.
5. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 151–169.
6. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения: пособие по теоретическим курсам. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.
7. Новикова Э. Ю. Международный туристический дискурс как лингвокультурный трансфер. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 332 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // *Жанры речи*. 2019. № 1 (21). С. 49–55. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>

REFERENCES

1. Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*, 1954, no. 7, pp. 39–58.
2. McLuhan M. *Ponimaniye Media: Vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: External Human Extensions]. Moscow, Zhukovskiy, Kanon-Press-TS, Kuchkovo pole Publ., 2003. 464 p. (in Russian).
3. Hall E. T. *The Hidden Dimension*. New York, Anchor, 1969. 217 p.
4. Austin J. Slovo kak deystvie [Word as action]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1986, iss. 17, pp. 22–129 (in Russian).
5. Searle J. Chto takoe rechevoy akt? [What is a speech act?]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1986, iss. 17, pp. 151–169 (in Russian).
6. Romanov A. A. *Sistemnyy analiz regulyativnykh sredstv dialogicheskogo obshcheniya* [System analysis of regulatory means of dialogic communication]. Moscow, In-t yazykoznaneya AN SSSR, 1988. 183 p. (in Russian).
7. Novikova E. Yu. *Mezhdunarodnyy turistichekiiy diskurs kak lingvokul'turnyy transfer* [International tourist discourse as a linguistic-cultural transfer]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2017. 332 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 15.08.2018

For citation

Karasik V. I. Genres of Network Discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 49–55 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>

УДК 821.161.1.09-14:004.738.5

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-56-65>

Т. В. Дубровская
Пенза, Россия

Tatiana V. Dubrovskaya
Penza, Russia

«Любви достойна только мать и Гелендваген 5.5»: пацанская лирика как жанр молодёжного интернет-дискурса

“Only Mother and Geländewagen 5.5 Deserve Love”: Busters’ Lyrics as a Genre of the Youth Internet Discourse

В статье исследуются некоторые аксиологические и языковые аспекты жанра пацанской лирики в Рунете. Автор ставит задачу выделить ключевые аксиологические установки и средства их актуализации в жанре пацанской лирики и с этой позиции охарактеризовать идентичность «главного героя». Материалом исследования стали посты в трёх сообществах социальной сети ВКонтакте. Методологически автор опирается на социальный конструкционизм, критический дискурс-анализ, правовые исследования криминальной среды России, теории идентичности, теорию речевых жанров и использует категорию «топоса» и мультимодальный анализ для выявления ключевых ценностей в дискурсе. В результате анализа выявлено, что социальный конструкт «пацан» актуализируется через топосы семьи, дружбы, любви, успеха и агрессии. Герой конструируется как личность, находящаяся в конфликте с обществом. Сделан вывод, что смысловая система жанра пацанской лирики реализуется всей совокупностью постов, причём тексты (в том числе прецедентные) вступают в семантические отношения с иллюстрациями, которые могут менять ценностные акценты вербальных суждений. Предложенный анализ выводит теорию речевых жанров за границы «чистой» лингвистики, приближая её к социологии, культурологии и праву.

Ключевые слова: жанр, пацанская лирика, идентичность, молодёжь, аксиология, Интернет.

The paper explores some axiological and linguistic aspects of the busters’ lyrics as a genre in Runet. The author aims at revealing key axiological values and their linguistic actualisations in the busters’ lyrics as well as characterising the identity of “the main hero”. The data were retrieved from three online communities in the Russian social network VKontakte. In terms of methodology, the author draws on social constructionism, critical discourse analysis, legal studies of the criminal sphere in Russia, identity theories, the speech genre theory and uses the category of topos and the multimodal analysis to discover key values in the discourse. The results of the analysis have shown that the social construct ‘the buster’ is actualized through the topoi of family, friendship, love, success and aggression. ‘The hero’ is constructed as being in conflict with society. The author concludes that the semantic system of the genre is realised with the sum total of all posts, while texts – including precedent ones – establish semantic connections with visual elements, which can alter the axiological accents in verbal statements. The analysis offered penetrates the borders of ‘pure’ linguistics and brings the speech genre theory closer to sociology, culture studies and law.

Keywords: genre, busters’ lyrics, identity, youth, axiology, Internet.

Сведения об авторе: Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Английский язык».

Место работы: Пензенский государственный университет.

E-mail: gynergy74@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0044-6056>

About the author: Dubrovskaya Tatiana Viktorovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the English Language Department.

Place of employment: Penza State University.

E-mail: gynergy74@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0044-6056>

Введение

В настоящей статье мы рассматриваем жанр пацанской лирики, бытующий на страницах молодёжных сообществ в социальной сети ВКонтакте. Этот жанр интересен, поскольку реализует сразу несколько взаимосвязанных аспектов речевой коммуникации, важных с точки зрения выполнения языком функции

построения социальных отношений и структур. Прежде всего, жанр пацанской лирики – это одна из многочисленных форм интернет-коммуникации, исследования которой заняли прочное место в жанроведении [1–4 и др.].

С другой стороны, рассматриваемый жанр – это жанр молодёжного дискурса. Никто не оспаривает тот факт, что интернет-коммуникация занимает большое место в жизни

современного молодого поколения, выступает своего рода средой жизни и формирования персональной и групповой идентичности для молодых людей. В зарубежном дискурс-анализе сложилось мощное направление, изучающее идентичность подростков и молодёжи в контексте дигитализации современного общества, которая определяет стиль жизни, формирование социальных групп и ценностей в условиях коммуникации в цифровой среде [5–7 и др.]. При этом нередко речь идёт о формировании «второй идентичности» молодых коммуникантов, т. е. идентичности, дискурсивно конструируемой в медиатизированных практиках и отличной от их идентичности, сформированной в реальности.

Поскольку предметом нашего исследования являются медиатизированные коммуникативные практики молодёжи, некоторые наблюдения и выводы, сделанные исследователями молодёжной идентичности в цифровой среде, могут быть использованы в качестве исходных предпосылок. Прежде всего, это утверждение, что молодёжь не представляет собой единую или однородную группу. Будучи условно объединённой по возрастному признаку, молодёжь включает разные группы людей. «Социологи признают, что молодёжь имеет разные свойства, которые значительно варьируются в зависимости от социального контекста, особенно в зависимости от таких факторов, как социальный класс, пол и этничность. <...> “Молодёжь” по большому счёту представляет собой социальный и исторический конструкт, а не универсальное состояние бытия» [5: 4] (перевод с англ. здесь и далее мой. – Т. Д.). Применительно к нашему материалу это означает прежде всего то, что мы не приписываем выделенные далее аксиологические установки всей русскоязычной молодёжи, а говорим о дискурсе некоторой ограниченной группы молодых людей, объединившихся в виртуальное сообщество. Более того, мы осознаём, что виртуальная коллективная идентичность имеет характер дискурсивного конструкта и не может напрямую ассоциироваться с конкретными участниками интернет-сообщества. В то же время мы полагаем, что ценностные установки, выявляемые посредством дискурс-анализа, выступают атрибутами виртуальной коллективной идентичности и характеризуют данное интернет-сообщество как построенное на основе условного разделения этих ценностей.

Другое положение, непосредственно обосновывающее наш дискурсивный подход к вопросу актуализации идентичности и ценностей молодёжи в языке, состоит в том, что «мы конструируем, деконструируем и реконструируем самих себя в диалектическом взаимодействии

с миром, который включает как материальный мир культурных артефактов, так и других людей. Мы также конструируем других во взаимосвязи с собой и с ситуацией. Идентичности обговариваются и проверяются в контексте узкого круга общения и в более широком обществе <...>» [8: 44]. Очевидно, что язык как средство коммуникации незаменим в процессе интеракции индивида с миром: другими индивидами и социальными группами, а изучение дискурсивных практик молодёжи, в том числе в цифровой среде, позволяет деконструировать коллективную идентичность и определить ключевые ценности, характерные для рассматриваемой группы.

Задача, которую мы ставим в рамках данного небольшого исследования, состоит в том, чтобы выделить ключевые аксиологические установки и средства их актуализации в жанре пацанской лирики и с этой позиции охарактеризовать идентичность «главного героя». **Источники материала** – это группы социальной сети ВКонтакте: <https://vk.com/club31583769>, https://vk.com/beu_zh_brata, <https://vk.com/club60095269>. Все цитируемые материалы и фотографии взяты из этих открытых источников и цитируются без изменения орфографии и пунктуации. Применяемая **методология анализа** представляет собой комбинацию критического дискурс-анализа (язык рассматривается как средство репрезентации и конструирования социальной действительности и социальных отношений), аксиологического анализа (рассмотрение текстов и изображений производится в ценностной системе координат; такой подход был реализован нами ранее в другой жанроведческой работе [9]) и элементов мультимодального анализа (текст рассматривается во взаимосвязи с иллюстрацией как единое целое). Мы также опираемся на достижения и наблюдения современных российских юристов-практиков, изучающих особенности функционирования криминальной среды.

2. Анализ

2.1. Жанровая форма, коммуникативная задача, главный герой

Пацанская лирика заявлена в названиях групп эксплицитно или в форме стихотворных выдержек (две группы носят название «Пацанская лирика», еще одна называется «Любви достойна только мать и гелендваген 5.5»), и поэтому жанр безошибочно идентифицируется как таковой пользователем социальной сети. С формальной точки зрения жанр пацанской лирики представляет собой пост разной длины: чаще всего это одна или несколько нерифмованных строк, реже – стихотворение или более длинное речевое произведение

в прозе. На пост могут следовать реакции – ответные посты, но, по нашим наблюдениям, это редкость. Самым частым типом реакции на посты в жанре пацанской лирики представляются лайки.

Важно отметить ещё одну характеристику пацанской лирики – **мультиmodalность**. Почти каждый пост в его вербальной форме сопровождается визуальным элементом – фотографией, а нередко и аудиосопровождением – ссылками на треки песен, тематически или идейно связанных с вербальным высказыванием. Исследователи интернет-коммуникации отмечают креолизованный характер сообщений как одну из ключевых особенностей этого коммуникативного пространства, в котором «реализация РЖ происходит одновременно на нескольких уровнях – вербальном и визуальном» [4: 159]. Читатель поста перерабатывает не только вербальную информацию, но и визуальную и слуховую. Таким образом, можно говорить о трансформации жанра лирики в условиях дигитализации в мультиmodalный комплекс с визуальным и звуковым компонентом, в котором собственно вербальный компонент представляет безусловную важность, но не является единственным. Полагаем, что развитие мультиmodalности жанра обусловлено как увеличившимися техническими возможностями интернет-коммуникации, так и в немалой мере свойственной от природы человеку ориентацией на передачу и восприятие информации всеми возможными органами чувств. Строго говоря, жанр пацанской лирики в Интернете целесообразно обозначить как мультиmodalный по форме своего существования. Далее в анализе мы рассматриваем текст в совокупности и взаимосвязи его с визуальным компонентом, оставляя пока за рамками исследования компонент музыкально-песенного сопровождения.

Характер текстов и собственно сама фигура «пацана», вокруг которой выстраивается жанр, позволяют утверждать о принадлежности жанра криминальной субкультуре. «Пацан» – это одно из званий в иерархии криминального мира. Опытные практики в борьбе с криминалитетом так объясняют систему преступных сообществ: «В ходе исторического развития данной (криминальной. – Т. Д.) общины профессиональные преступники создали в ней жесткую иерархию, в которой есть свои “звания”, отражающие степень криминального профессионализма, и “должности”, фиксирующие полномочия участника. “Звания” начинаются с “пацана”, поднимаются до “авторитета” и “положенца” и заканчиваются “вором в законе” <...>» [10: 20]. В поясняющем приложении к тексту своей монографии А. В. Воронцов указывает, что звание «па-

цана» присваивается после ритуала приёма в криминальную общину, а его криминальная должность описывается так: «Временно исполняющий обязанности “смотрящего” или “держателя общака” в изоляторе временного содержания (камере следственного изолятора); заместитель “бригадира” или “звеньевой” преступной группы» [10: 103]. Иными словами, «пацан» – это уже посвящённый в преступное сообщество человек, выполняющий в нём определённые функции.

Анализируя функционирование криминальной субкультуры, А. В. Воронцов выделяет в её составе три группы взаимосвязанных элементов: регулятивную (идеология, обычаи и правила поведения), атрибутивную (жаргон, клички, татуировки, манеры) и эмоциональную (различные формы фольклора, включая стихи, песни, рассказы, предания, анекдоты и т. д.) [10: 26–38].

Жанр пацанской лирики в Интернете не является жанром собственно криминального фольклора, поскольку сферой его бытования является не относительно закрытый криминальный мир, а публичное пространство. Однако целесообразно отнести его к эмоциональному элементу рассматриваемой субкультуры по ряду признаков, включая главного героя, коммуникативные задачи, пропагандируемые ценности, ряд категорий криминальной среды, а также фольклорную форму существования (авторство текстов неизвестно, и они подвергаются множественным перепостам в разных интернет-сообществах). Рассмотрим особенности жанра более подробно.

Разные с формальной точки зрения речевые произведения в жанре пацанской лирики объединены общей **коммуникативной задачей**: они содержат некую сентенцию на основе жизненного опыта, обобщение на основе рефлексии, и обращение с этой сентенцией к адресату с тем, чтобы тот разделил ту или иную ценностную установку:

- (1) *Трудно – не значит невозможно. Это просто значит, что придётся потрудиться.*
- (2) *Красивая внешность есть у многих, а красивая душа не у каждого.*
- (3) *Лучше быть простым тузом, чем козырной шестёркой.*

Из приведённых высказываний можно вывести имплицитные установки о необходимости прилагать усилия для достижения цели, о важности душевных качеств, о ценности личной независимости. Видим, что все высказывания имеют форму отвлечённых суждений и могут быть выражены как двусоставными (пример (1)), так односоставными предложениями: глагольными безличными (*придётся потрудиться*) или наречными безличными

с модальным оттенком (*лучше быть*). Обращает на себя внимание использование лексических единиц криминального жаргона (*туз, шестёрка*), актуализирующих ценностные категории криминального мира.

Что касается **идентичности главного героя**, то мы рассматриваем её как дискурсивный конструкт, который образуется в результате взаимодействия всей совокупности постов, их вербальных и невербальных компонентов, которые категоризируют окружающую действительность и характеристики автора. Из анализа текстов и иллюстраций пацанской лирики становится ясно, что герой – это молодой, но уже умудренный жизнью человек, мужского пола, который имеет большой и нередко печальный опыт во всех сферах жизни. Важно, что все жизненные истории, как и полагается лирическим жанрам, затуманены и лишены конкретики. По некоторым намекам видно, что в жизни героя есть криминальная составляющая, печальный опыт в любви, обездоленное детство.

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства жизни, герой готов сражаться, идти к цели, достигать небывалых высот:

*(4) С высоты орлиного полета,
Мышиный писк внизу не разобрать.
Пусть говорят за вами где-то, что-то,
Внимания не стоит обращать!
Не стоит до мышей вам опускаться,
Интриги, сплетни – это пустота.
Подумайте – ведь, если разобраться,
Их просто бесит ваша высота!* 🐭

Очевидно, что приведённый пример – это образец непрофессиональной «дворовой» поэзии с преобладанием глагольных рифм и некорректной пунктуацией. Однако эстетическая функция в этом стихотворении не главная. Главная коммуникативная задача состоит

в категоризации своего окружения на «орлов» и «мышей». Герой позиционирует себя как занимающего более высокое положение по сравнению с другой неопределённой категорией людей. Эта категория обозначена как «мыши», которые находятся внизу в отличие от автора, который парит как орёл. С автором связаны номинации «орлиный полёт» и «высота».

Тема стремления героя к высотам и способности достичь желаемого актуализируется и в других постах, например с цитатами из поэзии признанной:

*(5) Для остановки нет причин,
Иду, скользя.
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя.*

В. Высоцкий

Показательна, однако, иллюстрация к цитате из Высоцкого, на которой изображены автомобили Мерседес Гелендваген и BMW (фото 1). Таким образом, текст и картинка в совокупности имплицитно указывают, что вершины и высоты связаны, главным образом, с материальным благополучием, воплощением которого является авто определенной марки.

Смысл песни Высоцкого связан не с материальными ценностями, а с духовными ценностями и личностным ростом. Иллюстрация в жанре пацанской лирики реконтекстуализирует прецедентный текст Высоцкого, помещает его в совершенно иную коммуникативную и социальную практику, полностью меняя, таким образом, аксиологическую ценность и направленность текста. По наблюдениям исследователей субкультуры осуждённых, творчество Высоцкого пользуется особой популярностью [11: 90]

Фото 1 / Photo 1

2.2. Топосы пацанской лирики в аксиологическом аспекте

Учитывая стремление автора-героя к достижению целей и удовлетворению ряда потребностей, важно обозначить, какие ценности помимо материальных представляют важность для героя и какое языковое выражение они получают. Рассмотрим, как репрезентированы желания и жизненные убеждения героя в текстах. Для этого мы будем использовать категорию топоса. Категория топоса нередко вызывает недоверие, поскольку она ассоциируется главным образом с риторикой. Однако в работах западных учёных топос применяется именно в контексте критического дискурс-анализа. Подчёркивается обобщённый характер топосов и их способность приводить к определённым умозаключениям [12: 230].

В нашем понимании топосы – это не просто тематические центры, вокруг которых выстраивается жанр. Это еще и аксиологические центры, позволяющие расставить ценностные акценты в дискурсе. (Именно в таком понимании мы использовали категорию топоса ранее при исследовании дискурсивного конструирования межнациональных отношений [13].)

В жанре пацанской лирики мы выделили несколько принципиальных топосов.

Семья

Ценность семьи утверждается императивными высказываниями, обращёнными как к читателю, собеседнику, так и к Богу:

(6) Берегите дружбу, берегите родителей, берегите близких вам людей, а не х...ю всякую, которой плевать на вас хотелось (нецензурное слово убрано мной. – Т. Д.)

(7) Дай Всевышний здоровье каждой маме, чьих сыновей я называю друзьями.

Интересно, что в контексте актуализации ценности семьи нет упоминаний об отце. Есть только обобщающее обозначение «родители» или «мать», «мама». При этом мать – это ценность, которую надо беречь, защищать от суровой правды жизни, в том числе от правды о собственном сыне:

(8) Маме лучше не знать что у меня дружба на гелике, и музон в ней от каспийского.

Приведенный текст сопровождается иллюстрацией (фото 2).

Если рассматривать текст во взаимосвязи с визуальным компонентом, то можно утверждать, что фото уточняет знаковую «Гелика» и «музона», которые выступают символами определенного образа жизни и определенной

Фото 2 / Photo 2

категории людей. На фото видим расплывчатые силуэты молодых людей на фоне Гелендвагена. Их лица закрыты балаклавами. Балаклавы ассоциируются либо с силовыми структурами (но это не тот случай), либо с радикальными группировками, члены которых намеренно используют балаклавы, чтобы скрыть лица. Важно отметить и тот факт, что топос семьи в пацанской лирике соотносится с идеологией криминального мира. Один из постулатов воровского закона предписывает чтить родителей (особенно мать), а тюремный закон обязует почитать родителей [14: 13].

Друзья и дружба

Собственно, мы уже вышли на следующий важный и широко актуализируемый топос пацанской лирики – топос дружбы. Сентенций, посвященных дружбе, очень много:

(9) Лучше быть честным врагом, чем фальшивым другом.

(10) В жопу таких друзей, которые вспомнят мой номер, когда им что-то нужно.

(11) Волк не собака, он страха не знает, он за своих всегда убивает!

(12) Когда я умру, похороните меня вместе с моими друзьями... Не было ещё такой ямы, из которой мы бы не выбрались.

Как видим, презирается дружба ненастоящая, корыстная (*фальшивым другом; когда им что-то нужно*). И наоборот, возводится в абсолют дружба до гроба (*похороните меня вместе с моими друзьями*). Можно даже говорить о языковой игре в примере (12): погребальная яма уподобляется сложной жизненной ситуации, обозначенной как «яма»,

из которой можно выбраться. Получается, что погребальная яма – это некая нефинальная, обратимая ситуация, которую можно преодолеть благодаря хорошим друзьям. С другой стороны, утверждается готовность убить за друга (*за своих всегда убивает*). Иллюстрации к постам о дружбе представляют компании молодых людей рядом с автомобилями, нечёткие изображения на тёмном фоне (фото 3). Типажи узнаваемы – это «братва», представители криминального или маргинального мира.

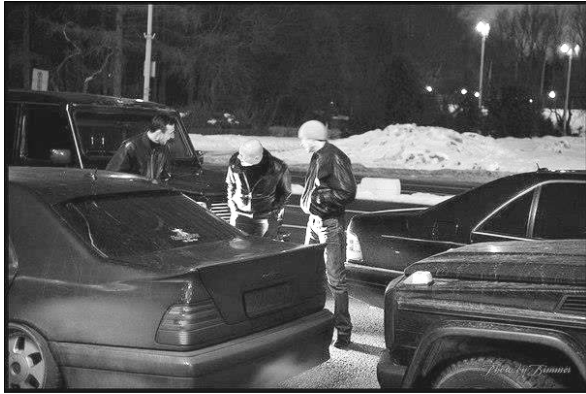

Фото 3 / Photo 3

Любовь

Много постов посвящено любви и женщинам. Сразу оговоримся, что пацанами признается только любовь между мужчиной и женщиной. Герой отрицает возможность однополрой любви:

(13) <...> Я не могу стать частью этого мира, мира где <...> Где М и Ж уже давно не различаются <...>

Топос любви реализуется достаточно романтичными сентенциями, подкрепленными соответствующими фото:

(14) Если бы я получал копейку каждый раз, когда думаю о тебе, то я был бы уже самым богатым человеком в мире.

Фото 4, служащее иллюстрацией к примеру (14), не только дополняет, но и расширяет смысл текста, поскольку это изображение невесты в свадебном наряде. Читатель выводит инференцию, что конечная цель героя – создание семьи.

Отметим, что позиционирование себя как потенциального семьянина сменяется другими, более фривольными, размышлениями и иллюстрациями, позиционированием себя как мачо:

(15) Настоящий мужской поцелуй – это как короткое замыкание, от которого перегорают все женские предохранители.

Фото 4 / Photo 4

Тем не менее романтическая составляющая прослеживается очень четко:

(16) Есть моменты, которые хочется растянуть на всю жизнь, и есть люди, которых хочется видеть всегда. (Иллюстрация – фото целующихся молодого человека и девушки на фоне моря.)

Есть и ссылки на труднодостижимый идеал в любви:

(17) Любить не сложно, сложно найти человека, которому это и правда нужно.

(18) Пусть те, кого бросили мы, найдут лучше нас, а те, кто бросил нас поймут, что мы были лучшими.

Успех

Топос успеха актуализируется в основном посредством указаний на стремление к получению материальных благ (это мы отмечали выше) и демонстрации уверенности в достижении этой цели.

(19) Может, я и родился бедным, но уж точно им не умру.

(20) Я никому не завидую! Я просто добиваюсь еще большего!

Иллюстрацией к последнему примеру служит дорогой спортивный автомобиль (фото 5). В рамках топоса успеха автомобиль – это особенно яркий символ, причем на фото 5 это и в буквальном смысле яркий объект с красного цвета дисками.

Автомобиль как символ успеха сопряжен и с соответствующими атрибутами в социальном поведении. Для пацанов дорогой автомобиль – это одновременно и символ свободы, вседозволенности, возможности нарушить общепринятые правила и нормы поведения. Так, иллюстрацией к императивному по своей функции слогану-призыву «Твой гелендваген, твои правила!!!» служит фото внедорожника, заехавшего передними колесами на большой сугроб (фото 6). Двойной

смысл данного креолизованного текста сводится, во-первых, к утверждению собственных правил, противоречащих общепринятым, и, во-вторых, к констатации в метафорическом виде, посредством картинки, собственной силы и мощи общепринятые правила нарушать.

Фото 5 / Photo 5

Фото 6 / Photo 6

Агрессия

Топос агрессии прослеживается во многих утверждениях – о дружбе, успехе и даже любви. В этих случаях он выполняет вспомогательную функцию. Однако агрессия выступает и в качестве самостоятельной ценности, которая актуализируется в речи в значительной степени посредством лексических средств (*не бойся, драться, сильней, силы, храбрости*), грамматической формы повелительного наклонения, а также визуального компонента как носителя дополнительных значений. Следующее императивное по форме высказывание побуждает к проявлению силы и агрессии, а сопутствующее фото, изображающее намотку защитных бинтов на руки (фото 7), несёт символический смысл подготовки к битве:

(21) *Не бойся драться с теми, кто сильней – непобедимых не существует.*

Фото 7 / Photo 7

В другом примере вербальное суждение, рассматриваемое в изоляции от изобразительного компонента, звучит как поощряющее силу духа:

(22) *Не важно сколько силы, главное сколько храбрости.*

В то же время фотоиллюстрация, изображающая оскалившегося волка, символизирует проявление злобы и агрессии, перенося аксиологический акцент с социально одобряемых храбрости и смелости на социально неодобряемую агрессию.

Честь

Топос пацанской чести актуализируется в ряде разнотематических постов и суждений, включая посты о поведении в драке, любви, дружеских отношениях. Прежде всего, честь ассоциируется с честностью, прямолинейностью, запретом на обман:

(23) *Не по-мужски обещать жениться или говорить, что любишь, с целью затащить женщину в постель.*

(24) *Если любишь – люби без обмана. Если веришь – то верь до конца. Ненавидишь – скажи это прямо. А смеёшься – то смейся в глаза.*

Честь определяется также и способностью стоять до конца в драке. Причем потеря чести репрезентируется как самое страшное, что может случиться с пацаном:

(25) *Быть избитым в драке, это не самое страшное. Самое страшное это струсив убежать, тем самым, потерять свою честь. Раны заживают быстро, а самооценка – нет...*

В то же время формулировки поведения правильного пацана часто размыты, их смысл инферируется получателем в зависимости от собственного понимания абстрактных категорий «порядочность», «характер», «поступки»:

(26) *Мужчину должны украшать три вещи: порядочность, характер и поступки, а не дешёвые понты, завышенная самооценка и длинный язык...*

(27) *Живите так, что бы дома гордились, девушки любили, пацаны ценили.*

Какой характер и какие поступки поощряются? Как именно нужно жить, чтобы окружение гордилось и ценило? Отчасти ответы на эти вопросы дают визуальные компоненты постов, в которых очень широко используются кадры из известных фильмов про ОПГ «Бригада» и «Бумер». Очевидно, что примеры правильного пацанского поведения должны дать главные герои этих фильмов. Так, иллюстрацией к примерам (24) и (26) служат фото Сергея Безрукова в роли главаря ОПГ Саши Белого (фото 8, 9).

Честь для пацана имеет также вполне материальное воплощение – в виде любимого автомобиля Гелендваген (фото 10).

Что отсутствует в ценностях и топосах пацанской лирики? Отсутствуют какие-либо указания на работу и труд. Чем занимаются

Фото 8 / Photo 8

эти пацаны? Прямых ответов на этот вопрос нет, однако на основе разнообразия текстов и иллюстраций представляется возможным инферировать, что герои вовлечены в какую-то незаконную, но доходную деятельность, предполагающую применение силы и даже оружия. Мы оставляем за рамками данной публикации откровенно криминальные мотивы пацанской лирики, в частности связанные с противосто-

Фото 9 / Photo 9

Фото 10 / Photo 10

янием закону и его представителям, а также с вербальной и визуальной репрезентацией оружия. Эта тема требует отдельного рассмотрения.

Заключение

Воздерживаясь от далеко идущих выводов, предложим некоторые обобщения, сделанные на основе поставленной во введении задачи и анализа материала.

1. Жанр пацанской лирики представляет собой эмоциональный элемент молодёжной криминальной субкультуры, реализующийся в смеси сиротской и криминальной риторики, в которой просматривается ярко выраженное стремление лирического героя повысить свой социальный статус любой ценой, включая применение силы. При этом основным атрибутом этого социального статуса выступает материальный успех, символическим воплощением которого является дорогой внедорожник конкретной марки – Мерседес Гелендваген. Признаками принадлежности жанра к криминальной субкультуре являются категории и ценностные установки, характерные для криминальной среды.

2. С точки зрения языковой формы пацанская лирика состоит из поучающих сентенций или обращений к читателю, нередко имеющих форму безличных предложений или императивов. Несмотря на структурные различия сентенций, они объединены в смысловую систему, и таким образом конструируется социальная категория «пацана» с присущими ей (категории) характеристиками и ценностями, включая ценности семьи, дружбы, любви, успеха, агрессии и чести. В целом герой конструируется как личность, находящаяся в конфликте с обществом и отрицающая общепринятые правила и социальные нормы.

3. Смысловая система жанра пацанской лирики реализуется всей совокупностью постов, причём тексты вступают в семантические отношения с иллюстрациями, которые могут дополнять смыслы и менять ценностные акценты вербальных суждений.

4. Помещение чужого текста, нередко прецедентного, хорошо известного, в контекст сайта пацанской лирики также меняет оригинальную аксиологическую направленность текста и служит способом актуализации собственных представлений о мире и человеческих отношениях.

Предложенный анализ, вероятно, не совсем вписывается в традиционные рамки теории речевых жанров, поскольку выводит теорию речевых жанров за границы собственно речеведческого подхода и «чистой» лингвистики, приближая её к социологии, куль-

турологии и праву. В то же время, как нам представляется, такой подход как раз соответствует бахтинскому утверждению о том, что «высказывания и их типы, то есть речевые жанры, – это приводные ремни от истории общества к истории языка» [15: 256]. Полагаем, что история современного общества находит выражение и в таком мультимодальном интернет-жанре, как пацанская лирика.

Перспективы исследования видятся нам в нескольких плоскостях. Во-первых, возможно расширение охвата материала и более детальное изучение отдельных его мотивов (к примеру, криминальных мотивов, концептуализации оружия). Во-вторых, одним из элементов современных постов в сети ВКонтакте является элемент музыкальный. Включение в пост музыкального трека выступает не просто музыкальным оформлением, создающим настроение, но и определяет характер интерпретации всего мультимодального жанрового комплекса. В-третьих, если говорить о более широких методологических перспективах, жанр может и должен использоваться как инструмент исследования коллективной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горошко Е. И., Павлова Л. В.* Трансформация текста под воздействием жанровой системы социальных медиа сервисов коммуникативного интернет-пространства (на материале англоязычных политических сайтов) // *Жанры речи.* 2015. № 1(11). С. 122–136.
2. *Дементьев В. В.* Интернет-анекдоты: некоторые структурные типы // *Жанры речи.* 2017. № 1(15). С. 118–135.
3. *Дубровская Т. В.* Жанр онлайн-петиции в контексте феминистского дискурса // *Жанры речи.* 2017. № 1(15). С. 111–117.
4. *Шурина Ю. В.* Жанровое своеобразие социальной сети Instagram // *Жанры речи.* 2016. № 1(13). С. 156–168.
5. *Buckingham D.* *Introducing identity // Youth, Identity, and Digital Media / ed. D. Buckingham.* Cambridge, MA: The Mitt Press, 2008. P. 1–24.
6. *Girls Wide Web. Girls, the Internet, and the Negotiation of Identity / ed. S. R. Mazarella.* N.Y.: Peter Lang, 2005.
7. *Stald G.* *Mobile identity: youth, identity, and mobile communication media // Youth, Identity, and Digital Media / ed. D. Buckingham.* Cambridge, MA: The Mitt Press, 2008. P. 143–164.
8. *Weber S., Mitchell C.* *Imagining, keyboarding, and posting identities: young people and new media // Youth, Identity, and Digital Media / ed. D. Buckingham.* Cambridge, MA: The Mitt Press, 2008. P. 25–48.
9. *Дубровская Т. В.* Жанр «письмо из упаковки»: дискурсивное конструирование автора и адресата // *Жанры речи.* 2016. № 1(13). С. 128–136.
10. *Воронцов А. В.* Теоретические и прикладные аспекты оперативно-разыскной характеристики криминальной среды России. М.: Академия управления МВД России, 2013. 116 с.

11. *Малинин В. Б.* Тюремный фольклор как элемент субкультуры осужденных // Лучшая научная статья 2017: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конкурса. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 88–93.

12. *Richardson J. E.* (Mis)Representing Islam: the racism and rhetoric of British broadsheet newspapers. Amsterdam: John Benjamins, 2004. 262 p.

13. *Дубровская Т. В., Рева Е. К., Кожемякин Е. А., Ярославцева Я. А., Арехина Д. В.* Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации: коллективная монография / под общ. ред. Т. В. Дубровской. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 248 с.

14. *Александров Ю. К.* Очерки криминальной субкультуры. М.: Права человека, 2001. 152 с.

15. *Бактин М. М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 250–296.

REFERENCES

1. Goroshko O. Ig., Pavlova L. V. Text transformation under the influence of the genre system of communicative internet space social media services (based on English-language political sites). *Speech Genres*, 2015, no. 1(11), pp. 122–136 (in Russian).

2. Dementyev V. V. Internet anecdotes: some structural types. *Speech Genres*, 2017, no. 1(15), pp. 118–135 (in Russian).

3. Dubrovskaya T. V. Online petition as a genre in the context of feminist discourse. *Speech Genres*, 2017, no. 1(15), pp. 111–117 (in Russian).

4. Schurina Y. V. Genre individuality of Instagram social net. *Speech Genres*, 2016, no. 1(13), pp. 156–168 (in Russian).

5. Buckingham D. Introducing identity. In: *Youth, Identity, and Digital Media*. Ed. D. Buckingham. Cambridge, MA, The Mitt Press, 2008, pp. 1–24.

6. *Girls Wide Web. Girls, the Internet, and the Negotiation of Identity*. Ed. S. R. Mazarella. New York, Peter Lang, 2005.

7. Stald G. Mobile identity: youth, identity, and mobile communication media. In: *Youth, Identity, and Digital Media*. Ed. D. Buckingham. Cambridge, MA: The Mitt Press, 2008, pp. 143–164.

8. Weber S., Mitchell C. Imagining, keyboarding, and posting identities: young people and new media. In: *Youth, Identity, and Digital Media*. Ed. D. Buckingham. Cambridge, MA, The Mitt Press, 2008, pp. 25–48.

9. Dubrovskaya T. V. Genre “letter in the pack”: discursive construction of the addresser and the addressee. *Speech Genres*, 2016, no. 1(13), pp. 128–136 (in Russian).

10. Vorontsov A. V. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty operativno-razysknoi kharakteristiki kriminalnoi sredy Rossii* [Theoretical and practical aspects of social characteristic of Russia’s criminal sphere]. Moscow, Academy of Russia’s Interior Ministry Management, 2013. 116 p. (in Russian).

11. Malinin V. B. Tiuremnyi folklor kak element subkultury osuzhdennykh [Prison folklore as an element of the convicts’ subculture]. *Best research article 2017: a collection of papers of VIII International research and practical competition*. Penza, Nauka i Prosveshchenije Publ., 2017, pp. 88–93 (in Russian).

12. *Richardson J. E.* (Mis)Representing Islam: the racism and rhetoric of British broadsheet newspapers. Amsterdam, John Benjamins, 2004. 262 p.

13. T. V. Dubrovskaya, Y. K. Reva, Y. A. Kozhemyakin, Y. A. Yaroslavtseva, D. V. Archina. *Politicheskii. Iuridicheskii i massmediinyi diskurs v aspekte konstruirovaniia mezhnatsionalnykh otnoshenii Rossiiskoi Federatsii: kolektivnaya monografiia* [Political, legal and mass media discourse in terms of discursive construction of Russia’s international and interethnic relations: collective monograph]. T. V. Dubrovskaya, gen. ed. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2017. 248 p. (in Russian).

14. *Aleksandrov Yu. K.* *Ocherki kriminalnoi subkultury* [Sketches on criminal subculture]. Moscow, Prava Che-loveka Publ., 2001. 152 p. (in Russian).

15. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: *Questions of Literature and Aesthetics. 2nd ed.* Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, pp. 250–296 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 01.06.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дубровская Т. В. «Любови достойна только мать и Гелендваген 5.5»: пацанская лирика как жанр молодёжного интернет-дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 56–65. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-56-65>

For citation

Dubrovskaya T. V. “Only Mother and Geländewagen 5.5 Deserve Love”: Busters’ Lyrics as a Genre of the Youth Internet Discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 56–65 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-56-65>

ЖАНРЫ НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ СФЕР

УДК 811.161.1'42

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-66-79>

В. В. Фенина
Саратов, Россия

Viktoria V. Fenina
Saratov, Russia

**Тотальный диктант: интеллектуальный
флешмоб или речевой жанр?**

**Russian Language Literacy Test: Intellectual
Flash Mob or Speech Genre?**

В статье анализируется «Тотальный диктант» (ежегодная образовательная акция по проверке грамотности) с точки зрения его коммуникативных и речевых характеристик: структурно-семантических компонентов, интенций и ролей, тональности и коммуникативных ценностей. Тотальный диктант рассматривается как коммуникативно-речевой феномен, содержащий в себе признаки сразу нескольких типов дискурса: педагогического, развлекательного, виртуального. Это обуславливает противоречивую природу данного явления, в частности, сочетание «серьезного содержания» (тем, ценностей) и «несерьезной формы». Исследование осуществлено на основе текстов диктантов разных лет, материалов интернет-обсуждений, а также личного участия автора в данной акции.

The phenomenon of «Total dictation» (the annual educational event of the Russian language literacy testing) is analyzed in the article from the point of view of its communicative and speech genre characteristics: communicative roles, intentions, communicative mode, communicative values, structural and semantic components. «Total dictation» is looked upon as a speech event which contains elements of several communicative spheres – pedagogical, entertaining, virtual discourse, which causes the contradictory nature of this phenomenon, namely, the combination of “serious topics” and a “non-serious form”. The research was carried out on the basis of dictation texts of different years, materials of Internet «Total dictation» discussions, as well as personal participation of the author in this event.

Ключевые слова: Тотальный диктант, русский язык, речевой жанр, речевое событие, коммуникативные роли, коммуникативные ценности.

Keywords: Russian language literacy test, Russian language, speech genre, speech event, communicative roles, communicative values.

Сведения об авторе: Фенина Виктория Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания.

About the author: Fenina Viktoria Vladimirovna, Ph.D in Philology, Associate Professor of the English Language and Methods of Teaching Department.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: vyfenix12@mail.ru

E-mail: vyfenix12@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9756-1407>

<https://orcid.org/0000-0002-9756-1407>

Введение

В современном социокультурном пространстве России Тотальный диктант (далее – ТД) (другие используемые официальные именованные – «ежегодная образовательная акция», «добровольный бесплатный диктант для всех желающих») представляет собой относительно новое, интересное явление, пока мало изученное и требующее серьезного осмысления, в том числе в аспекте его коммуникативных характеристик.

Начавшись в 2004 г. как локальное мероприятие – студенческий проект в Новосибирском государственном университете по при-

влечению внимания к грамотному письму, – ТД разросся до международных масштабов и получил одобрение и поддержку со стороны государства: в 2011 г. проект завоевал национальную премию в области развития общественных связей «Серебряный лучник» [1]. Акция «Тотальный диктант» с каждым годом охватывает всё больше стран, городов и людей: так, в 2018 г. в ней приняло участие 227 325 человек – в основном россияне и русские эмигранты за рубежом.

Выражение «Тотальный диктант» становится в настоящее время узнаваемым даже для тех носителей русского языка, кто не принимает непосредственного участия в этом

мероприятии. Данное явление приобретает определенные черты коммуникативной и даже языковой стандартизации и стереотипизации, некоторые лингвокультурные особенности. Акция «Тотальный диктант» получила широкое освещение в СМИ, в интернет-сообществах, в образовательной среде. По итогам акции лингвистами опубликован ряд научных статей, которые в Новосибирске (родине акции) составили два сборника научных трудов за 2016 и 2017 гг. [2, 3], где на первый план вышли проблемы, связанные с типичными орфографическими и пунктуационными ошибками, поднимались вопросы необходимых изменений в методике объяснения сложных правил русского языка [4, 5].

Некоторые авторы затрагивают и речекоммуникативные особенности ТД [6, 7]. Создатели и организаторы ТД, а также многочисленные СМИ сформировали в языковом сознании носителей русского языка определенное отношение к данному явлению: в различных интернет-источниках ТД часто называется «флешмобом», используются также синонимичные слова и словосочетания: «проект», «акция», «мероприятие», «образовательная акция», «лингвистический флешмоб», «образовательное мероприятие», «общественный проект», «культурная акция», «флешмоб для интеллектуалов», «интеллектуальная игра».

Таким образом, подчеркивается деятельностный, событийный и социокультурный аспект ТД.

Некоторые лингвисты, обращая внимание на коммуникативный характер ТД, исследуют его исключительно как социокультурное явление, например, с точки зрения соответствия характеристикам типичного флешмоба или ориентированности на определенную категорию людей – этому посвящена статья М. Н. Макаровой и В. Д. Симоновой под названием «Узнай всю правду о своей грамотности!: Тотальный диктант как форма флешмоба» [8].

Как речевой жанр ТД еще не рассматривался.

Является ли ТД речевым жанром? На наш взгляд, ТД несомненно обладает некоторыми признаками речевого жанра: наличие участников, имеющих типизированные коммуникативные намерения, типизированное речевое произведение, – и хотя бы начальный речевой жанровый анализ может быть полезен для прояснения этих и других важных свойств данного явления.

Сам по себе *диктант* является жанром педагогического дискурса, наряду с такими жанрами, как *лекция*, *семинар*, *экзамен*, *школьное сочинение*, *ответ на уроке* и т. д. Педагогический дискурс, по мнению В. И. Карасика, относится к статусно-ориентированному типу

общения, основной целью которого является социализация человека, приобщение к ценностям общества, проверка усвоения информации, оценка результатов (соответственно важнейшими стратегиями педагогического дискурса являются объясняющая, оценивающая, контролирующая, содействующая, организующая) [9]. Обычно построение жанров педагогического дискурса подчиняется достаточно жестким требованиям, например, необходимости соответствия продуцируемого текста определенной теме или стилю. Статусность педагогического дискурса предполагает, что педагог (учитель, преподаватель, воспитатель, наставник) находится в ситуации интеллектуального превосходства над учеником (студентом, воспитанником), что так или иначе проявляется в речевой коммуникации: ее тональности, этикетизации и т. д. [10].

Что касается рассматриваемого нами ТД, его можно отнести к педагогическому дискурсу лишь отчасти. Так, при проведении ТД люди, пришедшие писать диктант, с одной стороны, не чувствуют себя в роли учеников (участие в мероприятии добровольное и ни к чему не обязывает), с другой стороны, участники, очевидно, хотят поучаствовать в интеллектуальном общении – приобщиться к знаниям, к культурным ценностям, получить оценку своей грамотности, как это происходило в школе и вузе. К признакам педагогического дискурса можно также отнести ценностную маркированность ТД, которая заключается, по словам О. А. Ребковец, в «консолидации русскоязычного сообщества в России и за рубежом» [11: 4].

Таким образом, ТД представляется нам новым, интересным, неоднозначным речекоммуникативным явлением, требующим всестороннего лингвистического анализа.

1. Цель и материал исследования

Цель настоящего исследования – раскрыть коммуникативные, структурно-семантические и лингвокультурные особенности ТД, проанализировать данное коммуникативное явление по дискурсивной (речевой) параметрической модели.

Материалом исследования послужили опубликованные на сайте totaldict.ru тексты ТД за семь последних лет, начиная с 2012 г., когда требования к тексту ТД окончательно сформировались: 1) текст должен быть создан современным русскоязычным писателем специально для ТД; 2) текст должен быть написан художественным или публицистическим стилем; 3) текст должен быть разделен на три объединенные общей темой части, равнозначные по уровню языковой сложности,

для того чтобы участники написали диктант соответственно своим часовым поясам: Дальний Восток, Восточная Сибирь и зарубежные страны этого часового пояса пишут текст номер один, Урал и Западная Сибирь – текст номер два, а европейская часть России, Европа и Америка – текст номер три.

Кроме того, в качестве материала исследования привлекались около 400 рукописных текстов диктантов с одной из площадок акции «Тотальный диктант» в г. Саратове; доступные на сайтах <https://totaldict.ru/> и <https://vk.com/totaldict> сочинения участников ТД, написанные о том, как они принимали участие в акции; видеозаписи проведения «Тотального диктанта» разных лет; тексты, составленные филологами из типичных лексических ошибок (описок/ослышек) участников на диктанте; различные комментарии и отзывы участников о ТД в Интернете.

Наконец, автор этой статьи с 2016 г. является постоянным участником ТД и использовала некоторые личные наблюдения в ходе исследования.

2. ТД как речевое событие и речевой жанр

Вначале рассмотрим ТД с точки зрения его коммуникативно-деятельностных характеристик – коммуникативного сценария, коммуникативных ролей и коммуникативных интенций.

По мнению исследователей М. Н. Макаровой и В. Д. Симоновой, ТД имеет все признаки «классического флешмоба»:

- массовость проведения (наличие участников по всему миру, что подчеркивается уже самим словом «тотальный»);
- публичность: ТД проводится в общественных местах – университетах, школах, библиотеках, культурных центрах;
- оригинальность и креативность: факты написания ТД в космосе, на борту самолета или корабля, использование в тексте ТД редких слов, включение в сценарий юмористического ролика от организаторов «НОВОСТИ»;
- одновременность и принцип повторяемости: акция проводится каждый год, в один и тот же день во всех городах, при проверке используются одинаковые критерии оценки;
- наличие «сценария», «правил игры» – порядок проведения акции состоит из определенных, заранее заданных шагов, выбор которых основан на безусловной ценности русского языка;
- наличие определенных коммуникативных ролей – автор, пишущий, диктатор, филолог-организатор, соблюдающих заданные «правила игры»;
- наличие «лидерства» – привлечение в качестве чтецов текста («диктаторов») известных личностей, «медийных персон», например, Леонида Ярмольника, Максима Галкина, Сергея Безрукова;

- наличие эмоциональной вовлеченности и приобщенности участников ТД к «общему делу» – сохранению и приумножению грамотности;
- использование современных информационных технологий: ТД популяризируется через Интернет, проводятся онлайн-занятия по подготовке к Диктанту, онлайн-разборы ошибок, каждый участник имеет возможность узнать свою оценку в личном кабинете на сайте акции [8].

Среди приведенных выше характеристик следует выделить наличие сценария и коммуникативных ролей как безусловные признаки речевого события ТД. Ср. аномальность фразы типа: **Тотальный диктант прошел в молчании*.

Сценарий проведения ТД предполагает следующую последовательность рече-коммуникативных действий: объявление о дате и местах (площадках) проведения акции в Интернете → демонстрация видео-ролика от организаторов → заполнение бланков диктанта → объяснение одного из правил русского языка, применяемого в диктанте этого года → обращение автора текста в видеозаписи → прочтение текста диктанта автором в видеозаписи → записывание текста под диктовку филолога или медийной персоны → повтор авторского прочтения в видеозаписи → самопроверка работ → сдача работ → сообщение о результатах (оценке) → онлайн-разбор ошибок → оффлайн-разбор ошибок и награждение «отличников» → обсуждение диктанта в Интернете (комментарии, сочинения, отзывы, пародии и т. п.).

Коммуникативно-деятельностный аспект любого речевого события невозможно было бы осуществить без изначального замысла, цели, «речевой воли» говорящего или пишущего (по М. М. Бахтину). Применительно к ТД можно говорить о нескольких коммуникативных целях, или интенциях, которые мы условно разделим в соответствии с коммуникативными ролями участников данной акции на *интенции автора текста ТД, интенции филолога-организатора, интенции диктующего («диктатора») и интенции пишущего («диктантера»*).

3. Коммуникативно-прагматическая модель ТД

3.1. Коммуникативные цели филологов-организаторов

По-видимому, первоначальный замысел принадлежал исключительно филологам-организаторам – творческому объединению *Глумклуб НГУ* – и состоял в добровольной проверке грамотного письма на русском языке. Затем появилась цель популяризации грамотности

по всему миру, которая также исходила от филологов. Кроме того, среди филологических коммуникативных целей можно отметить выявление трудноусваиваемых правил русского языка для их последующей переформулировки в учебниках. Интересно, что, в отличие от школьных учителей, филологи-организаторы ТД не преследуют цели выявить процент «двоечников» и определить общий уровень грамотности населения (информация об этом намеренно скрывается, оглашается лишь процент «отличников»), наоборот, ставятся только «созидательные» цели – привлечь внимание к русскому языку, мотивировать людей всех возрастов писать по-русски грамотно. Как писал М. М. Бахтин, замысел «определяет <...> и выбор той жанровой формы, в которой будет строиться высказывание» [12: 255]. Так, цель филологов, состоящая в популяризации грамотности, обуславливает, с одной стороны, выбор достаточно сложных, с точки зрения языка, текстов диктантов, насыщение их множеством орфограмм и пунктограмм, а также имен собственных и редких слов, строгость критериев оценки – и это роднит ТД с педагогическим дискурсом. С другой стороны, неотъемлемой частью коммуникации между филологами и пишущими является создание непринужденной, подчеркнута неофициальной атмосферы, юмористической тональности, что проявляется, например, в шуточных комментариях к любой оценке, смайлах, поощрениях: *не хватило совсем чуть-чуть, но не отчаивайтесь; надеемся, вы получили настоящее удовольствие; ждем вас в следующем году* и т. п. (рис. 1 и 2).

Рис. 1 / Fig. 1

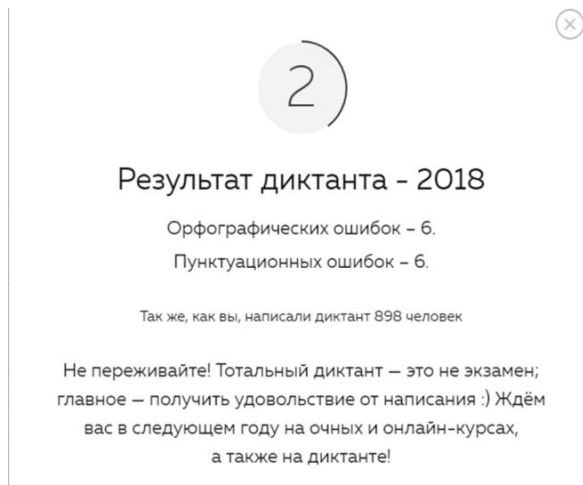

Рис. 2 / Fig. 2

Еще одним проявлением юмористической тональности является ролик от организаторов в формате «НОВОСТИ»¹, демонстрируемый с 2014 г. непосредственно перед написанием ТД, где непрямо, в форме шуток, «приколов» и т. п., рассказывается о реальных и вымышленных фактах, связанных с грамотностью, а также с темой или автором предстоящего диктанта. Цель ролика – с одной стороны, снять напряжение в аудитории, создать хорошее настроение и дружественную атмосферу при написании текста, с другой стороны – обратить внимание людей на серьезные проблемы грамотности и русского языка, рассказать о том, как правильно говорить и писать по-русски. Объектом иронии и юмористического обыгрывания становятся, например, общее снижение грамотности населения, грубые нарушения речевых, орфографических, орфоэпических норм русского языка, низкая речевая культура политиков, неграмотные тексты в Интернете:

Корреспондент: «Не обошлось и без акции с политическим подтекстом. Например, активисты движения «Грамматически толерантная партия России» захватили место проведения Тотального диктанта в Ярославле. Активисты движения **заблокировали калиторы тубаретами и обещают озвучить свои требования, когда им перезвонят**» (НОВОСТИ 2014 г.);

Реклама: «Более миллиона «ь» в год страдают от неверного написания слова «нравиться», более 300000 «о» находится в плену несуществующего слова «симпотичный», почти 200000 граждан России ищут горячие туры в Тайланд, не подозревая, что такой страны вообще нет. **Остановите эту пугающую статистику! Напишите Тотальный**

¹Видеоролики под названием «НОВОСТИ» – пародия на жанр *новости* – стали довольно заметным явлением в Интернете, уже имеющим сложившуюся текстовую и изобразительную структуру. Подборка видеороликов в формате «НОВОСТИ» доступна на сайте телеканала «2x2» – <https://2x2tv.ru/series/reviews/hobosti-2x2/>.

диктант! И езжайте отдыхать в Гилинжик» (НОВОСТИ 2015 г.).

Филологами-организаторами используется также традиционная стратегия педагогического дискурса – проверка и оценка написанных диктантов. В ходе проверки реализуются две коммуникативные цели: во-первых, оценка индивидуальной работы согласно определенным критериям, во-вторых, выявление типичных ошибок и их исправление. Реализации второй цели служит проводимый филологами онлайн-разбор каждой части текста ТД. Он состоит из комментирования филологами ошибок и правильных вариантов написания по каждому предложению и ответов на вопросы пользователей в чате. Филологи отвечают на вопросы устно в прямом эфире или письменно (один филолог – ведущий онлайн-разбора и несколько помощников для ответов в чате). Обращает на себя внимание доброжелательная, неофициальная атмосфера общения, искренняя заинтересованность писавших ТД осваивать сложные правила русского языка и повышать свою грамотность, а со стороны филологов – желание поделиться своими знаниями:

Елена Владимирова. Огромное спасибо за полный разбор текста, было понятно и здорово;

Наталья Морозова. Повторить прошлый результат на "5" не удалось... Опять ждать целый год... Учим русский язык!

Владимир Пахомов. Желаю Вам отличной оценки в следующем году!;

Итак, отличительной особенностью коммуникативной стратегии филологов-организаторов является обсуждение серьезных тем в подчеркнуто несерьезной тональности (дихотомия серьезность содержания ~ несерьезность формы). С одной стороны, прослеживается стремление повысить грамотность людей, вызвать истинный интерес людей к культуре речи, с другой – создать в речевом общении на эту тему легкую, игровую, доброжелательную, шутовскую тональность. Вероятно, эта стратегия, которую можно обозначить как содействующую, или просветительско-развлекательную, тоже способствует успешной реализации изначально поставленной масштабной цели – повышение грамотности носителей русского языка.

3.2. Автор текста ТД и его / ее коммуникативные цели

Автором текста ТД с 2010 г. становится русскоязычный писатель, который пишет текст специально для акции «Тотальный диктант»: как правило, этот текст представляет собой отрывок из еще не опубликованного

произведения этого писателя. Стоит отметить, что коммуникативные цели автора текста ТД складываются не до, а скорее во время написания самого текста диктанта и тесно связаны с целями филологов-организаторов. Во-первых, автор текста ТД несамостоятелен в инициативе написания подобного текста, так как автора выбирает и приглашает Экспертный совет ТД. Во-вторых, писателю рекомендуется писать текст в художественном или публицистическом стиле, задается объем – примерно 250–300 слов. В-третьих, уже написанный писателем текст оценивается и иногда адаптируется филологами для целей ТД.

Мы проанализировали ряд интервью, опубликованных в различных электронных СМИ [13–17], с авторами текстов ТД разных лет. Почти все писатели отмечали, что с удовольствием принимали приглашение написать тексты для акции «Тотальный диктант». Одним из главных мотивов участия в акции для автора текста ТД оказывалось желание почувствовать себя частью писательского и литературного сообщества, а также желание получить обратную связь от читающей публики:

Леонид Юзефович: «От самой мысли, что текст, который я сочинил, будут писать 200 тысяч человек, у меня перехватывает дух. Для меня очень важно, что в этом проекте участвовали замечательные писатели – Захар Прилепин, Алексей Иванов, Евгений Водолазкин. Быть в одном ряду с ними – большая честь»;

Евгений Водолазкин: «Пока, в принципе, подобная акция – одна единственная в России и институт подобных акций еще не сложился – Тотальный диктант – это первая ласточка. Думаю, что, со временем, появятся и другие способы интерактивного обыгрывания современной речевой реальности. Так что, если будут приглашать, то я с удовольствием приму участие!».

Когда филологи стремятся усложнить текст большим количеством орфограмм и пунктограмм, автор текста имеет право принять или отклонить подобные предложения в зависимости от того, не нанесут ли они ущерб основному замыслу произведения, стилю, важным для него словам и идеям, таким образом, еще одной целью становится сохранение оригинального авторского текста, в том числе с точки зрения орфографии и пунктуации:

Андрей Усачев: Конечно, мне помогли усложнить текст там, где надо. Но текст не изуродовали, там удалось все привести к грамматике и юмор сохранить. Так что текст получился и для меня не чужой, и в то же время он будет любопытен тем, кто будет писать диктант – пояснил Усачев.

Наконец, автор текста ТД, как и любой писатель, желает быть услышанным, и данная

акция дает ему возможность донести до широкой публики свои мысли – так автор текста ТД реализует цель писательского самовыражения:

Дина Рубина: *«К тому же это такой вызов для писателя – в маленьком отрывке суметь закодировать мысль, изложить и завершить! Мне это показалось интересным».*

Особенностью Тотального диктанта, в отличие, например, от художественного произведения, является то, что автор создает текст диктанта не столько для того, чтобы его прочитали, сколько для того, чтобы его написали. Сравнивая предложения из текста ТД с соответствующими предложениями художественного произведения данного автора, можно отметить следующее: с одной стороны, упрощение текста ТД за счет исключения непонятных из контекста имен (*шульмейстер, колонисты*), названий, подробных описаний, попутных замечаний, нетипичных синтаксических конструкций, с другой стороны – усложнение за счет замены орфографически простых слов более сложными (*чад – отпрысков*). Ср:

Колонисты, завидев шульмейстера – с вечно согнутыми коленками, застылой спиной и вжатой в сутулые плечи головой, – иногда окликали его и заводили речь о школьных успехах своих чад (Гузель Яхина «Дети мои»)

и

Встречные, замечая семенящую фигурку учителя, иногда окликали его и заговаривали о школьных успехах своих отпрысков (Гузель Яхина «Тотальный диктант 2018»).

Таким образом, писатель, становясь автором ТД, включается в активную речекommunikативную практику – создание текста с особыми языковыми характеристиками для лингвистического мероприятия.

3.3. «Диктатор» и его / ее коммуникативные цели

Словом «диктатор» организаторы ТД в шутку называют человека, диктующего текст. Несмотря на то что не все признают данное слово (очевидно, в силу его социально-политического подтекста), предпочитая ему «чтец», «диктор», «диктующий», значима сама попытка закрепить за Тотальным диктантом специальные термины.

Коммуникативную роль «диктатора» исполняют, как правило, филологи (учителя школ, преподаватели вузов) или медийные персоны – известные актеры, журналисты, телеведущие, общественные, политические деятели (например, Леонид Ярмольник, Максим Галкин, Сергей Нарышкин, Владимир Познер). Однако есть исключения: по сложившейся

традиции, на одной из площадок в так называемой «столице» Тотального диктанта текст диктует сам автор текста этого года, а в 2018 г. «диктатором» на одной из новосибирских площадок впервые стал робот – голосовой помощник Яндекса Алиса.

По нашим наблюдениям, «диктатор», так же как и остальные участники ТД, преследует несколько целей. Первая цель обусловлена характеристиками ТД как флешмоба – стремление развлечь публику, по меньшей мере, создать у аудитории хорошее настроение. Вторая цель «диктатора» обусловлена лингвистическими свойствами ТД и состоит в том, чтобы прочитать текст в соответствии с требованиями филологов (каждому «диктатору» перед началом мероприятия выдается специальная «памятка диктующим»): правильно проинтонировать текст, диктовать по заданным фрагментам, сообщать о начале абзаца, давать определенные подсказки пишущим, например, где поставить многоточие или восклицательный знак. Многие «диктаторы», особенно из числа артистов, стремятся осуществить данные цели оригинально, креативно, используя шутки, приколы, подыгрывая аудитории, т. е. стремятся так или иначе облегчить сложную для многих задачу грамотного написания текста:

Актер, телеведущий Леонид Ярмольник (перед началом диктовки): *«Я еще раз повторяю – расслабьтесь. Я могу вам честно сказать: когда-то в школе я писал грамотно. Поскольку мы теперь пишем редко, каждый раз спазм такой: когда нужно что написать, не помнишь даже не пятью, а когда какое два-одно 'н'. Но я у жены спрашиваю, вот, а она – у Google'a <смех в зале>. Ну что, поехали!..»;*

Спортивный комментатор Георгий Черданцев (перед диктовкой текста): *«Итак, давайте будем начинать работать. Я буду читать достаточно медленно, торопиться не будем, буду повторять все фразы, в общем как положено. Интонационно, соответственно, я вам пунктуацию буду иногда подсказывать, потому что все-таки это не экзамен».*

Итак, «диктатор» ТД преследует две основных цели: с одной стороны, развлечь публику, с другой стороны, правильно прочитать и помочь написать сложный текст.

3.4. Коммуникативные цели пишущего («диктантера»)

Безусловно, акт написания текста под диктовку является самой существенной составляющей ТД, и как речевого жанра, и как речевого события: это адресованность, которую М. М. Бахтин считал «конститутивным признаком высказывания» [12: 274]. Написание текста участниками является своего рода

ответом на то речевое произведение, которое создает автор текста ТД. Этот ответ тесно связан с пониманием текста, его графическим воспроизведением, однако от адресата ТД не требуется полного дублирования текста: критерии проверки, разрабатываемые филологами, предусматривают (особенно в области пунктуации) ряд вариантов написания, в зависимости от того, какой смысл может вкладывать пишущий в свой текст. Говоря языком М. М. Бахтина, пишущий имеет право занять в отношении текста ТД «активную ответную позицию»: например, расставить знаки препинания в соответствии со своим индивидуальным восприятием, а не с авторским замыслом. Перед началом диктовки участники акции слушают в записи прочтение текста самим автором, чтобы благодаря авторской интонации и паузам понять его замысел, однако индивидуальное восприятие не засчитывается за ошибку, если оно укладывается в рамки правил русского языка. Тем не менее филологи при разборе ошибок в диктанте разграничивают эталонный (то, как текст был написан у автора) и допустимый (то, как допустимо писать в соответствии с правилами орфографии и пунктуации) варианты. Однако количество возможных вариантов восприятия и их правильного графического отображения ограничено правилами русского языка:

Город раскинулся на равнине, и небо над ним необъятно (эталонный вариант: пишущий воспринимает части сложносочиненного предложения как перечисление и ставит запятую);

Город раскинулся на равнине – и небо над ним необъятно (допустимый вариант: пишущий воспринимает вторую часть сложносочиненного предложения как следствие, результат и ставит тире);

*Город раскинулся на равнине: и небо над ним необъятно (неверный вариант: вторая часть не может трактоваться как объяснение или причина первой).

Таким образом, учитывая, что работа каждого участника оценивается по 5-балльной шкале, основной коммуникативной целью пишущего является правильное написание текста диктанта, но не столько в соответствии с замыслом автора, сколько в соответствии с правилами русского языка.

Пожалуй, пишущий (адресат) имеет больше всего коммуникативных целей по сравнению с другими участниками ТД.

Исследователи М. Н. Макарова и В. Д. Симона на основе опроса участников, писавших ТД, выделяют девять коммуникативных целей адресата, которые, на наш взгляд, условно можно разделить на профессионально-лингвистические (а, з), развлекательные (б, г, д) и идеологические (в, е, ж, и):

а) желание проверить свои знания русского языка;

- б) желание развлечься, «потусоваться», принять участие в увлекательной интеллектуальной игре, модном и престижном проекте;
- в) желание почувствовать ностальгию по школьным временам (оказаться за школьной партией, пописать шариковой ручкой);
- г) использование возможности пообщаться с медийными личностями, выступающими в качестве диктаторов;
- д) желание поучаствовать «за компанию» с друзьями, родственниками;
- е) выражение патриотических устремлений – поддержания и популяризации русского языка, желания почувствовать себя частью русского мира;
- ж) стремление принадлежать к привилегированной социальной группе людей, говорящих и пишущих правильно;
- з) желание поддержать и развить свой профессионализм в области грамотного письма;
- и) стремление к социальной и духовной самореализации в качестве диктатора, организатора, филолога и просто человека, вносящего свой вклад в развитие языка и культуры, изменения мира к лучшему [8].

Судя по всему, цели участия в диктанте, который с каждым годом привлекает все большее число людей, являются не только сугубо утилитарными (развлечься, улучшить грамотность), как у типичного флешмоба: участниками осознаются и более серьезные цели – профессиональные, общественные, идеологические (см. ниже о коммуникативных ценностях ТД).

Обращает на себя внимание и попытка некоторых участников-пишущих установить своего рода обратную связь с филологами уже в самом написанном тексте диктанта, например, оставив свой тематический комментарий, рисунок или пожелание на полях.

Кроме того, некоторые пишущие используют обязательные для заполнения поля «имя, фамилия / псевдоним» и «кодовое слово» в качестве возможности проявить свою заинтересованность идеями Тотального диктанта или солидарность с филологами, писателями. Наиболее часто используемым кодовым словом является слово «диктант». Кодовые слова и псевдонимы пишущих в чем-то пересекаются с образом русской и мировой культуры, а также идеями просвещения и развлечения, отраженной в текстах и методике проведения диктанта. Так, можно выделить следующие семантические группы используемых «кодовых слов / псевдонимов»: 1) имена известных персонажей мировой литературы (*Доротея, Юнона, Вернер, Скарлет, Эраст Фандорин, Заратустра, Мойдодыр*); 2) названия интеллектуальных профессий (*филолог, доцент, редактор*); 3) слова из области культуры, искусства, нравственности (*культура, театр, история, логос, творчество, мир, терпение,*

красота); 4) слова, имена, связанные с Россией, ее культурой и историей (*Маяковский, Гоголь, самовар*); 5) редкие и орфографически сложные слова (*синхрофазотрон, абракадабра, челядь*); 6) слова, выражающие идею развлечения (*чудики, праздник, ведьмачка*).

4. Структурно-семантическая модель ТД

Посмотрим на текст ТД с точки зрения его «относительно устойчивых тематических, композиционных и стилистических особенностей» (М. М. Бахтин), т. е. формальной и семантической (включая прагматическую) структуры.

4.1. В построении **композиции** текста ТД участвуют как автор текста, так и филолого-организаторы: текст диктанта делится на три части, тематически связанные между собой и более или менее одинаково нагруженные различными орфограммами и пунктограммами. Однако участники, пишущие текст очно/оффлайн, могут написать только одну часть, согласно своему часовому поясу. Наиболее активные участники при наличии технической возможности могут написать две другие части в режиме онлайн, тем самым охватить написанием весь текст. В любом случае все три части после проведения мероприятия становятся доступны (по крайней мере, в своем графическом виде) на сайте акции totaldict.ru. Текст ТД имеет как общий заголовок, так и подзаголовки для каждой части, например, «*Поезд Чусовская – Тагил: Часть 1. На поезде через детство; Часть 2. Поезд и люди; Часть 3. Когда поезд вернется*». При этом каждая часть имеет относительную смысловую завершенность (например, описание одного законченного эпизода), однако все три части дополняют друг друга, образуя единое целое. В некоторых текстах ТД вторая и третья части начинаются с многоточия, а первая и вторая многоточием заканчиваются, чтобы показать более тесную взаимосвязь между частями:

*Часть 1. Утро. <...> Наступал новый день...
Часть 2. День. ...За годы учительства, каждый из которых напоминал предыдущий <...>* (текст Г. Яхиной «Учитель словесности»).

Композиционное единство частей текста ТД обеспечивается также лексическими и семантическими повторами во всех трех частях диктанта, например:

Часть 1. «Чусовская – Тагил»... Этим поездом я ездил только летом. Часть 2. «Чусовская – Тагил»... Солнечный поезд. Часть 3. «Чусовская – Тагил», солнечный поезд моего детства (текст А. Иванова «Поезд Чусовская – Тагил»);

Часть 1. Это были жюль-верновские романы или журнальные, переплетённые в кожу описания

экзотических стран – мир неведомый, недоступный и от юриспруденции бесконечно далёкий. Часть 2. Вращение ручки [патефона] казалось мне простой и одновременно неочевидной причиной льющихся звуков, своего рода универсальной отмычкой к прекрасному. Было в этом что-то моцартовское, что-то от взмаха дирижерской палочки, оживляющего немые инструменты и земными законами также не вполне объяснимого. Часть 3. Мы с мамой стоим у кованой решётки и наблюдаем, как невесомость листьев передаётся обозу: он медленно отрывается от брусчатки и на небольшой высоте летит над Невским (текст Е. Водолазкина «Волшебный фонарь»).

В последнем примере взаимосвязи между частями поддерживаются смысловым повтором: в каждой из трех частей автор описывает уход героя от реальности в воображаемый мир прекрасного (*мир неведомый, что-то моцартовское, не вполне объяснимого, медленно отрывается, летит*), используя параллельные образы – *жюль-верновские романы, вращение ручки патефона и пожарный обоз*.

4.2. Текст ТД не предусматривает фиксированного **набора тем**: филолого-организаторы ограничивают автора только объемом слов и художественным или публицистическим стилем. Однако по сложившейся традиции писатели из года в год выбирают определенный круг тем, который условно можно разделить на три группы – «Россия и русский человек», «русский язык», «мировая культура», что отражается уже в названиях текстов диктантов: «*Поезд Чусовская – Тагил*», «*В чем причина упадка русского языка и есть ли он вообще?*», «*Этот древний-древний-древний мир*». Выбор именно этой тематики, очевидно, отвечает основной коммуникативной цели ТД – объединение русскоязычного сообщества. Кроме того, тематика ориентирована, по всей видимости, на более или менее образованных, культурных людей, так как грамотное письмо предполагает не только знание правил орфографии и пунктуации, но и культурно-историческую грамотность, знание и понимание национально значимых реалий и смыслов.

Тема «Россия и русский человек» является ведущей по своему удельному весу в текстах ТД (ей посвящены тексты «*А вам не всё равно?*», «*Волшебный фонарь*», «*Поезд Чусовская – Тагил*», «*Город на реке*», «*Учитель словесности*»). Средствами выражения данной темы являются, прежде всего, различные личные имена, географические названия и названия реалий русской культуры, а также специфические этнокультурные концепты. В приводимых ниже отрывках из текстов диктантов разных лет фигурируют слова и фразы, которые понятны и близки русскому человеку, живущему или жившему долгое время

в России (среди них есть и выделяемые лингвокультурологами в качестве «ключевых слов русской культуры»): *пирожки с капустной начинкой, брататься, петь песни, самоотверженное подвижничество, выворачивать душу наизнанку*:

Тогда, в детстве, всё было по-другому: и дни длиннее, и земля больше, и хлеб не привозной. Мне нравились попутчики, завораживало таинство их жизни, открытое мне случайно, как бы мимоходом. Вот чистенькая старушка разворачивает газетку, в которой аккуратно сложены перья лука, пирожки с капустной начинкой и яйца, сваренные вкрутую. Вот небритый папаша укачивает сидящую у него на коленях маленькую дочку, и столько нежности в том осторожном движении, которым этот мужик, корявый и неловкий, прикрывает девочку полкой своего потрёпанного пиджака... Вот пьют водку расхристанные дембеля: вроде бы, ошалев от счастья, они вразнобой гогочут, братаются, но внезапно, будто что-то вспомнив, начинают драться, потом плачут от невозможности выразить непонятное им страдание, снова обнимаются и пьют песни. И только через много лет я понял, как черствеет душа, когда долго живёшь не дома (текст А. Иванова «Поезд Чусовская – Тагил»);

А между тем всё, что есть у нас: от земли, по которой ходим, до идеалов, в которые верим, – результат не «малых дел» и осторожных шагов, а глобальных проектов, огромных свершений, самоотверженного подвижничества. Люди преобразуются только тогда, когда со всего размаху врываются в мир. Человек становится человеком в поиске, в подвиге, в труде, а не в мелочном самокопании, выворачивающем душу наизнанку (текст З. Прилепина «А вам не всё равно?»).

Характерная тематическая направленность текстов ТД в рамках первой темы – «историческое прошлое России», описание жизни в до-революционную и советскую эпохи. Данная подтема создает дополнительную семантическую нагруженность, предполагающую знание пишущими определенных исторических реалий и имен собственных, например, империял, фургон, брусчатка, патефон, самовар, бренд-мейстер, шалопай, поручик, ссыльные, белый генерал, стерлядь, калач, кошёлка, брезентовые палатки, Ленин, ленинградка, «Руслан и Людмила»:

Мы в Полежаевском парке, середина июня. Там течет речка Лиговка, она небольшая совсем, но в парке превращается в озеро. На воде – лодки, на траве – клетчатые пледы, скатерти с бахромой, самовары. Я наблюдаю за тем, как компания, сидящая неподалеку, заводит патефон. Кто именно сидит, уже не помню, но всё еще вижу, как вращается ручка. Через мгновение раздается музыка – хрипящая, заикающаяся, и всё же музыка (текст Е. Водолазкина «Волшебный фонарь»).

Однако, по-видимому, основной коммуникативный эффект от использования подобных

этнокультурных концептов состоит в создании особой эмоциональной и социокультурной вовлеченности участников ТД, пишущих текст, в возможности погрузиться в мир прошлого – как прошлого России, так и, вероятно, своего личного прошлого – для участников более старшего поколения. Приведем отрывок из сочинения одной участницы, победившей в конкурсе «Как я писал Тотальный диктант», где автор указывает на то, насколько для нее смысловое содержание текста, наполненность описаниями «русской жизни» важнее его грамматической составляющей:

Последнее чтение текста, когда я не вижу уже ни орфограмм, ни запятых, ни предложений, только захлебывающийся счастливый рассказ маленького мальчишки, только неприкрытое детство, только распахнутая настежь душа. Когда текст был прочитан второй раз, я почувствовала, как губы непроизвольно расплываются в улыбке, а по рукам бегут мягкие мурашки... Не сдержавшись, внизу приписала размашистым почерком: «Ностальгия – то, что согревает наши сердца». <...> Этот тотальный диктант не только подарил мне приятные ощущения от понимания собственных знаний и общности с великим русским народом, но и ощущение душевного родства с теми, кто был рядом в эти моменты, чувство мягкой и нежной детской ностальгии...

Тема «мировая культура» не является ведущей по своему удельному весу в текстах ТД (ей полностью посвящен только текст Андрея Усачева «Этот древний-древний-древний мир»), однако реалии и имена собственные, относящиеся к образам мировой цивилизации, такие как: *этруски, эллины, финикийцы, сатиры, Эллада, Древняя Греция, Афины, междуречье Тигра и Евфрата, Альпы, Месопотамия, Олимпия, богиня луны Селена, бог винограда Дионис, Гитлер и Муссолини, Первая мировая война, Шекспир, жюльерновские романы, отрывки из «Фауста», Апокалипсис, райские кущи, амфитеатр, клинопись, иероглифы, эвенкийский язык, буддизм, стрельчатые окна, кирха* – так или иначе вплетаются практически во все тексты ТД, например:

Названия рек древнее всех других имен, нанесенных на карты. Нам не всегда понятен их смысл, вот и Селенга хранит тайну своего имени. Оно произошло не то от бурятского слова «сэл», что значит «разлив», не то от эвенкийского «сэлэ», то есть «железо», но мне слышалось в нем имя греческой богини луны, Селены (текст Л. Юзефовича «Город на реке»).

Данная тема, на наш взгляд, органично входит в семантическую структуру ТД, подчеркивая, что Россия и русский язык – неотъемлемая часть мировой культуры, и каждый русский человек, считающий себя грамотным,

должен знать, как правильно пишутся наиболее известные и значимые имена собственные и названия реалий, относящиеся к другим культурам.

4.3. Текст ТД обладает своим особым узнаваемым **стилем**, который, очевидно, сложился стихийно в ходе практики написания текстов для ТД, общения между авторами, филологами и пишущими. К наиболее характерным стилистическим особенностям ТД можно отнести:

- использование устаревших, малоупотребительных или просторечных слов, как правило, благозвучных, исконно русских или орфографически сложных: *распадки, марево, перипетии, кульбиты, уключины, пароксизмы, наперсник, шалопай, самшитовый, сомнамбулический, осклизлый, подвижность, благоглупость, поднебесье, долнее и горнее, исполин;*
- активное использование слов и выражений, имен собственных, прочно ассоциированных с русской культурой, бытом и менталитетом: *колокольный звон, симфонический оркестр, палисадник, дача, мир, земля, родник, тайга, гуляли ветры, дремучий лес, обочина, долина, банный день, от избытка чувств, со всего размаху, чересчур, не спеша, хлеб насущный, Победа, Родина, душа, пошлость, играть на гармошке, веселая компания, самовар, печь, шиферные крыши, Пушкин, Невский, Урал;*
- использование слов и имен собственных, ассоциированных с мировой (зарубежной) культурой: *Шекспир, Рим, кирха, «Фауст», амфитеатр, Дионис* и др.;
- использование длинных и сложных синтаксических конструкций;
- высокая концентрация орфограмм и пунктограмм почти в каждом предложении текста ТД;
- активное использование разнообразных тропов и фигур речи (эпитетов, метафор, сравнений и др.), подробных описаний природы, архитектуры и т. п., что создает «красивый слог»;
- использование эмоционально и оценочно окрашенных слов и выражений, создающих «пафосный слог».

В приводимом ниже отрывке из текста ТД особый стиль создается благодаря концентрации различных приемов – использованию редких слов (*распадки*), «слов русской культуры» (*Урал, дремучий, таёжный, долина*), фигур речи (*словно закатившаяся монета*), синтаксически сложного второго предложения, орфографически трудных слов (*блеснет, заброшенном*):

Железная дорога решительно поворачивала от реки Чусовой в лощину между гор,

и дальше много часов подряд поезд дробно колотил по дремучим распадкам. Сверху жарило неподвижное летнее солнце, а вокруг в синеве и мареве колыхался Урал: то какой-нибудь таёжный завод выставит над лесом толстую трубу из красного кирпича, то заискрит слюдой сизая скала над долиной, то в заброшенном карьере, словно закатившаяся монета, блеснёт тихое озеро (текст А. Иванова «Поезд Чусовская – Тагил»).

О том, что подобный стиль является узнаваемым и уже в какой-то степени закреплённым именно за ТД, говорят различные жанровые рефлексии и пародии, которые можно встретить в работах участников ТД, написанных для конкурса сочинений «Как я писал Тотальный диктант». Например, автор текста обыгрывает сочетание редких и устаревших слов с просторечием, использование имен собственных из мировой культуры, синтаксическую сложность предложений:

Получив спонсорское стило и разлинованный бланк, мы расположились за партами – было два часа дня – и приготовились внимать и трепетать. Заслуженный филолог, подобно многомудрому кентавру Хирону, добросовестно интонировал в нужных местах текста, делал красноречивые паузы и, казалось, посылал нам орфографические сигналы-флюиды; однако же и стар и млад ученик лишь сокрушённо мотал головой, сиюсья постичь сказанное, рвал власы, располагавшиеся на оной голове же. Сосед пробормотал, утерев пот с лица: «Это же как так-то?», – и отвернулся.

Обыгрывается безграмотная речь участников ТД:

Являясь* бескомпромиссным борцом за все-российскую грамотность, мне* идея Тотального диктанта очень нравиться*. Пишу его с двухтыщце* пятнадцатого года. Первые два года получала только четверки, а потом результат стал более* лучше*. В этом году в день проведения Тотального диктанта я вышла из дома и направилась к трамвайной остановке с твердым намерением повторить прошлогодний успех, но тут с ужасом осознала, что оплатить* за* проезд* будет нечем: от волнения забыла взять и проездной, и деньги. К счастью, встретила знакомую, которая, сокрушаясь, какие у нас дорогие* цены* на транспорт, все-таки заняла* мне* сто рублей.

5. «В жанре Евы Даласкиной», или коммуникативные неудачи ТД

Как писал М. М. Бахтин, «всякое слово существует для говорящего в трех аспектах: как нейтральное и никому не принадлежащее слово языка, как чужое слово других людей <...> и, наконец, как мое слово, ибо <...> оно уже проникается моей экспрессией» [12:

267]. Для ТД очень важна личная вовлеченность пишущего в текст, «проживание» этого текста во время написания под диктовку. Однако на практике получается, что канал связи, представляющий собой цепочку *автор текста ТД – филолог-организатор – диктатор – пишущий*, не всегда работает согласованно. Так, например, во время проведения акции диктатор мог неправильно или нечетко произнести то или иное слово, организаторы забыли включить слайды с подсказками, участник сидел далеко и плохо слышал диктатора, не видел, что написано на слайдах, не был сосредоточен на смысловом содержании записываемого текста и т. п. Все эти и другие факторы нередко приводят к разнообразным опускам и ослышкам, т. е. коммуникативным неудачам. На Тотальном диктанте 2015 г. один из диктаторов произнес: «Сейчас мы напишем текст Е. Водолазкина», – а один из участников услышал автора текста неправильно и записал «Ева Даласкина». С тех пор все нелепые и смешные ошибки пишущих специально фиксируются филологами и условно приписываются этому собирательному персонажу – Еве Даласкиной.

(Стоит, однако, отметить, что термин «коммуникативная неудача» применяется нами достаточно условно, поскольку как собственно ошибки данные погрешности восприятия, по решению филологов-организаторов, не учитываются при проверке и не влияют на итоговую оценку, поэтому их в какой-то степени можно считать еще одним признаком «активной ответной позиции» адресата ТД.)

Сталкиваясь с не очень понятными на слух языковыми единицами, пишущий естественным образом заменяет их на единицы (слова, конструкции), которые, очевидно, первыми приходят ему в голову (времени на качественный поиск альтернативных единиц в условиях написания диктанта нет), т. е. на те, которые составляют его активный словарный запас и, следовательно, в значительной степени отражают его картину мира. У пишущего, по видимому, возникает своего рода сопротивление тексту ТД, нагруженному различными культурно-историческими смыслами и написанному правильным литературным языком.

Мы не будем в рамках данной статьи подробно анализировать причины и источники коммуникативных неудач в ТД (эта тема может стать предметом отдельного исследования), остановимся только на создаваемой этими коммуникативными неудачами особой картине мира, во многом противопоставленной той, что смоделирована в оригинальных текстах ТД.

Ева Даласкина живет в мире бездуховном, сугубо материальном, управляемом низменными инстинктами, пессимистичном и агрес-

сивном. Ее коммуникативная цель участия в ТД – исключительно желание развлечься: «потусоваться», испытать острые ощущения, при этом мыслить нестандартно, модно, «гламурно».

Мы распределили слова, ставшие результатом «коммуникативных неудач» Евы Даласкиной, по следующим категориям:

1) популярные названия и прецедентные тексты/слова из сферы рекламы, СМИ, бытовой речи: *православие* → *Провансаль*; *Руслана* → *Роснано*; *кирха* → *килька*; *стрельчатых окон* → *стрейчевых окон*; *эллины* → *эльвины*;

2) слова, называющие коммуникативно ориентированные приоритеты современной жизни, в том числе интернет-коммуникации: *односельчанами* → *односетчанами*; *и громадной колокольней* → *игроманной колокольней*; *непреложно* → *тревожно*; *железнодорожника* → *внедорожника*; *его тренированный язык* → *его тонированный язык*; *колокольный звон* → *кока-кольный звон*; *поэтической части* → *политической части*; *декламируя строфы* → *рекламируя строфы*;

3) слова, ориентированные на «сексуальную сферу»: *горнолыжных трасс* → *порно-ложных трас*; *чтобы спасти обожженных* → *чтобы спасти обнаженных*; *с рябиновыми кустами* → *с любимыми устами*; *будто у него десяток безотлагательных дел, которые непременно следует уладить сегодня* → *будто у него десяток безосновательных дев, которых неприметно следует отвадить сегодня*;

4) «модные» в современном молодежном жаргоне, сленге, просторечии слова: *ягодно-красными* → *годно красными*; *так и текла жизнь* → *таки текла жизнь*; *аккуратных деревянных домиков* → *окуренных деревянных домиков*; *в ожидании паводка лодок* → *в ожидании Павлика лохов*;

5) «оригинально» звучащие, по мнению участников ТД, слова (замещающие «просто, скучно» звучащие): *диалект* → *де Олег*; *коленца* → *коленцо*; *игры* → *огры*; *а лавр* → *аллавр*; *нанесенных на карты* → *нанесенных на Карму*;

6) окказионализмы, основанные на созвучии и за счет этого получающие новую систему когнитивных и ассоциативных связей: *в столице Бурятии* → *в столице Дурятии*; *приехавшие из глубинки буряты* → *приехавшие из глубин Кибуряты*; *Забайкалье* → *Забокалье*; *остро заточенный карандаш* → *остров Заточенный Карандаш*; *у Екатерининского сада* → *у Якоринского зада*; *брусчатка* → *хрущатка*.

Исследователи феномена Евы Даласкиной отмечают, что данные коммуникативные

неудачи характерны в основном для молодых участников ТД – школьников и студентов, плохо знакомых с русской и мировой культурой, слабо владеющих литературным языком, но хорошо владеющих молодежным жаргоном и языком Интернета [7]. Один из членов Экспертного совета ТД лингвист С. В. Друговейко-Должанская уже несколько лет подряд составляет целые тексты из «ошибок Евы Даласкиной» [18, 19]: в совокупности эти «ошибки» отражают молодежно-жаргонную картину мира, для которой характерно, с одной стороны, грубое, приземленное, безрадостное восприятие действительности, с другой – стремление к карнавализации жизни, к словотворчеству, нестандартному мышлению. Приведем два примера «в жанре Евы Даласкиной», где в квадратные скобки заключен исходный текст ТД, а жирным шрифтом выделены рассмотренные выше типы «коммуникативных неудач»:

[Помню, как на главной площади поставили самый оригинальный из всех виденных мною памятников Ленину: на невысоком пьедестале круглилась громадная, без шеи и туловища, гранитная голова вождя, похожая на голову богатыря-исполнина из «Руслана и Людмилы».] → Помню, как на нервной почве поставили самый криминальный из всех виденных мною памятников Ленину: на невысоком пидиздали крутилось громадное бесшее туловище – гранитная голова Вождя, похожая на голого богатыря из Павлина, из Роснано, из Люда Милого;

[...Бах спускался с крыльца школы и оказывался на площади, у подножия величественной кирхи с просторным молельным залом в кружеве стрельчатых окон и громадной колокольной, напоминающей остро заточенный карандаш.] → ...Бах!.. Я спускался с креста школы и оказывался на лошади у подножия могущественной кильки с прискорбным малиновым салом в кружеве стрейчевых окон и игроманной колокольной, напоминающей остров Заточенный Карандаш (<https://www.facebook.com/s.drugoveyko>).

Феномен Евы Даласкиной, порожденный ТД и фиксируемый филологами-организаторами, на наш взгляд, занял важное место в системе представлений о данном коммуникативном феномене (речезанровой компетенции): с одной стороны, коммуникативные неудачи непрямым образом, при помощи смешных «перевертышей», обращают внимание участников на ключевые концепты ТД, такие как «русский язык», «русский человек», «Россия», с другой стороны, составление и обнародование текстов «в жанре Евы Даласкиной» служит развлекательной цели ТД.

Выводы

Итак, отвечая на вопрос, поставленный в заголовке статьи, можно предположить, что обе характеристики ТД – флешмоб и рече-

вой жанр – не являются исчерпывающими, так как ТД – это довольно обширное коммуникативное пространство, включающее и собственно тексты диктантов с их определенными узнаваемыми тематикой, стилем и композицией, и различные околожанровые образования (комментарии, отзывы, сочинения), и коммуникативные роли, коммуникативные интенции, и, наконец, коммуникативные ценности.

ТД с прагматической точки зрения можно определить, с одной стороны, как коммуникативное явление, вбирающее в себя элементы педагогического, развлекательного, виртуального дискурса, с другой – как сложный гипержанровый сценарий, структурируемый коммуникативными ролями: филолога, автора, диктатора, пишущего – и генеральной интенцией консолидации русскоязычного сообщества. В структурно-семантическом аспекте Тотальный диктант обладает трехчленной композицией и тематическим содержанием, насыщенным ключевыми концептами русской культуры; ценностный аспект Тотального диктанта реализуется, во-первых, через юмористическую тональность при проведении акции (серьезное содержание ~ несерьезная форма), во-вторых, через сочетание традиционных и современных коммуникативных ценностей русской культуры. Дальнейшее исследование может идти по пути изучения социолингвистических, концептологических, идеостилевых особенностей Тотального диктанта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русальская О. Ольга Ребковец : нужно обновлять не язык, а справочники. URL: <https://academ.info/news/28631> (дата обращения: 22.05.2018).
2. #ТОТСБОРНИК : сб. науч. тр. по материалам тотального диктанта / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. Новосибирск, 2016. Вып. 1. 162 с.
3. #ТОТСБОРНИК : сб. науч. тр. по материалам тотального диктанта / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. Новосибирск, 2017. Вып. 2. 281 с.
4. Арутюнова Е. В., Пахомов В. М. «Благословил меня коньяк на риск признаний». О чем говорят ошибки в словах коньяк и пьедестал в тотальном диктанте – 2017? // #ТОТСБОРНИК : сб. науч. тр. по материалам тотального диктанта. 2017. Вып. 2. С. 36–43.
5. Пермякова Т. Н. Способы представления орфографических норм на занятиях по русскому языку в рамках проекта «Русский по пятницам» // #ТОТСБОРНИК : сб. науч. тр. по материалам тотального диктанта. 2016. Вып. 1. С. 83–88.
6. Ким И. Е. Тотальный диктант как форма проявления русского языкового сообщества // #ТОТСБОРНИК : сб. науч. тр. по материалам тотального диктанта. 2016. Вып. 1. С. 20–29.
7. Мандрикова Г. М. Тотальный диктант : территория смыслов // #ТОТСБОРНИК : сб. науч. тр. по материалам тотального диктанта. 2016. Вып. 1. С. 29–35.
8. Макарова М. Н., Симонова В. Д. «Узнай всю правду о своей грамотности!» : тотальный диктант как форма флешмоба // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 1. С. 134–158.

9. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

10. Митягина В. А. Коммуникативные действия в академическом дискурсе : экзамен как жанр // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 337–345.

11. Ребковец О. А. #ТОТДИКТАНТ : о глобальности, небанальности и эмоциональности в Тотальном диктанте // #ТОТСБОРНИК : сб. науч. тр. по материалам тотального диктанта. 2016. Вып. 1. С. 4–10.

12. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 237–280.

13. Сысоев Г. Текст «Тотального диктанта» написал лауреат «Большой книги» Леонид Юзефович // РИА Новости. 02.03.2018. URL: <https://ria.ru/society/20170302/1489154776.html> (дата обращения: 22.05.2018).

14. Астapkович В. Гузель Яхина рассказала, каким будет «Тотальный диктант» в этом году // РИА Новости. 21.03.2018. URL: <https://ria.ru/society/20180321/1516902225.html> (дата обращения: 22.05.2018).

15. Евгений Водолазкин: «Диктант – это выживание на острове в безбрежном море языка» // РИА Новости. 15.04.2018. URL: http://evgenyvodolazkin.ru/1944_evgenij-vodolazkin-diktant-eto-vyzhivanie-na-ostrove-v-bezbreznom-more-yazyka (дата обращения: 22.05.2018).

16. Автором «Тотального диктанта-2016» стал детский писатель Андрей Усачев // ТАСС Информационное агентство России. 10.03.2016. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2728024> (дата обращения: 22.05.2018).

17. Дина Рубина: Я с ужасом слышу про все эти «креативы» и «позитивы»! // Первое подмосковное радио. 27.03.2017. URL: <http://radio1.news/interview/dina-rubina-ya-s-uzhasom-slyshu-pro-vse-eti-kreativy-i-pozitivny> (дата обращения: 22.05.2018).

18. Друговейко-Должанская С. В. ЕВА ДАЛАСКИ-НА. Остров Заточенный Карандаш. 4 мая 2018. URL: <https://www.facebook.com/s.drugoveyko> (дата обращения: 22.05.2018).

19. Друговейко-Должанская С. В. ЕВА ДАЛАСКИ-НА ПРЕДСТАВЛЯЕТ, или В ДРУГИХ МЕСТАХ ЕСТЬ НАДЕЖДА – 25 апреля 2017. URL: <https://www.facebook.com/s.drugoveyko> (дата обращения: 22.05.2018).

REFERENCES

1. Rusalskaya O. *Olga Rebkovets: nuzhno obnovlyat ne yazyk, a spravochniki* (Olga Rebkovets: It's not the Language that Needs Updating, but the Reference Books). Available at: <https://academ.info/news/28631> (accessed 22 May 2018) (in Russian).

2. #TOTSBOРНИК : *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Totalnogo diktanta* [#TOTSBOРНИК : Collection of scientific papers based on the materials of Total Dictation]. Ed. N. B. Koshkareva. Novosibirsk, 2016, iss. 1. 162 p. (in Russian).

3. #TOTSBOРНИК : *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Totalnogo diktanta* [#TOTSBOРНИК : Collection of scientific papers based on the materials of Total Dictation]. Ed. N. B. Koshkareva. Novosibirsk, 2017, iss. 2. 281 p. (in Russian).

4. Arutyunova E. V. Pakhomov V. M. “Blagoslovlil menya koniak na risk priznaniy”. O chem govoryat oshibki v slovakh koniak i pyedestal v Totalnom diktante – 2017? [“The Cognac Blessed Me for the Risk of Confessing.”

What Are the Mistakes in Words ‘Cognac’ and ‘Pedestal’ in Total Dictation – 2017?]. #TOTSBOРНИК : *sb. nauch. tr. po materialam Totalnogo diktanta* [#TOTSBOРНИК : Collection of scientific papers based on the materials of Total Dictation], 2017, iss. 2, pp. 36–43 (in Russian).

5. Permyakova T. N. Sposoby predstavleniya orfo-graficheskikh norm na zanyatiyakh po russkomu yazyku v ramkakh proyekta “Russkiy po pyatnitsam” [Ways of Presenting Spelling Norms in the Russian Language Classes as Part of the “Russian on Fridays” Project]. #TOTSBOРНИК : *sb. nauch. tr. po materialam Totalnogo diktanta* [#TOTSBOРНИК : Collection of scientific papers based on the materials of Total Dictation], 2016, iss. 1, pp. 83–88 (in Russian).

6. Kim I. E. =Totalnyy diktant kak forma proyavleniya russkogo yazykovogo soobshchestva [Total Dictation as a Form of Manifestation of the Russian Language Community]. #TOTSBOРНИК : *sb. nauch. tr. po materialam Totalnogo diktanta* [#TOTSBOРНИК : Collection of scientific papers based on the materials of Total Dictation], 2016, iss. 1, pp. 20–29 (in Russian).

7. Mandrikova G. M. Totalnyy diktant: territoriya smyslov [Total Dictation: the Area of Meanings]. #TOTSBOРНИК : *sb. nauch. tr. po materialam Totalnogo diktanta* [#TOTSBOРНИК : Collection of scientific papers based on the materials of Total Dictation], 2016, iss. 1, pp. 29–35 (in Russian).

8. Makarova M. N., Simonova V. D. «Uznay vsyu pravdu o svoey gramotnosti!» : Totalnyy diktant kak forma fleshmoba [“Find out the Whole Truth about Your Literacy!” : Total Dictation as a Form of Flashmob. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 2018, iss. 17, № 1, pp. 134–158 (in Russian).

9. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).

10. Mityagina V. A. Kommunikativnyye deystviya v akademicheskom diskurse : ekzamen kak zhanr [Communicative Actions in Academic Discourse : Examination as a Genre]. In: *Zhanry rechi : sb. nauch. st. Vyp. 6. Zhanr i yazyk* [Speech genres : coll. of sci. art. Iss. 6. Genre and language], Saratov, ITs “Nauka”, 2009, pp. 337–345 (in Russian).

11. Rebkovets O. A. #TOTDIKТАNТ : o globalnosti, nebanalnosti i emotsionalnosti v Totalnom diktante (#TOTDIKТАNТ : on the Global, Unbanality and Emotionality in the Total Dictation). #TOTSBOРНИК : *sb. nauch. tr. po materialam Totalnogo diktanta* [#TOTSBOРНИК : Collection of scientific papers based on the materials of Total Dictation], 2016, iss. 1, pp. 4–10 (in Russian).

12. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskustvo Publ., 1979, pp. 237–280 (in Russian).

13. Sysoyev G. Tekst “Totalnogo diktanta” napisal laureat “Bolshoy knigi” Leonid Yuzefovich (The text of the “Total Dictation” Was Written by Leonid Yuzefovich, Laureate of the “Big Book”). *RIA Novosti* (RIA News). Available at: <https://ria.ru/society/20170302/1489154776.html> (accessed 22 May 2018) (in Russian).

14. Astapkovich V. Guzel Yakhina rasskazala, kakim budet “Totalnyy diktant” v etom godu (Guzel Yakhina Exposed What the “Total Dictation” Will Be Like This Year). *RIA Novosti* (RIA News). Available at: <https://ria.ru/soc>

iety/20180321/1516902225.html (accessed 22 May 2018) (in Russian).

15. Evgeniy Vodolazkin: “Diktant – eto vyzhivaniye na ostrove v bezbreznom more yazyka” (Evgeniy Vodolazkin: “Dictation Is Survival on an Island in the Boundless Sea of Language”). *RIA Novosti* (RIA News). Available at: http://evgenyvodolazkin.ru/1944_evgenij-vodolazkin-diktant-eto-vyzhivanie-na-ostrove-v-bezbreznom-more-yazyka (accessed 22 May 2018) (in Russian).

16. Avtorom “Totalnogo diktanta-2016” stal detskiy pisatel Andrey Usachev (The Children’s Writer Andrei Usachev Became the Author of the Total Dictation-2016). *TASS Informatsionnoye agentstvo Rossii*. 10.03.2016 (TASS Information agency of Russia. 03/10/2016). Available at: <http://tass.ru/obschestvo/2728024> (accessed 22.05.2018) (in Russian).

17. Dina Rubina : Ya s uzhasom slyshu pro vse eti “kreativy” i “pozitivy”! (Dina Rubina : I’m Horrified to

Hear about All These ‘Creatives’ and ‘Positives’!). *Pervoye podmoskovnoye radio*. 27.03.2017 (The First Radio Station of the Moscow Region. 03/27/2012). Available at: <http://radio1.news/interview/dina-rubina-ya-s-uzhasom-slyshu-pro-vse-eti-kreativy-i-pozitivy-> (accessed 22 May 2018) (in Russian).

18. Drugoveyko-Dolzanskaya S. V. *EVA DALASKINA. Ostrov Zatochennyi Karandash* (EVE DALASKINA. Island Honed Pencil – May 4, 2018). Available at: <https://www.facebook.com/s.drugoveyko> (accessed 2 May 2018) (in Russian).

19. Drugoveyko-Dolzanskaya S. V. *EVA DALASKINA PREDSTAVLYAYET, ili V DRUGIKH MESTAKH EST NADEZHDA*. 25 April, 2017 (Eva Dalaskina Represents, or in Other Places There is Hope Too – April 25, 2017). Available at: <https://www.facebook.com/s.drugoveyko> (accessed 22 May 2018) (in Russian).

Статья поступила в редакцию 07.06.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Фенина В. В. Тотальный диктант: интеллектуальный флешмоб или речевой жанр? // *Жанры речи*. 2019. № 1 (21). С. 66–79. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-66-79>

For citation

Fenina V. V. Russian Language Literacy Test: Intellectual Flash Mob or Speech Genre?. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 66–79 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-66-79>

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. Б. Крылова*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 28.02.2019.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 9.33 (10.0). Тираж 500. Цена свободная. Заказ 30-Т.

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.